

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук
Кафедра философии и методологии науки

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой
философии и методологии науки

27.06.2024

А.С.Лаптёнок

СОГЛАСОВАНО

Декан факультета философии и
социальных наук

27.06.2024

В.С.Сайганова

МП

Философия и методология науки

Электронный учебно-методический комплекс
для всех специальностей углубленного высшего образования
и специального высшего образования

Регистрационный № 2.4.2-24 / 482-Г

Авторы:

Зеленков А.И., доктор философских наук, профессор,
Анохина В.В., кандидат философских наук, доцент,
Барковская А.В., кандидат философских наук, доцент,
Кисель Н.К., кандидат философских наук, доцент,
Новикова О.В., кандидат философских наук, доцент,
Хомич Е.В., кандидат философских наук, доцент,
Шаврова О.Г., кандидат философских наук, доцент.

Рассмотрено и утверждено на заседании Научно-методического совета БГУ
31.05.2024 г., протокол № 8.

Минск 2024

УДК 1(075.8)+167/168(075.8)
Ф 561

Утверждено на заседании Научно-методического совета БГУ.
Протокол № 8 от 31.05.2024.

Решение о депонировании вынес:
совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 12 от 27.06.2024

Авторы:

Зеленков А.И., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии науки,

Анохина В.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Барковская А.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Кисель Н.К., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Новикова О.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Хомич Е.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Шаврова О.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки

Рецензенты:

Лазаревич А.А., кандидат философских наук, доцент, директор Института философии НАН Беларуси;

Добродородний Д.Г., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Международного института управления и предпринимательства.

Зеленков, А.И. Философия и методология науки : электронный учебно-методический комплекс для всех специальностей углубленного высшего образования и специального высшего образования / А. И. Зеленков [и др.] ; БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. философии и методологии науки. – Минск : БГУ, 2024. – 245 с. – Библиогр.: с. 232–245.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов, аспирантов, соискателей всех специальностей углубленного высшего образования и специального высшего образования. ЭУМК включает структурно-содержательную реконструкцию лекционного курса, а также учебно-методические материалы, позволяющие организовать изучение основных проблем курса на современном научно-теоретическом и методическом уровне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ.....	9
Структурно-содержательная реконструкция лекционного курса «Философия и методология науки».....	9
1.1. Философия и ценности современной цивилизации.....	9
1.1.1. Статус и предназначение философии в жизни современного общества.....	9
1.1.2. Философия природы в эпоху экологических вызовов современности	20
1.1.3. Философия глобального эволюционизма.....	36
1.1.4. Проблема человека и антропологический поворот в современной философии	50
1.1.5. Актуальные проблемы социальной философии.....	59
1.1.6. Философия культуры	76
1.2. Философско-методологический анализ науки	85
1.2.1 Наука как важнейшая форма познания в современном мире	85
1.2.2. Структура и динамика научного познания.....	111
1.2.3. Методологический инструментарий современной науки.....	124
1.2.4. Логика, риторика и диалектика науки.....	132
1.2.5. Наука как социальный институт и доминантная ценность в современной культуре	139
1.3. Философско-методологические проблемы дисциплинарно и междисциплинарно-организованной науки.....	156
Вариативный модуль для естественнонаучных специальностей:	156
1.3.1. Модуль А. Философия естествознания и техники.....	156
Вариативный модуль для гуманитарных специальностей	171
1.3.2. Философия социально-гуманитарного познания.....	171
1.4. Философия, наука, человек в XXI столетии	184
1.4.1. Философия в начале XXI века: проблемы и перспективы	184
1.4.2. Глобализация как цивилизационный феномен и предмет социально- философского осмысления	190
2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ.....	202

2.1. Практикумы по курсу «Философия и методология науки»	202
2.2. Примерный перечень тем рефератов для магистрантов, аспирантов и соискателей естественнонаучных и гуманитарных специальностей	208
2.3. Методические указания и рекомендации по подготовке и написанию реферата для сдачи кандидатского экзамена по дисциплине «Философия и методология науки»	217
3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ	220
3.1. Примерный перечень вопросов для контроля знаний на экзамене кандидатского минимума по общеобразовательной дисциплине «Философия и методология науки» для магистрантов, аспирантов и соискателей естественнонаучных специальностей	220
3.2. Примерный перечень вопросов для контроля знаний на экзамене кандидатского минимума по общеобразовательной дисциплине «Философия и методология науки» для магистрантов, аспирантов и соискателей гуманитарных специальностей	222
4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ	225
4.1. Программные требования, предъявляемые к магистрантам, аспирантам и соискателям гуманитарных и естественнонаучных специальностей, сдающим кандидатский экзамен по философии и методологии науки	225
4.2. Проблематика учебной дисциплины.....	225
4.3. Рекомендуемая литература.....	232
Основная литература.....	232
Дополнительная литература.....	232
4.2. Электронные ресурсы	245

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Современные тенденции в развитии образования предполагают интенсивное освоение специализированных образовательных программ на постдипломном уровне. В соответствии с отечественными традициями такие программы реализуются в процессе подготовки научно-педагогических кадров. Необходимость адаптации накопленного в ведущих университетах мира образовательного опыта и передовых инновационных технологий в сфере специализированной подготовки студентов ставит перед современной аспирантурой ряд новых нетрадиционных задач. Прежде всего, эта задача органичного соединения углубленной профессиональной подготовки и программ её социокультурной адаптации. Речь идёт о формировании и развитии у аспирантов и магистрантов осмысленной потребности не только овладевать методами научного и педагогического творчества, эффективно решать актуальные научно-исследовательские проблемы, но и адекватно оценивать роль и значение новых научных идей для развития общества, определять их ценностное и антропологическое измерение. Эта стратегическая ориентация в развитии специализированного образования соответствует магистральным тенденциям динамики современной науки, всё более интенсивно интегрирующей инструментально-технологические и социокультурные параметры научного познания.

В связи с этим принципиально важно так организовать учебный и научно-исследовательский процесс, чтобы он органично соединял в себе конкретно-научные задачи с общеметодологической подготовкой, предполагающей адекватное восприятие и рефлексивную оценку приоритетов своей профессиональной деятельности. Необходимо положительно оценить сложившуюся в отечественной высшей школе традицию, согласно которой успешная подготовка научно-педагогических кадров предполагала систематическое изучение курса философии и формирование на этой основе навыков рефлексивно-методологического мышления.

В современной ситуации роль и значение философско-методологической подготовки аспирантов и молодых учёных ещё более возрастает. Это определяется комплексом объективных процессов, происходящих в обществе и формирующих проблемное поле социодинамики на рубеже XX – XXI столетий. Фронтальное внедрение науки и современных информационных технологий в важнейшие сферы жизнедеятельности общества, глобализация мирового развития, перманентное обострение экологических проблем, возникновение многочисленных центров региональной напряжённости в связи с процессами трансформации и модернизации постсоциалистических и развивающихся государств, феномен массовизации культуры и становление нелинейных и виртуальных моделей жизни сознания – эти и многие другие явления актуализируют проблемы философско-мировоззренческого и логико-методологического уровня. Их профессиональное и творческое осмысление требует серьезной и акцентированной подготовки будущих ученых и педагогов.

Способствовать выполнению этой кардинальной задачи призван курс «Философия и методология науки», который в соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь рекомендуется для изучения в аспирантуре и ориентирован, в первую очередь, на задачи философско-методологического обеспечения научно-профессиональной деятельности аспирантов, магистрантов и соискателей, творческое осмысление ими соответствующей философской проблематики, имеющей непосредственное отношение к вопросам логики, методологии, социологии науки и образования.

Осуществляющийся сейчас в высших учебных заведениях Беларуси переход на многоуровневую систему образования определил ориентацию кафедры философии и методологии науки БГУ на следующую модель преподавания философских курсов.

Первый уровень. Курс «Философия», читаемый на этом уровне, призван заложить основы философской подготовки студента и обеспечить ему возможность системного освоения мировой классической философской традиции.

Второй уровень – подготовка дипломированных специалистов. Ее обеспечивает курс «Философия в современном мире». Отличительной особенностью этого курса выступает его акцентированная направленность на проблематику и содержательные особенности современной философской мысли. Основная цель курса заключается в том, чтобы, опираясь на базовые знания по философии, которые уже имеются у студентов, познакомить их с наиболее значительными идеями и концепциями постклассической философии.

Третий уровень, ориентированный на задачи постдипломного образования в рамках магистратуры и аспирантуры, предполагает преподавание курса «Философия и методология науки». Этот курс разработан в соответствии с «Программой-минимум кандидатского экзамена по философии и методологии науки», утвержденной Приказом ВАК Республики Беларусь от 30 декабря 2004 г. № 179. В первую очередь он ориентирован на философско-методологическое обеспечение будущей профессиональной педагогической и научно-исследовательской деятельности магистрантов, аспирантов и соискателей. Приоритетное внимание в нем уделяется задачам творческого осмысления обучающимися соответствующей философской проблематики, имеющей непосредственное отношение к вопросам логики и методологии науки. Исходя из этого, концептуально-теоретическая основа предлагаемого в данном учебном пособии курса интерпретируется авторами, прежде всего, как философия и методология научного познания. Однако, поскольку современное понимание науки предполагает обязательное раскрытие различных ее измерений и импликаций (социально-экологических, антропологических, социокультурных и др.), постольку гносеологическая и эпистемологическая проблематика увязывается в нем с вопросами социальной философии, философской антропологии и других разделов философского знания. В результате курс приобретает целостный и системный характер, но в его содержательно-

тематических акцентах отчетливо доминирует логико-методологическая и науковедческая проблематика.

Целью данного издания является публикация учебно-методического комплекса, призванного оптимизировать изучение нового курса «Философия и методология науки» на уровне постдипломного образования, а также оказать научно-методическую помощь магистрантам, аспирантам и соискателям в процессе подготовки и сдачи экзамена кандидатского минимума по данной дисциплине.

При разработке данного учебного пособия авторский коллектив опирался на значительный опыт преподавания философии и философских дисциплин на постдипломном уровне образования, который накоплен за многие годы на кафедре философии и методологии науки БГУ. Естественно, что этот опыт осмыслен через призму его адаптации к современному уровню развития философии и форм ее взаимосвязи с современной наукой и культурой.

Одной из отличительных особенностей данного учебно-методического пособия является его комплексный характер, предполагающий наличие конкретных содержательных и методических рекомендаций для обучающихся на всех этапах подготовки к вступительным экзаменам в аспирантуру по философским дисциплинам, а затем и к экзаменам кандидатского минимума. Исходя из соображений о целесообразности единой концептуально обоснованной программы лекционного курса по философии для аспирантов и магистрантов гуманитарных и естественнонаучных специальностей, авторы пособия считают принципиально важным специфицировать семинарские занятия, дискуссии и практикумы по актуальным проблемам философии с учетом профиля и особенностей гуманитарного и естественнонаучного знания. Этот подход в полной мере нашел свое отражение в данном пособии. В нем предложены детально разработанные сценарии философских практикумов по различным темам и направлениям современной философии и методологии науки, приводится и тщательно классифицируется обширная философская литература.

Одной из новаций описываемой программы является особый акцент на необходимости существенно активизировать творческую самостоятельную работу аспирантов и магистрантов как по осмыслению и анализу литературы (первоисточников), так и по интерпретации наиболее важных и актуальных проблем современной философии и методологии науки с учетом конкретного естественнонаучного или гуманитарного профиля выполняемых диссертационных исследований. Эта работа осуществляется, прежде всего, в процессе подготовки реферата по курсу «Философия и методология науки» с последующей его защитой при сдаче кандидатского экзамена.

Опыт работы с аспирантами, накопленный во многих учебных и научных центрах Республики Беларусь, а также в странах СНГ, свидетельствует о том, что реферат – очень важный и значимый компонент в системе философско-методологической подготовки аспирантов. Он требует не только от аспиранта, но и от его научного руководителя больших затрат времени и серьезного внимания

к выбору темы реферата, а также к информационно-теоретическому обеспечению его надлежащего уровня. Поэтому в пособии специальное внимание уделено научно-методическим рекомендациям, касающимся написания рефератов по философии и методологии науки, с целью сориентировать аспирантов на творческое и инновационное отношение, как к выбору темы философского реферата, так и формам ее содержательного раскрытия.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Структурно-содержательная реконструкция лекционного курса «Философия и методология науки»

1.1. Философия и ценности современной цивилизации

1.1.1. Статус и предназначение философии в жизни современного общества

Философия – это особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех ее основных проявлениях.

Становление философии означало утверждение нового в сравнении с мифологией и религией типа мировоззрения. В нем представления о мире и человеке обосновываются рациональными средствами с использованием теоретических понятий, логических и гносеологических критериев. Своей устремленностью к фундаментальным вопросам бытия, загадкам человеческого сознания и деятельности философия сближается с религией, мифологией, искусством. Однако в отличие от искусства и мифологии она обращается прежде всего не к чувствам, а к разуму; в отличие от религии – опирается не на догматы и иррациональную веру, а системно и доказательно обосновывает свои положения с использованием рациональных аргументов и логических средств.

Исторически философия возникает как рационально-теоретический тип мировоззрения и особая форма освоения реальности, в процессе развития которой вырабатывается целостная и предельно обобщенная система знаний о мире, человеке и формах взаимосвязи между ними.

В качестве основных можно зафиксировать три важнейших типа философского познания или три мировоззренческих проблемы:

1. Проблема Универсума, в рамках которой философия обосновывает категориальную модель мира и отвечает на вопросы о его первоначалах, конечности и бесконечности, единстве и множественности, о формах и способах его бытия.

2. Проблема человека, которая связана с осмыслением комплекса мировоззренческих вопросов об аксиологическом статусе человека как особого типа бытия. В чем смысл жизни человека? Свободен или несвободен он в своих действиях и поступках? Каковы принципиальные отличия человеческого существования от иных типов бытия, которые характерны для природных и социальных систем? Эти и многие другие вопросы конституируют содержательное пространство проблемы человека в философии.

3. Проблема взаимосвязи человека и мира, анализ различных форм и типов отношений между ними, которые предполагают познание, преобразование и ценностную интерпретацию природного и социокультурного мира.

В процессе исторического развития философии разрабатывались различные методы познания, обосновывались их эвристические и операциональные возможности не только в философском, но и в научном исследовании. Специфику классического философского мышления нельзя адекватно определить без уяснения его принципиальной рефлексивности. В отличие от частных наук, различных формообразований культуры и обыденного сознания, философия, как правило, стремилась зафиксировать в языке своих категориальных определений интегральные представления о культуре как целостности и выразить его в совокупности предельных ее оснований.

Творческая и продуктивная природа философского мышления убедительно обнаруживает себя в процедурах генерации и обоснования потенциально возможных социальных миров и понятийно категориальных каркасов будущих состояний культуры.

В методологическом потенциале философии, который весьма разнообразен, обычно выделяют два основных метода философствования, которые существенно отличаются друг от друга по своим содержательным и нормативным характеристикам: диалектический и метафизический.

Диалектический метод формируется в античной философии в структуре так называемых сократических диалогов. Классический философский диалог как форма интеллектуальной деятельности имеет полемическую направленность, предполагает столкновение различных мировоззренческих и исследовательских позиций, рациональную дискуссию, ориентированную на поиск объективной истины, а не на достижение субъективных прагматических интересов, демонстрацию превосходства собственной точки зрения или красноречия. Аристотель трактует диалектику не только как метод умозрительного познания, но и исследования единичных вещей и предметов. Благодаря Аристотелю диалектика стала основным методом философствования в средневековой европейской культуре, где она включала в себя логику и силлогистику как составные части философского метода.

Наиболее развитой формой диалектического метода была диалектика Г. Гегеля, которую он понимал как универсальную теорию развития и метод познания мира. Диалектика, по Г. Гегелю, основывается на идее непрерывного движения, изменения и развития бытия, сущности и понятия, а также идее противоречия как единства взаимоисключающих и одновременно предполагающих друг друга противоположностей. Диалектический метод философствования ориентирован на выявление содержательного, а не формального развития исследуемого объекта, поэтому он характерен для критического и творческого мышления, без которого не может существовать подлинная философия.

Метафизический метод в философии возник в эпоху Нового времени, когда под воздействием бурно развивающегося экспериментального естествознания изменялась не только картина мира, но сущность и направленность философской рефлексии. Благодаря успехам классической механики Вселенная стала мыслиться как огромный сложный механизм,

состоящий из множества простых и устойчивых тел, изменения которых сводятся к перемещению в пространстве. В соответствии с новой картиной мира, метафизический метод мышления оказался связанным с абсолютизацией таких познавательных приемов и процедур, как анализ, эксперимент, классификация и систематизация исследуемых явлений природы. Метафизический метод ориентировался на фиксацию объективной устойчивости и неизменности вещей. Его характерными чертами стали абстрактность, односторонность, абсолютизация тех или иных моментов в целостном процессе познания.

Для того чтобы предметно и обоснованно зафиксировать место и роль философии в системе культуры, целесообразно рассмотреть ее соотношение с другими формообразованиями культурного универсума. Выделим в качестве таких формообразований науку, искусство и религию.

Философия и наука. Укажем на ряд особенностей философии, которые роднят ее с наукой.

1. Категориально-теоретический тип знания, в котором исследуемая реальность не только описывается, изображается, но и концептуально интерпретируется, объясняется. При этом философия, как и наука, опирается на особые специально разработанные техники мышления, логические правила и методологии.

2. В классических версиях и философия, и наука чрезвычайно высоко оценивали истину как нормативный и регулятивный идеал познания. Именно они (в отличие от обыденного мышления, мифологии, религии, искусства) провозглашали истину высшей и самодостаточной познавательной ценностью.

Однако это не означает, что философия абсолютно тождественна науке. Необходимо констатировать, что философия существенно отличается от нее. Укажем на некоторые из них

1. В исследуемой реальности наука всегда вычленяет ее предметный аспект, абстрагируясь при этом от личностно-субъективных мнений и оценок этой реальности. Такая установка позволяет науке достигать объективно-истинного знания о явлениях. Философия же в принципе не может абстрагироваться от этого человеческого или субъективного контекста познания, поскольку действительность в ней всегда дана посредством сознания и через него.

2. Наука, описывая и объясняя объективно-предметные структуры реальности, отражает и воспроизводит мир таким, каким он существует в своей онтологической данности. Философия же не только отражает существующее, но и формирует представления о должных или ценных для человека и общества формах природного, социального и духовного бытия. Это позволяет заключить, что философия – ценностная форма сознания, отражающая реальность как значимую для человека с позиций его высших жизненных целей и социально-нравственных идеалов.

3. Научные идеи и гипотезы должны быть обоснованы и доказаны опытом и экспериментом. Философия же покидает пределы опытного знания и претендует на то, чтобы формировать представления о том, что в опыте не дано.

Это позволяет философским идеям приобретать статус «метафизических», которые не могут опираться только на научные методы и знания, а требуют обращаться к умозрению, творческому продуктивному воображению и пониманию.

Философия и искусство. Ретроспективный взгляд на историческую динамику философии и искусства не может не породить ощущения, что во многом они едины и взаимоопосредованы.

1. Как в философии, так и в искусстве, одним из главных предметов изучения является человек, универсум его духовного мира и образно-эмоциональной сферы сознания. Познавательный интерес и философа и художника всегда был направлен на ценностный план культуры, формирование определенных идеалов и представлений о должном, прекрасном, добром, безобразном.

2. Поскольку одной из важнейших интенций философского познания является раскрытие не только сферы значений тех или иных явлений культуры, но и их личностных смыслов, то философия в этой своей презумпции сродни искусству. Философские трактаты, как и произведения искусства, многозначны и полисемантичны, их содержание всегда опосредовано конкретными социокультурными обстоятельствами, спецификой авторского мировосприятия, что исключает единственно верное их истолкование и предполагает множество возможных и личностно значимых интерпретаций.

При этом нельзя забывать, что один из важнейших аспектов специфики философского познания мира состоит в использовании категориально-теоретических средств осмысления исследуемой предметной области. Если в искусстве доминирует художественное мышление, оперирующее личностно значимыми, чувственно-эмоциональными образами, то в философии конструируется и используется язык категориальных абстракций или идеализаций особого рода, в совокупности которых опосредованно отражаются фундаментальные основоположения культуры. Художественный образ воздействует прежде всего на чувственность человека, в то время как философ апеллирует в первую очередь к человеческому разуму, претендуя на выражение глубинных и инвариантных основ бытия. Именно с этой особенностью языка философии и категориально-теоретическим статусом ее выразительных средств по праву связывают перспективы сохранения философии в современной культуре как формы конструктивно созидającego мышления и позитивного духовного опыта.

Философия и религия. Зафиксировать отличительные признаки философии как уникальной формы культуры позволяет и анализ ее взаимосвязей с религией. По характеру проблем и их мировоззренческому статусу она во многом совпадает с философией. Не случайно Г. Гегель считал религию одной из форм Абсолютного духа, которая непосредственно предшествует философии, имеет с ней во многом совпадающее содержание, только выраженное в форме представления, а не в форме понятия.

Религия, являясь в целом авторитарной, догматичной и традиционалистской формой культуры, все же содержит в себе значительный элемент рациональности, что сближает ее с философией. Особенно ярко это обнаруживается в теологии или теоретическом богословии. В рамках богословской традиции Бог признается недоступной для человеческого восприятия сущностью, лишенной какого бы то ни было чувственно-эмпирического содержания. Как абсолютно трансцендентное начало он не может быть постигнут и человеческим разумом, который лишь способен постулировать принцип его безосновности. Однако в то же время в теологии рационально обосновывается тезис о том, что в Боге содержится вся полнота оснований, объясняющих действительность во всех возможных ее ипостасях.

Конечно, было бы принципиально неверным полагать, что религия и философия абсолютно тождественны по своим содержательным и функциональным характеристикам и представляют собой разновидности одной и той же формы культуры. Между ними существуют кардинальные различия.

1. Философское мышление по сути своей критично и антидогматично, любые свои утверждения оно стремится доказать и обосновать в актах рефлексивно-теоретической деятельности. Религия же содержит совокупность догматов, которые не подвластны суду разума и критической философской рефлексии. Они не требуют доказательства и обоснования, а могут быть лишь предметом интерпретации и экзегетики.

2. Религиозный опыт предполагает личный и глубоко интимный тип отношений человека с Богом, в котором доминируют не рефлексивно-рациональные компоненты, а чувства и эмоционально окрашенные состояния сознания, приобретающие статус глубинных мировоззренческих убеждений.

3. Специфика религии по отношению к философии состоит и в том, что она, являясь ярко выраженной формой духовно-практического освоения действительности, предполагает строгое соответствие религиозных догматов и символа веры реальным поступкам человека, его нравственной жизненной позиции. Таким образом, философия – это сложный и изменчивый феномен культуры, который нельзя идентифицировать ни с одной ее формой. Она может сближаться с наукой, искусством, религией, иногда даже принимая их облик и внешнюю определенность. Тем не менее, философию нельзя отождествить ни с одной из этих форм культуры или даже их синкретичной совокупностью. Она представляет собой уникальный духовный феномен, поскольку ее фундаментальной интенцией является осмысление и рационализация различных образов мира и человека, сложившихся в важнейших сферах духовной культуры.

Во второй половине XX века в развитии техногенной цивилизации, определяющей стратегии социодинамики современных обществ, обнаружились фундаментальные проблемы и противоречия. Глобальные кризисы (экологический, антропологический, социокультурный) заставили критически отнестись к прежним идеалам прогресса и целям социального развития. Сейчас в мире идёт поиск новых путей развития, новых человеческих ценностей и мировоззренческих ориентиров, который осуществляется в различных областях

человеческой культуры – в науке, искусстве, религии. Существенную роль в этом процессе призвана сыграть философия, поскольку речь идет об изменениях в сфере глубинных оснований человеческого бытия, о новых идеалах и ценностях развития, которые призваны обеспечить стратегию выживания человечества и дальнейшего его самосовершенствования.

В современной философии разрабатываются принципиально новые интерпретации природного и социального мира, обосновываются новые цели и идеалы человеческой деятельности и общения, разрабатываются новые перспективы самого человека. Предпосылки для формирования этих мировоззренческих ориентаций создаются внутри самой техногенной цивилизации и связаны с ее изменением от индустриальной к постиндустриальной фазе развития. При этом особое значение приобретают следующие тенденции социодинамики: а) становление глобальной цивилизации и взаимодействие различных культур и стилей жизни; б) кризис прежних идеалов господства и подчинения, ориентированных на силовое преобразование природы и общества; в) формирование этики ненасилия и культуры общечеловеческих ценностей; г) радикальные изменения в сфере науки и научной рациональности, направленные на создание гибких и человекообразных технологий деятельности и методологий мышления.

В этих условиях происходят значительные изменения в реализации важнейших функций философии.

1. Мировоззренческая функция философии состоит в том, что она вырабатывает обобщенную систему взглядов на мир и место в нем человека, исследует формы практического, познавательного и ценностного отношений человека с действительностью, обосновывает принципы этих отношений, разрабатывает цели и идеалы развития человеческого общества и культуры. Данная функция философии связана с осмыслением таких фундаментальных проблем, как природа человека и смысл человеческой жизни, происхождение человечества и его историческое предназначение.

В XXI в. мировоззренческая функция философии приобретает особое значение, поскольку безусловно актуальной становится проблема разработки и обоснования принципиально новых мировоззренческих идей и перспектив развития. Это определяет интерес современной философии к социально-экологической проблематике, вопросам нравственности, свободе и ответственности человека, поиску аутентичных форм личностного бытия, проблемам морального выбора и самоопределения человека в сложном и меняющемся мире.

2. Методологическая функция философии состоит в разработке научной картины мира, обосновании образа познания и формировании обобщенной модели взаимодействия науки, общества и человека. Реальное проявление методологической функции философии определяется конкретным историческим контекстом и предполагает взаимосвязь между философией и научным познанием по следующим основным параметрам и направлениям.

Кумулятивная функция означает обобщение и интеграцию совокупного научного знания, и формирование на этой основе общенаучной картины мира.

Регулятивно-эвристическая функция проявляется в разработке системы принципов и норм научно-познавательной деятельности, призванных оптимизировать исследовательский поиск и задать ему методологические ориентиры.

Логическая функция состоит в разработке категориально-понятийного аппарата научного мышления, который используется в ситуациях революционной смены парадигм и исследовательских программ в науке для осмысления и экспликации её предмета, средств и методологического потенциала.

Для современной науки методологическая проблематика приобретает особо важное значение, поскольку в ней существенно усложняются исследуемые объекты, радикально изменяются средства познания и субъект научно-познавательской деятельности. Пространство философско методологической проблематики расширяется, в нем все более отчетливо начинают доминировать такие темы как:

- социокультурная и этическая детерминация методологических программ научного исследования;
- проблема объективности научного знания и критика методологии «натуралистического объективизма»;
- интеграция социально-психологических, исторических и логических факторов научного познания в его методологических программах и концепциях;
- проблема роста знаний и научных революций;
- методологический потенциал глобального эволюционизма, синергетики и информационных технологий в современном научном познании;
- современные формы коммуникации в науке и становление «мыслительных коллективов» как референтных субъектов научно-познавательной деятельности.

3. Социально-критическая функция философии состоит в том, что она оказывает значительное влияние на формы и принципы организации социальной жизни, обосновывает стратегические цели и приоритеты развития общества и культуры. Более конкретно эта функция проявляется в обосновании системы социальных целей и ценностей, идеалов переустройства общества, исходя из различных идеологических представлений и социально-классовых интересов. В рамках философского сознания также разрабатываются программы социальных изменений и трансформаций в аспекте их технологической эффективности и адекватных форм реализации.

Социально-критическая функция философии становится особенно актуальной на переломных этапах общественного развития. В эпоху перемен ранее сложившиеся картины мира и системы ценностей перестают соответствовать потребностям общества в формировании новых видов, направлений и способов жизнедеятельности. В результате ряд проблемных ситуаций, обусловленных объективными изменениями условий и образа жизни

людей, остается неразрешенным. Это проявляется в возникновении разрывов и противоречий в целостной системе социальной деятельности, а также в несоответствии между стихийно формирующимися ее формами и доминирующими в обществе ценностями и идеалами.

В развитии европейской философии нового и новейшего времени выделяют две эпохи:

классика – период, охватывающий эволюцию европейской философской мысли XVII – первой половины XIX вв. (до Г. Гегеля включительно);

постклассика – развитие европейской философии с середины XIX в. до настоящего времени.

Классическая философия обнаружила ряд специфических черт, касающихся способов постановки проблем, использования понятийно-категориальных средств, общей стилистики мышления.

Постклассика ориентирована на преодоление базовых характеристик классического философствования. Она стремится к радикальным трансформациям, касающимся развития категориального аппарата философии, осмысления регулятивов деятельности философа. Критическому переосмыслению подвергается также язык философской классики, её аналитический инструментарий. Постклассика проявляет интенцию к новым духовным ориентациям и технологиям мышления, отражающим изменившиеся представления о социальных функциях философии, историческом призвании философствования.

Для выявления сущностных характеристик постклассического философствования следует сопоставить соответствующие позиции классики и базовые установки постклассической философской мысли по нижеприведенным параметрам.

1. Способы постановки онтологических проблем. Здесь следует указать на метафизическую ориентацию классического мышления. Классическая философия стремилась к выработке знания, вскрывающего самые глубокие, фундаментальные основания бытия. Она претендовала на систематическую целостность, завершенность, отражающие естественную упорядоченность самого мироустройства. В классике утверждалась идея гармонии между организацией бытия и субъективной организацией человека, когда мыслительные акты однозначно соответствуют связям и дифференциациям объектов.

Отрица метафизику классической философии, постклассика указывает на историческую изменчивость самого бытия и отказывается строить свое содержание как систему законченного знания. Онтологической базой философствования становится не универсальное всеобщее, а исторически развивающееся конкретное бытие. В качестве онтологического основания мира выступает уже не абсолютный дух, а «воля» (А. Шопенгауэр), «труд» (К. Маркс), «чувственность» (Л. Фейербах), экзистенция как поток неповторимых моментов человеческой жизни (С. Кьеркегор).

2. Трактовка субъект-объектного отношения.

Классика исходит из презумпции автономного субъекта, выделенного из окружающего мира и наделенного способностью мысленного проникновения в структуры бытия и постижения их глубинной сущности. Выделенному из системы повседневных социально-экономических связей и зависимостей философскому субъекту приписывается способностью познания мира в ее предельно мыслимой форме. Субъект способен к рациональному самонаблюдению, соотнесению тех или иных мыслительных содержаний с элементами чувственного опыта и структурами объективной действительности. Субъекту противостоит мир объектов, раскрывающихся перед познающим разумом и его эвристическими способностями.

Постклассическая философия стремится преодолеть субъект-объектную оппозицию. Она исходит из признания факта онтологической вовлеченности субъекта, укорененности его познавательной и практической деятельности в структурах исторической и культурной традиций вплоть до полного «растворения» субъекта в историческом бытии (идея философствования без субъекта, концепция «смерти субъекта»).

3. Понимание регулятивов познавательной деятельности.

Для классики характерно стремление к объективной «вечной истине», преодолевающее на этом пути множество препятствий и, прежде всего, предрассудков, обусловленных самой природой человека, его психофизической организацией, несовершенством языка и форм общения, исторической ограниченностью любых видов практики.

Постклассика трактует знание через выявление его эффективности, практичности, утилитарности. Истина должна, прежде всего, согласовать экзистенцию с формами социальной организации, «приспособить» человека к миру.

4. Особенности применяемого категориального инструментария.

В качестве главного инструмента познания в философской классике выступает разум. Целью познания является воспроизведение фундаментальных оснований бытия в самоорганизованных системах непротиворечивого знания. Пафос классического философствования – это пафос системосозидания. Связи философских понятий, конструируемых разумом, отражают системность самого бытия, а категории (случайность, необходимость, причинность, форма) наполняются объективно-онтологическим содержанием.

Постклассика расширяет поле философской рефлексии, выходя за пределы рациональных оснований бытия мира и человека. Мир не только познается. Он прежде всего переживается субъектом, изначально этому миру сопричастным. Этим обстоятельством обусловлено появление в постклассическом философствовании новых категорий (экзистенциалов), совершенно немислимых в контексте классического мышления: «страх», «забота», «сподручность», «заброшенность», «экзистенция». Неудивительно, что стремящаяся к выражению такого рода опыта постклассическая мысль использует такие средства как интуиция, «вчувствование». Размывая границы между философией

и наукой, мыслители обращаются к использованию различных литературных форм (эссе, афоризм, символическая поэма, пьеса).

В развитии постклассической философской мысли могут быть выделены следующие этапы:

- первый этап ознаменовался процессами размывания гегелевской системы идеалистической диалектики, стремлением к переосмыслению предмета и социальной роли философии. Обнаружила себя тенденция к освобождению философии от метафизики и крайнего рационализма. В этой связи следует упомянуть имена Л. Фейербаха, С. Кьеркегора, К. Маркса, усилиями которых европейская философия осуществила коренной поворот к анализу исторически конкретного бытия, отвернувшись от абстрактно-спекулятивных форм мышления. Подобного рода импульсы были усилены в творчестве Ф. Ницше, основателя «философии жизни», заменившего гегелевский абсолютный разум категорией «жизни» как бесконечного процесса мирового становления. Тем самым он продолжил развитие философской программы А. Шопенгауэра, видевшего в основании мироздания волю.

- на втором этапе развития постклассики тенденция к переосмыслению наработанных мыслительных конструкций, их приспособлению к изменяющейся социальной действительности прослеживается в неокантианстве (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер). Неотомизм (Ж. Маритен, Э. Жильсон) пытается трансформировать мировоззренческий и интеллектуальный потенциал философии Фомы Аквинского, приведя ее в соответствие с духовно религиозными запросами современного мира. В рамках философии жизни оформляется интуитивизм А. Бергсона, морфологическая программа исследований цивилизаций О. Шпенглера. Праксеологические аспекты знания исследуют прагматизм (Ч. Пирс, У. Джемс, Д. Дьюи), к изучению структуры человеческой психики, тайн подсознания обращается психоанализ (З. Фрейд, К.-Г. Юнг).

- третий этап в развитии постклассической философии оформляется к середине XX в. В его содержании следует выделить следующие относительно автономные программы социально-критическую; аналитическую, экзистенциально философствования: феноменологическую.

Социально-критическая стратегия исторически восходит к марксистской философии, воспринимая, ее интенцию к выполнению функций социальной критики. Неомарксизм представляет собой совокупность концепций, противопоставивших себя ортодоксальному марксизму. Он не является сколько-нибудь однородным образованием, включая в себя политические, правовые, культурологические теории.

Аналитическая стратегия обращается к анализу языка как особого феномена человеческого бытия, структурам научного знания, проблематике языковых игр.

Экзистенциально-феноменологическая программа исходит из критического отношения к объективизму классической философии. Ее основы были заложены немецким философом Э. Гуссерлем. Феноменология обратилась

к исследованию особой формы существования – человеческого бытия. Оно выступает как «в себе самом себя проявляющее» и, как таковое, не поддается познанию средствами науки и логики, но требует особых интуиций для своего постижения. Эта методологическая установка была развита в философии экзистенциализма. Экзистенциалисты рассматривали человека как особое сущее, задающееся вопросом о смысле своего существования, стремящееся к творчеству, к реализации своей свободы и жизненного призвания, к поиску своей аутентичной сущности в контексте неподлинных форм социальных коммуникаций.

Многие современные философы заявляют о конце эпохи философии и кризисе традиций академического философствования. Тотальная критика разума и принципов интеллектуализма породила экзотические проекты трансформации философии в формы художественно-литературной критики и различных типов «гибридных дискурсов». После того как Ф. Ницше показал, что истина – это «мобилизованная армия метафор», а З. Фрейд, Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер продемонстрировали атрибутивную роль случайности в жизни человека и общества, претензии классической метафизики существенно поблекли. «Смерть Бога», забвение бытия, деконструкция – эти и многие другие понятия и смыслообразы современной философии призваны констатировать крушение классической философской традиции объективного и социально значимого познания и обосновать начало эры секуляризации философии.

В последние десятилетия XX – нач. XXI вв. заметно активизировались тенденции антиинтеллектуализма, релятивизации культуры и радикальной критики метафизических абсолютов. Актуализацию этих тенденций нередко связывают с феноменом постмодерна как определенной общекультурной ориентацией современного западного общества, проявляющейся в искусстве, литературе, архитектуре. Влияние постмодернистских идей сказалось и на развитии философии. Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Р. Рорти и др. в своих сочинениях неоднократно заявляли об исчерпанности традиционных форм философствования и необходимости перехода к состоянию постметафизического мышления. Философии оставляют лишь удел ироничного воззрения на происходящее либо соблюдения принципов солидарности в обсуждении вечных философских вопросов. Во многом эти и подобные рассуждения адекватно воспроизводят специфику современной социокультурной ситуации и роль философии в ней. Однако это не означает, что крах надежд на объективистский и универсалистский стиль философствования, породивший феномен «отчаяния разума», должен привести к абсолютной дискредитации истины и реализма. Без них исчезают фундаментальные основания этоса культуры и цивилизации, возникает угроза хаоса и торжества иррационализма. Такая перспектива делает весьма проблемным воплощение в истории принципов демократии и гуманизма. Поэтому на переломе эпох в условиях глобального мировоззренческого выбора философия призвана отчетливо зафиксировать и реализовать свои конструктивные и созидательные функции в развитии познания и жизнедеятельности современного общества.

1.1.2. Философия природы в эпоху экологических вызовов современности

В предельно широком смысле понятие природа обозначает весь мир в целом как бесконечное многообразие его конкретных проявлений. Очевидно, что в этом смысле понятие природы совпадает в своем содержании с такими научными и философскими категориями как «бытие», «Универсум», «реальность», «Вселенная», «космос», поскольку с помощью этих терминов также обозначают совокупность всего сущего, включая и самого человека. Правда, развивающееся естествознание внесло свои коррективы, указав на факт не всегда оправданного отождествления данных понятий. Например, в естествознании космос является синонимом астрономического понятия «Вселенная», различающего ближний (доступный освоению космическими аппаратами) и дальний (мир звезд и галактик) космос.

В философии истоки понятия «природа» связывают с древнегреческим термином φύσις (фюсис), имеющим целый спектр этимологических значений: органическое произрастание, рост и выросшее в процессе этого роста, процесс, рассматриваемый в целом и т. п. Полагают, что уже в гиппократовских текстах «О воздухах, водах и местностях» понятие фюсис приближается к современному пониманию природы как естественной среды обитания, в которой человек живет и с которой он взаимодействует. Разумеется, оно может быть использовано и философским знанием как альтернатива «второй природы», т.е. искусственной среды обитания человека.

Платон, для создания рациональной космогонии, возвращается к первоначальному смыслу понятия фюсис – «природы-процесса», но поскольку роль первоначала у него играет душа, предшествующая всему сущему, то именно она становится самопорождающим процессом, благодаря которому возникает универсум. В результате душа отождествляется с фюсис, т.к. «все естественно сущее возникает от бога, по определению и знанию божью» (Софист, 265 С).

У Аристотеля под природой или естеством (physis) понимается, например, «возникновение того, что растет», «первооснова растущего, из которой оно растет», «то, откуда первое движение, присущее каждому из природных вещей как таковой», вплоть до того, что фюсис – это «всякая сущность вообще, т.к. сущность и сущность [искусственных вещей] есть в некотором отношении естество». По Аристотелю, естественный путь – путь, соответствующий самой «фюсис».

Не вдаваясь во все перипетии толкования смысла/ов фюсис, отметим тот важный аспект его интерпретации, который связан с аристотелевским различением физического и онтологического контекстов данного понятия, и тем самым разведением предметных областей первой философии (метафизики), занятой вопросом о бытии как таковом, и второй философии (физики), актуализирующей вопрос о бытии сущего, поскольку оно причастно движению (см.: Метафизика. VI. 1). Впоследствии М. Хайдеггер обращает внимание на

двойственный характер понятия фюсис: 1) значение фюсис как понятия особой сферы сущего (в противоположность «техне»); 2) значение фюсис: «властвование как таковое, как существо и внутренний закон вещи», т.е. речь идет уже не некой области сущего среди других сущих, а о *«природе определенного сущего. Природа имеет теперь смысл внутренней сущности»*.

Неоднозначное определение данного понятия проявилось и в том, что говорили (в частности, Геродот) и о фюсис страны, ее климатических особенностях, сказывающихся на природе человека: его характере, темпераменте, поведении и т.д. В этом смысле фюсис соотносилась с такими понятиями как номос (закон, обычай), характеризующий полисную жизнь; как технэ (искусство), в процессе которого человек создает вещи; и др. Важнейшим атрибутом природы Аристотель полагал целесообразность как внутреннее стремление к развитию, усложнению и оформлению. В результате, высшим ее проявлением становится живой организм – целесообразно оформленное составное тело, органически складывающееся из четырёх простых тел: огня (живой организм теплее окружающей среды), воды (в живом организме циркулирует кровь), земли (живой организм – это плотное тело), воздуха (всякий живой организм нуждается в дыхании).

В Новое время природа обозначается латинским термином *natura*, который используется и в таких смыслах как «мир», «миропорядок», «Вселенная» и др. В это время начинают различать природу как объект естествознания и её научную картину. Понятие «научная картина природы» обозначает систему представлений о природе, сформированных в той или иной конкретной науке. В классической науке принцип объективности являлся исходным при формировании картины природы и ее образа, представляющего природный мир как совокупность объектов. В современном знании аналогом понятия картина природы является образ природы, специфика которого состоит в том, что он задает исходные параметры описания и объяснения природного мира, он увязывает в единое целое вырабатываемые в обществе представления о природной среде и способах ее освоения.

В результате понятие «природа» отражает всю историю его формирования и поэтому в зависимости от контекста под природой понимают либо все сущее, либо естественную или искусственную среду обитания человека, либо внутреннюю сущность вещей.

Философское осмысление отношений человека с природной средой имеет довольно давнюю традицию, что нашло отражение в названиях учений о природе. Древнегреческих мыслителей, осуществлявших поиск субстанциональных оснований природы (фюсис) и изучение естественных свойств вещей, называли физиологами, а их учение по ключевому термину – физиологией. Правда, в учебной литературе опускаются содержательные нюансы словоупотребления, и поэтому наиболее распространенным термином является натурфилософия как эквивалент первому. В то же время разведение этих названий имеет принципиальное значение, т.к. каждое из них указывает на греческий или латинский источник понятия природы, что свидетельствует о

доминировании философского либо естественнонаучного подхода при формировании концепций природы. Например, у Лукреция природа предстает как рождающая, творческая *фюсис*, поэтому и первоначала он именует «семенами», что восходит к Анаксагору и сохраняет греческую философскую традицию, ориентированную на умозрительное познание природы как целостности. Напротив, у Демокрита и Эпикура превалирует естественнонаучный смысл, ибо природа рассматривается здесь как совокупность атомов и пустоты, что дает основание понимать атомы в качестве субстратной основы материального мира.

Более того, появление термина «натурфилософия» (*philosophia naturalis*) связывают со школой стоиков и ее позднеримским представителем Сенекой, разделившим философию на три части: *нравственную* (вносит порядок в душу), *естественную* (исследует природу вещей) и ту, что посвящена *человеческому разуму* (испытывает свойства слов, их расположение, виды доказательств). Философ исследует сущность и причины природы, т.е. исходит из понимания природы как целого, в то время как математик и естествовед только описывают и высчитывают ее «число и меру». В системе философии, согласно стоикам, именно физика учит о природе, и она составляет основу натурфилософии, что приводило к совпадению их предметов.

Физика вплоть до И. Ньютона называлась «натуральной философией», что нашло отражение в названии его работы – «Математические начала натуральной философии». В ней излагались фундаментальные принципы физического познания природы. Именно в эту эпоху под усиливающимся влиянием естествознания достигает вершин «философия природы» (натурфилософия), ориентирующаяся на фундаментальную науку как свой эталон. Задачей ученого является соответственно познание законов природы отдельных вещей, установление причинно-следственных отношений с помощью натурального эксперимента.

В отличие от натурфилософии философский подход к исследованию природы состоит в том, что она воспринимается не как объект изучения, а как мир, частью которого является сам человек, поэтому специфика проявляется в акцентуации внимания на исследовании характера отношений человека с природой на всех этапах их совместной эволюции.

Раздел знаний, изучающий эту проблему в социокультурной динамике, называется философией природы.

В рамках философии природы можно выделить разные ракурсы исследования проблемы:

- *метафизический* (природа как «всякая сущность вообще»);
- *онтологический* (природа как реальность);
- *гносеологический* (природа как объект познания),
- *аксиологический* (природа как ценность);
- *этический* (природа как предмет благоговения);
- *эстетический* (природа как мир прекрасного);
- *социальный* (природа как сфера деятельности человека);

- *экологический* (природа как «дом» человека) и др.

Философия природы, тем самым, исследует отношения человека к природе, опираясь на онтологические, психологические, этические, экологические и др. принципы, учитывающие внутреннюю ценность человека и природы как единого целого. В этой связи имеет смысл обратить внимание и на достаточно близкую к философии природы область исследований под названием экология, в поле зрения которой также находится природа и деятельность человека.

При определении предмета экологии (от греч. *oikos* – дом, местопребывание и *logos* – учение) еще в 1866 г. Э. Геккель исходил из установки, что экология – наука, изучающая все сложные взаимосвязи и взаимоотношения в природе. Поскольку изучалось воздействие на организм неорганической и биотической среды, то экология относилась к биологическим дисциплинам. В свою очередь, это приводило исследователей к разным подходам: одни изучали природу без учета воздействия человека, а его самого рассматривали как органическое образование наряду с растительным и животным миром; другие – представляли человеческую деятельность в качестве основного фактора динамики природных процессов. Интенсивные исследования в области экологии изменили ее статус как естественной науки: оказалось, что недостаточно ограничиваться при анализе биосферы единством ее биотических и абиотических структур, не учитывая при этом деформирующее влияние техногенной деятельности человека. При системном подходе к экологии она может быть определена как научная дисциплина, исследующая взаимодействия биотических, абиотических и антропогенных характеристик целостного социобиосферного комплекса с целью раскрытия закономерностей коэволюции человечества и естественной среды его обитания.

В таком понимании предмета экологии акцентируется внимание на проблеме отношений человека как доминирующего субъекта экологических связей со средой его обитания. В широком смысле слова эта среда обитания должна включать по меньшей мере три типа реальности: а) мир неорганических объектов, космос, универсум; б) область органических явлений и процессов, феномен живого вещества в различных его модификациях и эволюционной развертке; в) социальный мир, который репрезентируется в различных формах культуры, являя, таким образом, специфический тип освоенной реальности, в которой имманентно снимается антропологическая составляющая, т.е., иными словами, реальность, несущая на себе отпечаток человеческой активности, преобразующей деятельности человека.

Феномен человеческой деятельности, связанный с созданием новых типов объектов, нашел отражение в понятии «социальная экология», которое было предложено в 20-х г. Р. Парком и Э. Берджессом. Социальная экология стала изучать структуру функционирования объектов особого типа, т.е. объектов «второй», искусственной среды обитания человека. Таким образом, экология переключилась с изучения оппозиции «организм – среда» на исследование новой дихотомии «естественное – искусственное».

Несмотря на то, что природа является связующим элементом между «философией природы» и «экологией», предметы их различаются, т.к. основным объектом последней является экологическая система, которая представляет собой совокупность живых организмов и их среды обитания, объединенных вещественно-энергетическим взаимодействием. Философия природы рассматривает проблему социоприродного взаимодействия в более широком контексте, изначально встраивая человека в структуры природного мира.

В современных исследованиях по философии природы приоритетным становится историко-культурологический подход, который явственно присутствует в работах 1980-90-х гг., так как в них социоприродное взаимодействие препарируется через понимание культуры как особого регулятивного механизма общества, как средства адаптации человека к среде обитания. В этом русле осуществляется и переинтерпретация самой культурной традиции, которая рассматривается уже не только как способ сохранения и репродукции культурного наследия, но и как универсальный механизм, обеспечивающий взаимодействие общества и природы в условиях социальной и экологической нестабильности.

Новое понимание культурной традиции позволяет выявить и такие модели взаимодействия человека и природы, как мифологическую, научно-технологическую и диалогическую. С позиции этих моделей и будет представлено основное содержание философии природы. Каждая из них обладает развернутым спектром смысловых и функциональных характеристик, обнаруженных в соответствии со следующим сущностным критерием – способом интерпретации отношения человека к природе. Данное отношение будет рассмотрено с позиции трех основных версий:

- 1) приоритета природы над человеком (преобладающий принцип мифологической модели);
- 2) власти человека как создателя искусственного мира над естественной природой (определяющий смысл научно-технологической модели);
- 3) коммуникации как интересубъективного взаимодействия (основная стратегия диалогической модели).

Обозначенные модели представляют собой кросскультурные образования, существующие в одном временном диапазоне в виде социально-экологических альтернатив. Данные модели репрезентируют и динамику отношений человека и природы, раскрывают мировидение и миропонимание людей, принципы и правила, регулирующие их практическое взаимодействие с миром природы, выявляют культурное значение ритуалов, мифов и иных культурных феноменов в контексте реальной жизни общества и т. д.

Мифологическое отношение к природе восходит к доисторическим формам природопользования, когда она воспринималась человеком как то жизненное пространство, которое своими дарами обеспечивает его биологическое существование. Задача любого индивида состояла в адаптации к природной среде, выживании в условиях конкуренции с другими живыми системами и др.

Первоначально собирательство и охота составляли основу жизнедеятельности людей (так называемая присваивающая экономика), еще не способных существенным образом оказывать давление на природные процессы. Регулятивным мировоззренческим принципом служила идея господства природы над человеком, которая диктовала правила человеческого поведения в ней, и поэтому любой индивид видел в ней своего учителя и экзаменатора.

Для этого времени характерна персонификация природных явлений, что нашло отражение в анимизме, антропоморфизме, тотемизме. Так, разные сферы природы (леса, реки) олицетворялись духами-хозяевами; космос представлялся великаном, небесные тела – богами или героями и т.д. Мифологическое мышление синкретично, т.к. исходит из презумпции неразрывного единства человека и природы и демонстрирует чувственно-эмоциональный способ отношения к окружающей действительности, что формирует целостное знание о ней, представляющее собой синтез повседневного опыта и элементов сверхъестественного объяснения мира.

Переход от присваивающей экономики к производящей связан с поиском человеком новых путей освоения природной среды в силу изменения, например, климатических условий (люди либо мигрировали, либо меняли тип хозяйственной деятельности). В результате природа воспринимается уже не только как жизненное пространство, но и строительный материал, и место для строительства, и объект физического труда, и т.п. Тем самым, человек преодолевал сопротивление природы, используя разные орудия труда: от каменных до железных. Это расширяло его возможности в использовании вещества природы, хотя примитивная техника еще не могла быть серьезным буфером между людьми и природными аномалиями (засухой, наводнением и др.).

Вместе с тем, это наносило урон природе, т.к. и в древности были вырубки средиземноморских лесов, в результате которой уничтожались тенистые дубравы и выветривались почвы; и разработки огромных каменоломен, обеспечивавших мрамором храмы, дворцы, но обезобразивших природу; и развитие горной промышленности приводило к изменению русел ручьев и рек и т.п.

С формированием рационального философского мышления пиетет перед природой не исчез, она по-прежнему являлась эталоном для изучения и подражания, т.к. моральный закон усваивается человеком как закон самой природы, определяющий его систему ценностей и поведение. Именно природа, согласно Аристотелю, определила образ жизни и животных и людей, который бывает разным в зависимости от условий добывания пищи. Мифологический приоритет природы нашел выражение в философском принципе гармонии микро- и макрокосма.

Вместе с тем, как сегодня полагают, уже эпохи античности, а затем Средневековья и Нового времени задают конструктивистский подход к природе. В частности, философия, начиная с Платона, предлагает интеллектуальный конструктивизм, обеспечивающий рациональное познание и понимание

природы. В Средние века природа – это конструкция Бога, его искусственный продукт, поэтому не она дает эталон человеку, а только Бог в виде своих заповедей. Поэтому среди всех Его творений именно человек занимает привилегированное положение, смысл бытия которого в возвышении над природой. Идеалы гуманизма и индивидуализма эпохи Ренессанса лишь усиливают позиции человека, несмотря на то что он полагался только имитатором природы, поскольку именно она предоставила ему все, чтобы он был человеком. Само по себе культивирование рационального начала в человеке постепенно создает предпосылки для противостояния человека естественной среде его обитания, а новоевропейская цивилизация такой тип отношений обосновывает и утверждает.

Научно-технологическое отношение к природе становится доминирующим при переходе от аграрного к индустриальному типу общества. Новый тип природопользования связан с развитием промышленности и техники, формированием теоретического естествознания, (в первую очередь механики), превратившего природу в объект исследования и поле приложения физических и интеллектуальных сил человека. Считается, что природу можно адекватно анализировать только с помощью средств математики. По утверждению Г. Галилея, «книга природы написана на языке математики, её буквами служат треугольники, окружности и другие математические фигуры, без помощи которых человеку невозможно понять её речь; без них – напрасные блуждания в лабиринте». Природа впервые начинает рассматриваться сквозь призму её математических моделей. Доминирование механистического взгляда на устройство природных объектов привело к их отождествлению с работой маятника, машины или часового механизма, что повлекло за собой отрицание смысла и целесообразности в живой природе и обесцениванию природного мира в целом. Теперь жизнь просвечивается через законы физического мира, поэтому и ее законы признаются неизменными, так как составляют встроенную часть предустановленного Богом математического плана. Источником возникновения и функционирования природы является Бог, играющий роль великого часовщика, который ее создал, завел, а затем все предоставил естественному ходу событий.

В эту эпоху исследователи занимались изучением реальных вещей, видели познавательную ценность в выявлении их закономерных связей, в соответствии с которыми объекты природы преобразуются в деятельности. Тем самым природа в процессе явной радикализации не только конструктивистского, но и операционального подхода к ней, рассматривается как человеческий артефакт, способный конкурировать с естественными продуктами природы. В результате природа включается в рациональные проекты без ее согласия и воспринимается лишь с позиции ее адекватности конструктивистским планам. Конструирование становится ключом к пониманию природы, и ее значимость для субъекта определяется соответствием его требованиям. Взгляд на природу через призму естественнонаучного и технического знания делает субъекта главной фигурой, которая ее описывает, анализирует и, расчленяя, исследует по частям. Природа

должна ориентироваться на Я-субъекта, поэтому и этика ориентирована на человека, на закрепление его власти и господства над ней.

Механистический образ природы был абсолютен и конкурентоспособен вплоть до тех пор, пока не стали приобретать статус теорий химия, биология, геология, выявивших принципиально иную природу объектов их изучения. Все это подготовило смену картины природы и ее образа, ибо объекты природы перестают рассматриваться в качестве простых, а воспринимаются как сложные саморегулирующиеся системы.

К тому же в процессе развития сами физические науки XIX в. столкнулись с необходимостью системного изучения природных объектов, поэтому классическая механика со временем трансформировалась в другие разделы физики – термодинамику, квантовую механику, другие науки, с одинаковой убедительностью объясняющие природные феномены различного ряда: механического, электромагнитного и т.д. С такой же необходимостью увеличения информационных ресурсов системности столкнулись и биологические науки XIX в. Однако, искомой комплексностью оказались наделены только естественнонаучные теории XX в., т.к. в естествознании XIX в. были заложены только предпосылки комплексных теорий. Данное обстоятельство вызвано главным образом тем, что доминирующие традиции механицизма и органицизма существовали параллельно друг другу, так что по-настоящему комплексных естественнонаучных теорий просто не могло существовать. Одним из таких наиболее удачных решений явилась аппликация в XX веке термодинамики на биологический материал.

Основываясь на материально-техническом критерии, выделяют следующие этапы во взаимодействии общества и природы:

1. Доиндустриальный этап, который характеризуется натуральной системой развития производительных сил и складывается из двух стадий:

- стадия присваивающего хозяйства;
- стадия производящей (аграрной) экономики.

Этот этап характеризуется все более эффективным воздействием на природу и целенаправленное преобразование ее вещественных ресурсов.

На этой стадии доминирует ручной труд, осуществляется последовательная инструментализация материальной деятельности, формируется ремесленное производство.

2. Индустриальный этап связан с развитием системы индустриальных производительных сил, который связан с преодолением ограничений по энергетическим параметрам, заменой естественной энергетической базы совокупностью искусственно производимых источников энергии (сила пара, электроэнергия). Осуществляется последовательный переход от механизации труда к развитию массового машинного производства.

3. Постиндустриальный этап, который характеризуется развитием производительных сил эпохи научно-технической революции, благодаря чему осуществляется становление рационально управляемых природно-промышленных систем. Этот этап связан с преодолением ограничений со

стороны энергетического и информационного обеспечения роста производительных сил. Связан с бурной автоматизацией и компьютеризацией труда.

Природа не только выступает объектом нашего познания, но и является *средой обитания*, вне которой человек не может существовать. Рассматривая природу как среду обитания, ее подразделяют на естественную и искусственную. Данное разделение имеет место уже в античности, например, в философии Аристотеля, который отделял то, что осуществляется по естественным законам, независимо от человека, от того, что сделано им самим в подражание. В данном конкретном смысле естественное ассоциируется с природой (гео- и биосферой), а искусственное – с различными сферами деятельности человека и социальной организацией его жизни (социо-, антропо-, техносферой).

В естественной среде обитания человека К. Маркс выделял естественные источники средств жизни (дикие растения, плоды и т. д.) и естественные богатства как предметы труда (каменный уголь, газ, нефть, энергию ветра, пара и т.д.). Отношения человека с естественной средой обитания зависят как от природных условий, так и от уровня развития материального производства. Поскольку материальное производство – основная форма отношений между человеком и природной средой, а материально-преобразующая деятельность – сущностная потребность человека в реализации себя в мире, то в результате создается искусственная среда обитания человека или «вторая природа», «неорганическое тело цивилизации», согласно К. Марксу. В объем данного понятия включается все, что так или иначе произведено человеком: любые неорганические предметы, живые системы, произведенные путем селекции, генной инженерии и т.п.

С развитием социума роль искусственной среды обитания постоянно возрастает и неслучайно сегодня активные дебаты идут именно по этому поводу. В профессиональном сообществе ученых, в средствах массовой информации постоянно озвучивается, что техногенные загрязнения атмосферы на макрорегиональном, трансграничном и глобальном уровнях, приземном слое воздуха приводят к климатическим и экологическим изменениям планетарного масштаба. А непрерывное увеличение концентрации углекислого газа (парниковый эффект) вызывает глобальное потепление на планете; так называемые «озоновые дыры» и процесс ослабления озонового экрана планеты – губительны для всей биосферы, т.к. вызывают мутационные изменения у микроорганизмов, растений, животных, злокачественные образования у человека; не меньшее антропогенное воздействие испытывает водный бассейн от попадания в него солей тяжелых металлов, фенолов, пестицидов и других органических ядов, а также почва – от твердых отходов добывающей и перерабатывающей промышленности и др.

Основной смысл таких фобий построен на идее, что преобразующая технология вторгается в естественные процессы и видоизменяет их в соответствии с потребностями человека, замещая естественные элементы среды искусственными. Мы живем в «мире артефактов», поэтому «аркологический

ландшафт», «эстетизированный универсум» и т.п. замещают нам природу. Эстетическая симуляция особенно заметна в перепланировании столичных городов, планомерно уничтожающих естественные природные ландшафты, красота которых облагораживала и людей. В неплотно застроенное столичное пространство с его природными островками встраиваются высотные дома, заглядывающие в окна старожилов.

Экономическая целесообразность новой архитектурной политики оборачивается утратой радости людей от соприкосновения с природой нашего двора, которую бесцеремонно вытеснили стекло и бетон. Архитектурная эклектика оказалась важнее природной эстетики, комфорта городской среды и климатического оазиса. Активное строительство расширяет и городские границы, наступая на леса, которые испокон веков охраняли и питали город, служили зоной отдыха, хотя и символического, но все же ощущения, что природный мир с нами. Его природная красота служила образцом естественной эстетики для всего искусственно созданного человеком. Результат превзошел все ожидания: современные спальные районы оказались в городской пустыне, среди песка, асфальта и мусорных баков. Парадокс в том, что самые зеленые окраины города перестали быть таковыми. Эпоха потребления превращает человека в творца в сфере эстетического: сегодня все чаще говорят о «человеке-эстетисте», помогающем красиво обустроить внешний мир и обладающего «эстетической властью» над ним. В результате человек-эстет становится имиджмейкером.

Биосфера и закономерности её существования. Термин «биосфера» был впервые употреблен еще в 1804 г. французским ученым Ж. Б. Ламарком в труде по гидрогеологии для обозначения совокупности живых организмов, населяющих земной шар. В конце XIX в. его использовали австрийский геолог Э. Зюсс и немецкий ученый И. Вальтер практически в том же значении, что и Ламарк. Сегодня это понятие имеет несколько возможных толкований: 1) совокупность всех организмов; 2) область современной жизни; 3) особая оболочка Земли, включающая наряду с организмами и среду их обитания; 4) результат исторического взаимодействия живого и неживого. Современные представления о биосфере и закономерностях ее развития основываются на классических представлениях В. И. Вернадского и его последователей.

Биосферу рассматривают в качестве одного из основных структурных компонентов строения нашей планеты и выделяют такие структурные уровни ее организации, как: молекулярный (нуклеиновые кислоты и белки), клеточный, тканевой, организменный, популяционный, биогеоценотический. Исследования биосферы свидетельствуют о ее природной динамике: 1) морфологические изменения усложняют ее структурную организацию; 2) увеличивается видовое разнообразие живых существ; 3) при сохранении прогрессивной направленности ее развития нарастает устойчивость биосферы; 4) наблюдается общая миниатюризация форм жизни.

Философский смысл понятие биосферы получило у В. Вернадского, который ввел термин «живое вещество», охватывающее совокупность населяющих Землю организмов, а биосферой стал называть всю ту среду, в

которой оно находится. По его мнению, биосфера – это не только совокупность живых организмов, но и прослойка неживого вещества (неорганических соединений), используемая живыми организмами для своей жизнедеятельности (почва, воздух, водоёмы и т.д.).

В биосфере существует пленка жизни с максимальной концентрацией живого вещества. Между неживыми (косными) природными телами и живыми веществами постоянно осуществляется энергетический обмен, выражающийся в движении атомов, вызванном живым веществом. Живое вещество охватывает всю биосферу, создает и изменяет ее. Неживое вещество доминирует в структуре биосферы. Появление человеческой жизни в биосфере приносит изменения в ее динамику: если живые организмы взаимодействуют трофическими (пищевыми) цепями и в результате изменяют живое вещество и энергию биосферы, то человек включается в связи с ней на основе трудовой деятельности. Вначале человек осуществил биосферную «технология» (нахождение в природе готовых жизненных средств), а затем производство привело к новой форме отношений человека с биосферой – он начал создавать культурную биогеохимическую силу – производство и сельское хозяйство (скотоводство и земледелие). Поэтому появление человека и его деятельности по изменению природной среды рассматривается как закономерный этап эволюции биосферы. Этот этап должен привести к тому, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу.

Понятие ноосферы (греч. *noos* – разум, *sphaira* – шар) впервые использовал французский математик Э. Леруа в 1927 г., но, по его признанию, оно возникло у него под влиянием лекций В. Вернадского о биосфере Земли, учение о которой он разрабатывал еще в 1914-1916 г.г. Данный термин встречается и в концепции «христианского эволюционизма» французского естествоиспытателя и мистика П. Тейяра де Шардена. Усложняющееся развитие, по его мнению, начинается с эволюции физической материи космоса («преджизнь»), переходит в структуры жизни, а потом в человека как носителя мыслящего разума и ноосферы и субъекта общества («сверхжизнь»). На всех этапах эволюцию поддерживает своей действенной любовью Бог как духовное начало, присутствующее в Универсуме и направляющее его развитие к конечной цели – «точке Омега». Это своеобразный центр духовного синтеза, символизирующий собою Христа, сопричастного миру и одновременно противостоящего ему. Собственно говоря, космогенез П. Тейяра де Шардена интерпретируется как христогенез. Поэтому и ноосфера у него обозначает часть природы, представляющей собой чисто духовное явление, т.е. «мыслящий пласт», разворачивающийся над миром растений и животных – вне биосферы и над ней.

У В. Вернадского ноосфера – это качественно новый этап эволюции биосферы, определяемый историческим развитием человечества, его трудом и разумом. В этом процессе ноосфера выступает гарантом разумной деятельности человека во Вселенной, что делает ее моделью абсолютной разумности и мировой гармонии. В современной литературе, как правило, под ноосферой понимают ту область биосферы, которая находится под влиянием человеческой

активности, и поэтому многие ее процессы в принципе могут быть управляемы и направляемы человеком. Для этого необходимо выработать осознанное поведение людей, согласованное с естественными условиями стабильности окружающей среды, т.е. экологический императив. В книге «Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное мышление» он писал, что человек впервые реально понял, что он житель планеты и должен мыслить и действовать в планетарном диапазоне. Человек может самореализоваться не только путем духовного общения с другими людьми, но и в процессе бережного, уважительного отношения к Дому, в котором он живет – Природе, следуя нравственным нормам диалога с ней.

В свою очередь, в такую эпоху должна быть обеспечена *коэволюция человека и биосферы* (со – приставка, обозначающая согласованность; лат. *evolutio* – развертывание), т.е. их совместное и согласованное развитие. Впервые с этой концепцией выступил Н. В. Тимофеев-Ресовский в 1968 г., полагая, что человечество, трансформируя биосферу и создавая «вторую природу», должно меняться само с учётом объективных возможностей природы. Идея коэволюции используется во всех работах, исследующих проблему «общество-природа», а также при создании кибернетических моделей развития биосферы. При обсуждении синтетического характера исследований коэволюции приходят к выводу, что здесь необходимы совместные усилия естествоиспытателей и всех гуманитариев – вплоть до поэтов. Вне такого синтеза нельзя понять человека во всем драматизме его отношений с остальной природой, а без этого понимания невозможно создать реально функционирующую стратегию взаимодействия природы и общества (Н. Моисеев).

Концепция коэволюции в концентрированном виде выражает исторический опыт человечества, содержащий в себе определенные регламентации и императивы социоприродного взаимодействия. Разработка ее идей требует четкой формулировки системы экологических императивов, способных снизить опасность угрозы уничтожения естественных ландшафтов природы, ее разнообразных живых организмов, самого человека и всей жизни на планете. Опираясь на базовый принцип культуры – принцип благоговения перед жизнью А. Швейцера, требующий нравственного совершенствования, как индивидуума, так и общества, и развивая его идеи дальше, говорят уже о новой стадии развития биосферы Земли, так называемой этосфере как более высокой по отношению к ноосфере. Этосфера – это область бытия, основанного на принципах нравственного отношения к природе, ко всему живому на планете. Ее носителем должен стать этически разумный человек, действующий не только в своих интересах, но и в интересах Жизни на Земле.

Практическая реализация идей гармоничного взаимодействия человека и природы, начиная с конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. по охране окружающей среды, связывается с концепцией устойчивого развития. Под устойчивым развитием, считает П.А. Водопьянов, следует понимать глобально управляемое развитие всего мирового сообщества с целью сохранения биосферы и существования человечества, его непрерывного развития. При этом

устойчивым может быть только мировое сообщество в целом. Речь идет о том, что эксплуатация ресурсов, направление инвестиций и ориентация научно-технического развития должны согласовываться с возможностями биосферы. В декларации определяются права и обязанности наций по реализации целого ряда принципов, императивная цель которых состоит в признании права людей (как нынешних, так и будущих поколений) на здоровую, плодотворную жизнь и развитие в гармонии с природой и т.д.

Общепризнано, что переход на модель устойчивого развития требует учета всех параметров и тенденций социоприродной эволюции: экономических, политических, экологических, психологических и т.п. Так, «Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь» приоритетным объявляет принцип «активной профилактики», обеспечивающий сохранение и регенерацию природно-ресурсного потенциала Планеты, а не постоянно практикуемый – «реагирования и исправления». Соответственно, требуется создать условия для формирования рынка экотехники, экотехнологий и экоуслуг, повысить уровень экологического образования и воспитания населения и т.д.

Становление концепции устойчивого развития начинается с конца 1960 – начала 1970-х гг. (т.н. «первый экобум») и первоначально оформляется как чисто экологическое направление, преследующее целью защиту и охрану природных ресурсов и богатств. Истоки ее экологической интерпретации связывают с деятельностью Римского клуба, первым президентом которого стал А. Печчеи. Римский клуб начал свою работу в 1968 г. в качестве международной общественной организации, первоначально объединявший не более ста представителей деловых, культурных и политических кругов. Его особенность состояла в том, что он должен был:

1. иметь собственный бюджет, чтобы иметь финансовую независимость;
2. стать транскультурным (апеллировать к разным научным дисциплинам идеологиям, системам ценностей, не связывая себя ни с одной из них) и неформальным образованием, чтобы иметь свободный обмен мнениями;
3. не быть политическим, но и не аполитичным, а способствовать принятию важных политических решений и инициировать тех, от кого зависят эти решения, и кто обладает чувством ответственности.

Римский клуб был ориентирован на следующие цели: а) способствовать и содействовать тому, чтобы люди осознавали затруднения человечества; б) стимулировать установление новых отношений, политических курсов и институтов, содействующих исправлению ситуации; в) не служить интересам отдельных стран, нации или партии и не отождествлять себя ни с какой идеологией.

Изначально работа клуба была направлена на исследование энергетической и сырьевой базы с целью расширения рынков сбыта продукции. Для большей результативности стали привлекаться учёные из разных областей науки, что обеспечивало междисциплинарный анализ всех сегментов жизнедеятельности социума. В первую очередь изучались: производство сельскохозяйственной и

промышленной продукции, качество и количество промышленных отходов, степень загрязнения окружающей среды, демографическая динамика, наличие природных ресурсов и их расход.

В результате проделанная работа привела к публикации в 1972 г. доклада под названием «Пределы роста». Этот труд оценивается как одна из предпосылок появления термина «устойчивое развитие», обладающего поливариантной семантикой, поскольку оно включает целый ряд базовых смыслов: маркирует будущий экологический кризис, указывает на ограниченность природных ресурсов и возможностей биосферы к рекреации. Именно эта информация, как предполагалось, и должна была стать поводом к изменению политической, экономической, социальной политики государств, прежде всего техногенного ареала, для последующего предотвращения подобных кризисов. Исследование имело огромный научный потенциал, т.к. выявило, что экологическое пространство перестает быть сферой локальных интересов узкого круга специалистов, а предполагает системный анализ динамики природного мира в соответствии с ростом экономической деятельности людей. Тем самым впервые рост экономических показателей в обществе не связывался с прогрессом, а максимальная прибыль не рассматривалась как главная цель, к которой надо стремиться. Так, эколого-экономическое развитие общества стало рассматриваться как фундаментальный фактор достижения «глобального равновесия», с целью поддержания стабильного уровня всех показателей. Данная концепция получила название концепции «нулевого роста», исходя из фразы, прозвучавшей при обсуждении, – «рассмотрим более детально, каким может быть мир в отсутствии роста».

Нельзя не учитывать и концепцию «органического роста» Э. Пестеля и М. Месаровича, представленного докладом «Человечество на перепутье», основной идеей которого было предложение «ограничить ту или иную форму роста и найти выход за счёт разнообразия этих форм», что предполагало переход на качественно новые эколого-экономические ступени развития: 1) прогресс в одной части света не должен приводить к регрессу в другой; 2) жизнедеятельность нынешних поколений не должна забирать возможности полноценной жизни будущих поколений; 3) важно контролировать векторы направленности в системе «прогресс – регресс». В 1972 году состоялась Стокгольмская конференция по биосфере под лозунгом «Земля только одна», где акцент был сделан на проблемах не только использования природы, но и достижения ее устойчивого развития.

Стокгольмская конференция для решения этих задач объединила интеллектуальные ресурсы как экономически развитых стран, так и стран третьего мира, фокусируясь на следующих вопросах: 1) природа и характер взаимоотношений между Севером и Югом; 2) механизмы воздействия политики этих стран на развитие природной среды и ее охрану. Второй пункт имел особое значение, т. к. в 70-е г. кризисное состояние окружающей среды ассоциировалось преимущественно с развитием промышленного комплекса, и деградация природы связывалась именно с промышленно развитыми странами,

показателями экономического роста и последствиями научно-технического прогресса.

Эти две тенденции – взаимоотношение развитых и развивающихся стран и рациональное использование природных ресурсов – стали объектом дебатов и принятия: 1) плана мероприятий (109 пунктов) и Декларации 26 принципов, в рамках которых людям всей планеты целесообразно вести свое дальнейшее развитие; 2) новой программы ООН по охране окружающей среды (ЮНЕП), в которой отмечалось, что сохранение и улучшение природной среды являются важнейшими факторами, влияющими на благосостояние людей и экономическое развитие стран мира. В Стокгольмской Декларации были заложены основные характеристики устойчивого развития: а) права нынешнего поколения на благоприятные и достойные условия жизни в окружающей среде; б) сохранение природных ресурсов для будущих поколений; в) ответственность государств за разработку природных запасов и возможный ущерб, который может быть нанесён окружающей среде.

В том же 1972 году была учреждена Программа ООН по окружающей среде (UNEP, ЮНЕП), которая до сих пор является ведущим учреждением в мире по проблемам окружающей среды. В 1976 г. докладами «Пересмотр международного порядка», подготовленным под руководством голландского экономиста Я. Тинбергена и «За веком расточительства» – Д. Габора и У. Коломбо, акцент смещен в сторону социально-политических фактора мирового развития, как одного из базовых механизмов социоприродной динамики в контексте устойчивости. Именно Я. Тинберген обозначил базовую идею социальной динамики – «достижение достойной жизни и благосостояния для всех граждан мира», из которой редуцировал производные подцели – «справедливость, свобода, демократия и участие, культурное разнообразие и чистота окружающей среды», выстроив тем самым иерархию стратегических целевых установок.

Впоследствии в Римском клубе понятие «устойчивое развитие» уже использовалось в более широком гуманистическом контексте, что повлекло за собой тотальную критику идеалов техногенной цивилизации, отказ от изучения только количественных параметров глобальных процессов социодинамики и разработке концепции «нового гуманизма». Новые установки отражены в пятом докладе американского философа Э. Ласло «Цели для человечества» (1977 г.), в котором был осуществлен ещё один шаг в направлении перехода к использованию более продуктивного понятия «развитие» вместо прежнего термина «рост». При этом преследовались цели уже глобального, транснационального, а не регионального, национального характера: обеспечение безопасности стран и в целом качественного развития мира, решение продовольственной проблемы, контроль за использованием энергетических и сырьевых ресурсов. На базе гуманистических целей Э. Ласло сформулировал идею глобальной солидарности, в которой главным критерием социально-экономического прогресса становится качество жизни.

В 1980-е гг. проблема взаимоотношений человека и среды его обитания сместилась в сторону развивающихся регионов, поскольку экологические проблемы объяснялись слаборазвитостью «стран третьего мира». В результате появились проекты Римского клуба, касающиеся продуктивного диалога и взаимоотношений развитых и развивающихся стран: «Третий мир – три четверти мира» М. Гарнье (1980), «Императивы сотрудничества между Севером и Югом» Ж. Сен-Жура (1981), «Третий мир способен себя прокормить» Р. Ленуар (1984) и «Босоногая революция» Б. Шнайдера (1988). Работа Римского клуба заложила основы поиска путей устойчивого развития как интенсивного глобального экоразвития. А в октябре 1982 года на заседании Генеральной ассамблеи ООН в Вашингтоне принимается «Всемирная хартия природы» («The World Charter of Nature Defense»), в которой провозглашается ряд принципов, один из которых гласит «природу необходимо уважать и не нарушать ее основные процессы». В 1983 г. Генеральной Ассамблей ООН учреждается Международная комиссия по окружающей среде и развитию, с целью разработки основных показателей устойчивого развития. В 1987 г. по результатам работы Комиссии Г. Х. Брундтланд опубликован доклад «Наше общее будущее», в котором и была представлена новая концепция устойчивого развития как альтернатива политики неограниченного экономического роста. В этом докладе было впервые точно определено понятие устойчивого развития, т.е. это такое развитие, при котором нынешние поколения удовлетворяют свои потребности, не ставя под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои. Но только в 1992 г. был узаконен принцип мирового развития, получивший название «Sustainable development» (поддерживающее длительность, устойчивость, непрерывность), переводимый как «устойчивое развитие».

В 1990-е гг. фиксируют вторую волну эcobума, которая отличается от первой, масштабами, источниками эко-нестабильности и методами их решения. В результате начинается движение от определения понятия устойчивого развития к формированию концепции устойчивого развития, начало которой положено в 1992 году конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. На конференции Рио-92 приняли участие 179 правительств и 120 глав государств, которые проанализировали результаты «экологического двадцатилетия» (1972 – 1992 гг.). В итоге была принята Декларация, включающая 27 принципов устойчивого развития и подтверждающая Декларацию Конференции ООН (Стокгольм, 1972 г.) по проблемам окружающей среды.

Вторым документом, принятым на Конференции в Рио-де-Жанейро, стала «Повестка дня на XXI век», предлагающая каждому государству разработать свою национальную стратегию устойчивого развития для обеспечения надёжного социально-экономического и экологического развития. Особый приоритет отдавался социальным проблемам устойчивого развития: бедности, развитию здравоохранения, особенно, санитарии, обеспечение чистой питьевой водой и т. д., акцент был сделан на вопросах торговли, глобализации, финансировании устойчивого развития.

В качестве критериев для установления индикаторов и индексов устойчивого развития определены следующие: чувствительность, однозначная интерпретируемость данных, репрезентативность, способность соединять в себе экологические, экономические и социальные аспекты и др. Устойчивым является общество, которое развивается в гармонии с природой, ибо власть над природой является ложной целью. Устойчивость предполагает значительное снижение использования общих природных ресурсов и такое их распределение среди людей, обществ и поколений, которое обеспечивало бы для всех максимальный уровень благосостояния и справедливости.

1.1.3. Философия глобального эволюционизма

Принцип глобального эволюционизма является одной из фундаментальных составляющих современной научной картины мира и тех методологических стратегий, которые позволяют трактовать неорганические, органические и социокультурные системы как сложно структурированные и развивающиеся комплексы. Концепция универсального или глобального эволюционизма сложилась и получила достаточно широкое признание в последней трети XX столетия. Согласно этой концепции, системные объекты различной природы, как и мир в целом, находятся в состоянии динамических взаимодействий и постоянной нестабильности. В результате не только биологические и социальные системы, но и физические объекты, включая Метагалактику, рассматриваются как эволюционирующие, изменяющиеся во времени объекты. «Стрела времени» становится универсальным философско-методологическим конструктом в этой динамической картине мира, привнося в неё дух перманентных потрясений и преобразований. Радикальность такого нового взгляда на мир становится в полной мере понятной тогда, когда мы окинем ретроспективным взглядом многовековую историю научного и философского познания.

Начиная с первых мифопоэтических представлений о природе Космоса и вплоть до космологической модели А. Эйнштейна, постулат постоянства мира во времени оставался незыблемым. И только к середине XX столетия принцип развития начинает активно ассимилироваться в физическом познании, все более осязаемо обретая к концу века очертания глобального эволюционизма

Процесс становления этой философско-методологической парадигмы с определённой долей условности может быть представлен как состоящий из трех относительно автономных стадий:

1. Развитие идеи динамизма и изменчивости мира в различных исторических формах диалектической философии.
2. Разработка эволюционных представлений и освоение методологического потенциала идеи развития в дисциплинарно организованных отраслях естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.
3. Формирование концепции глобального эволюционизма в современной науке и культуре.

1. Уже первичные мифологические и философские интуиции древних мыслителей пронизаны представлениями об универсальной изменчивости мира. В них отражаются реальные процессы изменений, характерные для явлений неживой и органической природы, социальной жизни и духовного творчества. Попытки осмысления этих процессов динамики и изменений явлений окружающего мира стимулировали становление особого стиля мышления, в котором наряду с идеей устойчивости и гармонии бытия присутствовала и интенция мыслить реальность как перманентно изменяющуюся и пребывающую в непрестанном движении. Так, уже в философии Гераклита из Эфеса идея всеобщей изменчивости мира обретает статус конститутивного принципа и выражается через образ потока, течения всего сущего. Этот смыслообраз потока означает, по существу, образно-эмоциональное описание универсального процесса изменений в его системной и внутренне противоречивой природе, ещё понятийно не оформленное. Так возникает традиция умозрительного, или философского обоснования идеи динамической организации бытия. Наиболее полно эта традиция находит своё отражение в диалектике – специфическом философском учении о движении, изменении и становлении всего сущего. С момента своего зарождения диалектика уделяет особое внимание описанию и объяснению сложной противоречивой природы процессов движения. Причём референтами этих процессов являются не только объекты и предметы материального мира, но и феномены идеальной сферы: понятия, идеи, концепции. Именно поэтому этимология самого термина диалектика происходит от древнегреческого слова *διαλεκτική*, что означает искусство вести беседу или спор. Здесь очевидно присутствует акцент на подвижность, изменчивость и текучесть языка.

Принято выделять несколько важнейших этапов развития диалектических учений в истории философии. Как правило, к ним относят: античную диалектику; диалектику немецкой классической философии; материалистическую диалектику, представленную в рамках марксистско-ленинской философии; диалектические идеи и концепции, разработанные в трудах представителей постклассической философии.

По мнению Гегеля, подлинным изобретателем диалектики в античной философии являлся Платон. Именно в его учении диалектика впервые встречается в свободной и объективно обоснованной форме диалогического движения мысли. Причём, согласно Платону, это мыслительное движение наиболее адекватно может быть выражено в понятийной форме, когда идея воплощает себя в стихии интеллектуального мира диалогов. В этом смысле диалектические мотивы в философии Сократа должны оцениваться как своеобразная пропедевтика к утверждению культуры диалектического мышления в античной философии. У Сократа диалектика, в согласии с общим характером его философствования, имеет ещё субъективную форму иронии, а сам сократический метод приведения к противоречию взаимоисключающих друг друга субъективных суждений способен породить лишь отрицательную форму диалектики.

Множество диалектических идей и стихийных догадок о вечном изменении и движении всего сущего как противоречивом потоке бытия содержалось в философских прозрениях элеатов (Ксенофан, Парменид, Зенон), Гераклита и других философов античности.

Как известно, именно в творчестве Аристотеля древнегреческая философия достигает наивысшей точки своего развития, обретая черты высокой классики. Несмотря на существующие мнения относительно того, что отличительной чертой философии Стагирита является строгий эмпиризм и метафизический рассудочный характер его логического учения, следует отметить немаловажный вклад Аристотеля в развитие диалектических представлений. Он состоит, прежде всего, в том, что именно в философии Аристотеля диалектика впервые обретает статус целостного учения о категориях, в системной совокупности которых отражается взаимосвязь и внутренне противоречивая природа движения всего сущего.

Таким образом, в древнегреческой философии достаточно убедительно развивается диалектический взгляд на мир и на основе умозрения формируется исторически первая версия диалектической философии.

В эпоху Возрождения и Нового времени диалектические идеи высказывались и обосновывались в трудах различных философов и мыслителей (Н. Кузанский, Дж. Бруно, Г. Лейбниц, Б. Спиноза и др.). Однако господствующей формой и доминирующим стилем мышления в этот период становится метафизика, которая абстрагировалась от учета всеобщей связи явлений и их динамики. Основной акцент в исследованиях природных и социальных объектов переносится на процедуры аналитического расчленения сложных комплексных объектов, классификации и систематизации накопленного знания. Большинству философов и ученых этой эпохи была чужда мысль о диалектичности бытия и соответствующей ей диалектичности мышления.

Особый интерес к разработке диалектического метода мышления возникает в немецкой классической философии, в рамках которой разрабатывается вторая историческая форма диалектики. У ее истоков стоял И. Кант, автор концепции, так называемой, трансцендентальной диалектики, которая убедительно обосновала теоретическую несостоятельность догматической метафизики как метода мышления. Диалектика у Канта становится неотъемлемым атрибутом познавательной деятельности философского разума, однако в ней преобладает отрицательная инстанция, столь ярко продемонстрированная Кантом в его учении об антиномиях чистого разума. В итоге кантовская версия диалектики оказывается отрицательной и не приводит к идее постижения противоречий развивающихся объектов в мышлении.

Работу по обоснованию диалектической природы развивающегося духа продолжили И. Фихте и Ф. Шеллинг. Но лишь в философии Г. Гегеля диалектика обретает свой подлинно аутентичный вид и разрабатывается в последовательной и целостной форме универсальной теории развития. По оценке Ф. Энгельса, Гегель впервые в истории мировой философии представил весь природный,

исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении и развитии. Он построил грандиозную систему философско-теоретического знания, которая, по замыслу немецкого мыслителя, призвана была в форме философско-категориальных определений выразить логику становления и развития, природы, общества и человеческого познания. Однако гегелевская концепция диалектики была развита на объективно-идеалистической основе, которая предполагала последовательное обособление духа от предметно-чувственного мира природы, социальной жизни и истории. Это обстоятельство определило глубоко спекулятивный характер гегелевской диалектики. Подлинной субстанцией развития у него оказывается постулированный безо всякого рационального обоснования Абсолютный дух, который в процессе своего исторического развития порождает природу, а затем и человеческую субъективность. Философским смыслом всех этих спекулятивных допущений являлась онтологизация мысли, которая произвольно трактовалась как вечная и объективно существующая духовная субстанция мира. Эта исходная философско-мировоззренческая предпосылка гегелевской диалектики была существенно конкретизирована в двух фундаментальных принципах его философии:

а) принцип единства диалектики, логики и теории познания, в котором конкретно воплощался тезис о тождестве бытия и мышления в гегелевской его интерпретации;

б) принцип телеологической природы развития, который был призван объяснить механизм начала развития Абсолютного духа посредством развертывания имманентной для него цели, направленной на рефлекссию и самопознание.

Принципиально идеалистический характер гегелевской диалектики и характерные для неё приемы спекулятивного философствования были подвергнуты резкой критике в процессе последующего развития европейской философии. В рамках теологического антигегельянства немецкого диалектика критиковали за пантеизм, и даже атеизм (Х. Хенгстенберг, К. Эшенмайер, Ф. Якоби и др.) Ф. Шлейермахер и К. Зольгер, отталкиваясь от идей позднего Шеллинга, критиковали диалектику Гегеля с позиций романтизма. Критике панлогизма немецкого диалектика посвящено множество страниц философских сочинений А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Л. Фейербаха и других известных философов той эпохи. Однако наиболее последовательной и конструктивной эта критика спекулятивно-идеалистической природы гегелевской философии оказалось тогда, когда Маркс и Энгельс на ее основе сформулировали программу позитивной разработки теории материалистической диалектики. Но обоснование и развитие такой теории не могло реализоваться в русле мировоззренческих постулатов философской антропологии Л. Фейербаха. Оно стало возможным лишь на почве марксистской философии, в связи с обоснованием материалистического понимания истории. Так возникает и концептуально оформляется третья историческая форма диалектики, которая является универсальной философской теорией развития и эффективным методом

познания сложных развивающихся систем органической, неорганической и социальной природы. Материалистическая диалектика является важнейшим теоретическим компонентом в системе философии марксизма и представляет собой учение о всеобщей связи и развитии природы, человеческого общества и мышления. Как философская теория материалистическая диалектика включает в свой состав три базовых содержательных компонента. К ним относятся: принципы, законы и категории. В качестве основных принципов выделяют: а) принцип материального единства мира; б) принцип всеобщей связи; в) принцип развития.

Законы материалистической диалектики являют собой такой компонент в ее содержании, который позволяет корректно проинтерпретировать основные мировоззренческие вопросы, связанные с пониманием развития как формы необратимого, направленного и качественного изменения сложноорганизованных системных объектов.

Закон единства и борьбы противоположностей отвечает на вопрос об источниках и движущих силах развития, трактуя их как имманентный процесс развертывания внутренних диалектических противоречий изменяющихся систем.

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений характеризует развитие как единство континуальности и дискретности, прерывности и непрерывности развития, раскрывая, таким образом, механизм этого процесса.

Закон отрицания отрицания позволяет теоретически выразить общую структуру, прогрессивную направленность и форму реализации целостных циклов развития изменяющихся объектов.

В качестве важнейших категорий материалистической диалектики обычно выделяют: общее – особенное – единичное; содержание и форму; необходимость и случайность; причину и следствие; сущность и явление и др. Каждая из этих категорий, а также их системная совокупность позволяют задавать философско-теоретическое пространство интерпретации развивающихся систем в различных функциональных и предметно содержательных аспектах их существования и познания. В постклассической философии диалектическая проблематика, как правило, концентрируется в таких направлениях и стратегиях развития философской мысли, как социально-критическая и экзистенциально-феноменологическая. Отметим, что постклассические версии диалектического философствования были органично связаны с тенденцией радикальной критики рационалистической традиции, резюмированной в философии Гегеля в его концепции панлогизма. С другой стороны, в рамках неомарксистской доктрины в XX столетии активно развиваются различные варианты диалектики «праксиса», «негативной диалектики», «авангардистской диалектики эстетического нигилизма» и др.

В любом случае в постклассической философии развитие диалектических представлений органично связано с критической реакцией на рационализм и гипостазированием иррационалистических основ философствования. Одна из

линий этой иррационализации диалектического мышления была связана с философской деятельностью позднего Ф. Шеллинга, Э. Гартмана, А. Шопенгауэра. В ней обнаруживает себя своеобразный «объективизм» и традиционная для немецкой классики ориентация на сверхличностное начало. Другая линия, как раз наоборот, демонстрирует методологию «личностной устремленности» и гипертрофированного субъективизма. Эта линия достаточно ярко обнаруживает себя в творчестве С. Кьеркегора и Ф. Ницше.

В противоположность логически-понятийной («количественной») диалектике Кьеркегор развивает свой диалектический проект, претендуя на разработку особой «экзистенциальной диалектики», которую он оценивал как «качественную». В ней воспроизводится своеобразная субъективная логика существования личности, переживания ею своей уникальности и неповторимости. «Качественная диалектика» предстает у Кьеркегора как своеобразный метод раскрытия трагедии человеческого существования, превращая объективные противоречия, свойственные этому существованию, в экзистенциальную напряженность личностного бытия. Главный недостаток классических версий диалектики (и в частности, гегелевского ее варианта) он видит в гармонизирующей тенденции, в стремлении примирить противоположности в высшем синтезе. Свою же экзистенциальную диалектику Кьеркегор, наоборот, трактует как «логику» перманентного свободного выбора между противоположностями, чреватую трагическим столкновением жизненных альтернатив.

Эту линию тотальной субъективизации диалектики продолжил Ницше, который окончательно порывает с европейской традицией рационалистического философствования и предлагает особую эстетически выверенную форму «риторической суггестии», в которой обращение к иррациональной стихии бытия находит свое адекватное и неповторимое воплощение. Изобретая свой собственный язык диалектического философствования – язык эмоций и пророчеств, символов, иносказаний и аллегорий, – Ницше, по существу, реализует программу подлинной «эмансипации» иррационализма как мировоззренческой основы постклассических версий диалектики.

Одна из первых неомарксистских концепций диалектики была предложена в книге Д. Лукача «История и классовое сознание. Исследования о марксистской диалектике» (1923). В ней автор обозначил основные мировоззренческие и методологические ориентиры диалектической философии, сопряженной с базовыми постулатами неомарксизма в его леворадикальной интерпретации. В толковании диалектики, данном Лукачем, обнаруживаются мотивы, восходящие к неокантианству, философии жизни и, конечно же, гегелевской философии и неогегельянским версиям диалектического мышления. Отличительная особенность концепции социальной диалектики, выдвинутой в работе Лукача в том, что теоретические построения Гегеля истолкованы и модернизированы в духе основополагающих идей и категорий «Капитала» К. Маркса. Это придало концепции очевидную социально-практическую заостренность и явилось причиной повышенного внимания к ней со стороны радикально

ориентированных слоев западноевропейской интеллигенции. Данное обстоятельство в значительной степени объясняет то, что модель диалектической философии, которую обосновал Лукач в названной книге, стала во многом парадигмальной для всех других версий диалектики, «возводимых» в дальнейшем на базе философских оснований неомарксизма.

Прежде всего, это относится к творчеству представителей Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно), которые, разрабатывая свою версию «критической теории», уделяют особое внимание обоснованию так называемой «негативной диалектики». В 1966 выходит специальная работа Адорно «Негативная диалектика», где франкфуртский философ ставит перед собой нетривиальную задачу обосновать радикальную несостоятельность и отчужденный характер «позднебуржуазного общества», спасти и гипостазировать все «нетождественное», «иное», т.е. не интегрированное в «тотальное господство» буржуазной социальности. Именно такая кардинальная деструкция существующего миропорядка или, как выражается Адорно, «неудачной цивилизации» является наиболее полной импликацией исконного влечения к небытию, составляющего основной философский пафос «негативной диалектики».

Аналогичные (в определенном отношении) идеи обсуждает и Ж.-П. Сартр в своей концепции «диалектики праксиса». Она представлена французским философом в работе «Критика диалектического разума», первый том которой вышел в 1960 году. Ранее в своем фундаментальном философском трактате «Бытие и ничто» Сартр развивает концепцию «негативной диалектики» на основе принципов экзистенциально-феноменологического философствования. При этом авторитетными для него являются Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гегель. Переходя же к анализу диалектики исторического процесса, Сартр однозначно объявляет себя учеником Маркса и только Маркса. Поэтому реальная диалектика для него становится «логикой труда», которая ответственна за процесс «тотализации» работников, участвующих в процессе опредмечивания собственных индивидуальных проектов. Правда Сартр допускает существенную модификацию теории аутентичного марксизма, заявляя, что только индивидуальная практика органически диалектична и только ее присутствие свидетельствует о реальном наличии экзистенциального проекта личной свободы, а также о возможности успешной «тотализации» материальных условий и компонентов трудовой деятельности. Несмотря на всю эту вполне понятную дань экзистенциалистским мотивам в его концепции «диалектики праксиса», Сартр осуществляет самое фундаментальное в постклассической философии исследование диалектической логики исторического процесса. Социально политический эффект названной концепции оказался весьма уязвимым, поскольку инициировал культ революционного насилия и радикальных форм борьбы за индивидуальную свободу, против материальной необходимости. Однако в целом диалектические идеи социальной антропологии Сартра оказались значительным достижением в развитии неомарксистской диалектики.

Парадигмальное пространство современной философии органично включает в себя диалектическую мысль, посредством которой осуществляется рефлексия над противоречивыми процессами развития человека, общества и природы в глобализирующемся мире. Это означает, что и для многих других школ и направлений современной западной философии (герменевтика, персонализм, эволюционная эпистемология и др.) весьма характерны диалектические мотивы и ориентации. Сегодня трудно говорить о наличии и разработке относительно завершенных и концептуально обоснованных теорий диалектики. Скорее можно вести речь о диалектической направленности и имманентной устремленности современного философствования к осмыслению сложной архитектуры развивающегося мира, его культуры и социотехносферы. Именно таким образом современное философское сознание пытается ассимилировать и теоретически выразить фундаментальную идею динамизма и изменчивости бытия во всех проекциях и формах его объективации.

Итак, история диалектики убедительно свидетельствует о том, что эволюционно динамическая парадигма мышления является фундаментальной составляющей мирового философского процесса. На протяжении многих столетий в специфических формах философской рефлексии нарабатывались идеи и категориальные схемы, посредством которых представления о всеобщей связи, развитии, динамике материальных и духовных явлений становились неотъемлемым компонентом культуры и просвещенного сознания. Именно философия, проделав эту гигантскую интеллектуальную работу, создала необходимые предпосылки для осмысления проблемы развития в естественнонаучном и социально-гуманитарном познании.

2. Становление эволюционных идей в науке осуществлялось на протяжении достаточно длительного времени. С разной степенью интенсивности и в различных контекстах эти идеи обнаруживают себя в развитии биологии, геологии, палеонтологии, психологии, социологии и других научных дисциплин. А безусловным лидером в этом отношении является биологическое познание. Именно в биологии принцип развития получил наиболее полную и фундаментальную разработку. Одна из первых попыток создания целостной эволюционной теории принадлежит Ж.-Б. Ламарку. На страницах своего известного сочинения «Философия зоологии» (1809) он развивал и пытался обосновать своеобразную версию эволюционного учения. Согласно Ламарку, природе свойственно стремление к постоянному совершенствованию своих форм, осуществляющемуся посредством наследования организмами благоприобретенных свойств. На основе принципа градации он располагает живые организмы в определенном порядке, выстраивая их иерархию от простого к сложному. Эволюционные идеи Ламарка оказали значительное влияние на последующее развитие естествознания, в частности, геологии. Так, Ч. Лайель, выстраивая свое учение о геологических процессах, отказался от исходных установок «теории катастроф» и заимствовал идею Ламарка о доминанте постепенных, накапливающихся во времени незначительных изменений, которые затем приводят к радикальным трансформациям.

Однако подлинное торжество эволюционных представлений применительно к живой природе обнаруживается лишь у Ч. Дарвина. Он, безусловно, испытал на себе влияние идей как Ламарка, так и Лайеля. Именно в учении Дарвина впервые на научных принципах обосновывается целостная концепция эволюции органической жизни, вскрываются движущие силы тех изменений, которые происходят в живой природе. В своем знаменитом сочинении «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859) Дарвин раскрывает важнейшие эволюционные механизмы: изменчивость, наследственность, естественный отбор.

Изменчивость трактуется им как атрибутивное свойство живого существовать в широком наборе форм, вариантов, модификаций. В силу этого обеспечивается потенциальная возможность разнообразных переходов от одной формы к другой, которые в итоге создают динамическую напряженность и приводят к мутациям – случайным изменениям в характеристиках биологических видов. Причинами мутаций могут быть космические излучения, химические и геологические воздействия, климатические факторы и т.д. Чаще всего под воздействием этих изменений в окружающей среде живые организмы погибают, либо приобретают новые признаки, нейтральные по отношению к их адаптивным возможностям в изменившихся условиях существования. Лишь очень незначительная часть организмов приобретает новые свойства и становится вследствие этого исходной основой нового вида.

Наследственность – это свойство живых организмов сохранять материальную и функциональную преемственность между поколениями, вследствие чего в живой природе устанавливается непрерывная и направленная линия изменений организмов, обеспечивается нарастание и аккумуляция их положительных признаков. Дарвин отмечает, что благодаря этому свойству эволюция живых существ не происходит в форме резких и радикальных изменений, а, наоборот, осуществляется только короткими и медленными шагами. Отсюда правило «*Natura non facit saltum*» – природа не делает скачков.

Естественный отбор – основной движущий фактор биологической эволюции. Он выступает необходимым следствием непрерывной борьбы за существование, которая пронизывает все пространство жизни на Земле, и в свою очередь, является следствием геометрической (быстро нарастающей) прогрессии – неотъемлемой черты размножения всех живых организмов. Самые жесткие формы борьбы за существование характерны для особей одного и того же вида, поскольку контакты и состязание между ними наиболее часты и неизбежны. Именно благодаря естественному отбору эволюционный процесс приобретает направленный и прогрессивный характер, интегрирует в себе неисчислимое множество происходящих в природе изменений.

Эволюционное учение Ч. Дарвина завершило формирование биологии как научной дисциплины, сформировало основы такой картины биологической реальности, в которой принцип развития выполняет функции основополагающего начала.

Интенсивное развитие биологического познания, накопление новых эмпирических и теоретических знаний потребовали существенной модификации и уточнения дарвиновской теории эволюции. С формированием в биологии XX столетия таких направлений биологического исследования, как синтетическая теория эволюции, генетика, популяционная экология и др., существенно изменяется и дополняется та картина биологической реальности, которая была обоснована в учении Дарвина. Основной единицей эволюции становится популяция, а не отдельный организм. Выявляются молекулярно-генетические механизмы наследственности, в орбиту эволюционных изменений вовлекаются биосфера и биосфера в целом. Неуклонно развиваясь, эволюционная парадигма становится, безусловно, доминирующей в современной биологической картине мира и исключает использование неэволюционных подходов или стилей мышления. Более того, биология начинает оказывать активное воздействие на другие научные дисциплины, сообщая им импульс эволюционных интерпретаций как предметных областей, так и методов их концептуального освоения.

Так, становление и развитие социологии происходило под очевидным влиянием эволюционного стиля мышления, развитого в биологии. Г. Спенсер продолжает эту линию развития социологии, трактуя социальную динамику как неотъемлемый компонент эволюции мира в целом. Подобные аналогии не редкость и в современном социальном познании. Достаточно назвать имена С. Тулмина, К. Поппера, многочисленную группу сторонников социобиологии. Можно долго перечислять «друзей эволюции» и среди представителей других дисциплин – как естественных, так и гуманитарных.

К середине XX века принцип развития становится действительно парадигмальным образцом мышления и научного исследования. Однако физика, которая длительное время являлась своеобразным лидером естествознания и транслировала свои идеалы и нормы научного исследования природы в другие естественные науки, по-прежнему, оставалась приверженной неэволюционным подходам и методологиям. Классическая физика и неклассические физические теории при изучении фундаментальных природных взаимодействий, а также Вселенной как максимально возможной физической системы, абстрагировались от их эволюционного рассмотрения.

Особенно острая, принципиальная несовместимость физики и биологии обнаруживалась при сопоставлении фундаментальных основоположений дарвиновского эволюционного учения и классической термодинамики с ее знаменитым вторым началом. Согласно эволюционной теории, в мире происходит непрерывное развитие биологических форм и видов, в котором доминирующим направлением выступает прогрессивная ветвь (ароморфоз), связанная с постоянным усложнением и функциональным совершенствованием изменяющихся биосистем. Второе начало термодинамики, наоборот, постулировало факт непрерывного нарастания энтропии и разрушения, распада конечных и изолированных физических систем. Первый и принципиально важный шаг к разрешению этого противоречия между физикой и биологией

предполагал распространение принципа развития на исследование и интерпретацию физической Вселенной. Релятивистская космология должна была преломить в своем содержании эволюционную методологию. И здесь чрезвычайно важную роль сыграла деятельность российского физика и математика А. Фридмана. В своей работе «Мир как пространство и время» впервые поставил под сомнение постулат о стационарности Вселенной во времени. Анализируя «мировые уравнения» А. Эйнштейна, Фридман нашел такой вариант их решения, который предполагал наличие изменений в ее структуре с течением времени. Эта, казалось бы, чисто математическая гипотеза о нестационарной (расширяющейся) Вселенной получила эмпирическое подтверждение с открытием, так называемого, красного смещения в световом излучении удаленных громадных космических объектов (галактик), объясненного эффектом Доплера. Проще говоря, оказалось, что галактики разбегаются прочь от земного наблюдателя. Другим экспериментальным доказательством послужило выявление микроволнового фонового излучения, окрещенного «реликтовым», поскольку оно свидетельствовало о состоянии горячей Вселенной в первые мгновения ее существования, в самом начале процесса ее расширения.

Однако простой экстраполяции принципа эволюции на физическое познание и, в частности, на интерпретацию жизни Вселенной, было явно недостаточно для того, чтобы представления об универсальности развития в мире живой и неживой природы, а также социокультурных систем, стали неотъемлемым компонентом современной общенаучной картины мира. Для этого в научном мышлении должен был утвердиться принцип глобального, или универсального, эволюционизма.

3. Концепция глобального эволюционизма представляет собой достаточно сложный конгломерат знаний, включающий в себя как новейшие данные ряда современных научных дисциплин, так и положения методологического и философско-мировоззренческого порядка.

Основной вклад в обоснование и утверждение принципов глобального эволюционизма как эффективной объяснительной модели и широко распространенного в современной науке стиля мышления внесли физико-космологические, биохимические и социально экологические научные дисциплины. По мнению академика В.С. Стёпина, определяющее значение при этом имели: теория нестационарной Вселенной, синергетика и современная теория эволюции, включающая в свой состав концепцию биосферы и ноосферы.

Важную роль в утверждении идеи эволюции в неорганической природе сыграла революция в космологии, результатом которой стала разработка теории расширяющейся Вселенной. Эта теория задавала единые основания для описания процессов, происходящих на разных уровнях организации материи – от внутриатомных структур до звезд и планет. Причем объединяющим началом в таких научных описаниях выступил эволюционный принцип, который был распространен на всю неорганическую материю и таким образом утвердил в научной картине мира тезис о космической эволюции. Необходимо отметить, что

критический анализ теории расширяющейся Вселенной обнаружил ряд принципиальных трудностей, которые касались интерпретации наиболее загадочных и важных этапов эволюции Вселенной, случившихся в период от момента так называемого «Большого взрыва» до истечения мировой секунды после него. Целый ряд указанных философско-мировоззренческих затруднений получил рациональное разрешение в теории раздувающейся Вселенной и идее «антропного принципа». Все это позволило развить конкретно-научное содержание принципа глобального эволюционизма и утвердить его в современном научном сознании.

Весьма важную роль в достижении этого важнейшего мировоззренческого результата сыграла и теория самоорганизации (синергетика). Она изучает процессы самоорганизации или спонтанного структурогенеза, уделяя при этом особое внимание эффектам согласованного действия различных компонентов развивающихся систем. Традиционно самоорганизация связывалась с функционированием и развитием биологических систем, для которых характерны явления саморегуляции и самовоспроизведения. В отношении же неорганических объектов, как правило, считалось, что их изменения строго подчиняются второму началу термодинамики, поэтому они могут осуществляться лишь в направлении возрастания энтропии, т.е. от порядка к хаосу.

Важно подчеркнуть, что в классической науке доминировали такие методологические ориентации и идеалы научного исследования, которые акцентировали внимание ученых на выявлении аспектов устойчивости, равновесия и порядка. Исследуемые объекты рассматривались как замкнутые системы, подчиняющиеся принципам однозначной причинно-следственной связи или так называемого лапласовского детерминизма. Фактор времени был несущественным в этой картине мира, ибо физическую реальность подчиняли законам, инвариантным относительно временной шкалы. Однако развитие науки в XX столетии убедительно продемонстрировало ограниченность подобных линейных представлений о мире. Выяснилось, что для сложных системных объектов характерны такие свойства, которые могут быть описаны лишь с помощью нелинейных моделей.

Современная парадигма нелинейного мышления обнаружила свою адекватность в первую очередь при исследовании и описании процессов в живой природе, поскольку биологические объекты являются открытыми системами и удалены от состояния термодинамического равновесия. Затем и объекты неорганической природы стали интерпретироваться как открытые системы, обменивающиеся веществом, энергией и информацией с окружающей средой. А это означало, что фундаментальные науки о неживой природе – физика, химия, космология – должны учитывать эволюционный фактор и принцип нелинейности в поведении физико-химических объектов. Отсюда возникала потребность в разработке универсальной нелинейной методологии, которая бы смогла стать адекватным средством для описания процессов изменения и эволюционной динамики на различных уровнях организации материи. Решение

этой задачи было осуществлено в начале 70-х годов XX века посредством разработки особого междисциплинарного направления научных исследований, которое получило название синергетики (от греч. *synergeia* – совместный, согласованно действующий).

Синергетика исследует процессы самоорганизации в системах различной природы. Под самоорганизацией понимаются явления генезиса пространственно-временных структур в сложных нелинейных системах, находящихся в состояниях, удаленных от равновесия. Когда система достигает особого критического состояния (так называемой «точки бифуркации») ее поведение становится неустойчивым под воздействием незначительных случайных факторов (флуктуаций) состояние системы может радикально измениться. В это переломный момент нельзя однозначно предсказать, в каком направлении будет осуществляться дальнейшее развитие системы: перейдет ли она на более высокий уровень организации или станет хаотичной, утратив целостность своей структуры.

Формирование синергетики связывают с именами Г. Хакена, И. Р. Пригожина, С. П. Курдюмова. Концептуальное пространство этой новой междисциплинарной области научных исследований включает в себя такие понятия как аттракторы, бифуркации, фракталы, детерминированный хаос и др. Их использование позволило существенно расширить и конкретизировать научные представления о процессах самоорганизации сложных системных объектов различной природы, а также их эволюционной динамике под воздействием разнообразных факторов внешней среды.

Особое значение в этом плане имеют работы Пригожина и его школы, посвященные проблемам «неравновесной динамики» и обосновывающие мысль о том, что, удаляясь от состояния равновесия, термодинамические системы приобретают новые свойства и начинают подчиняться особым законам функционирования. Пригожин называет их «диссипативными структурами» и утверждает, что они «несут в себе стрелу времени», поскольку подвержены направленным и необратимым изменениям, порождая более высокие уровни порядка и организации.

Таким образом, идеи динамики неравновесных систем и синергетики в целом оказали огромное влияние на развитие современной научной картины мира, поскольку позволили системно обосновать представления об эволюции физических систем и включить их интегральную матрицу развивающейся реальности неорганических, органических и социальных объектов.

Наряду с идеями нестационарной Вселенной и синергетикой значительную роль в обосновании принципа глобального эволюционизма сыграла и современная биология. Биологическое познание всегда ориентировалось на эволюционную методологию и уделяло большое внимание разработке эволюционной проблематики. Однако в классической биологии развитие органических форм, как правило, рассматривается на основе феноменологических подходов с использованием когнитивного потенциала описательных методов познания. Эволюционные представления, содержащиеся

в учении Ч. Дарвина и других классических концепциях, по своей теоретической зрелости значительно уступали физико-математическим дисциплинам. Потому в XX столетии перед биологией встала задача не просто эмпирически зафиксировать и адекватно описать феномен эволюции живой природы, но и реконструировать его с позиций концептуально теоретического анализа. В решении этой задачи значительную позитивную роль сыграли синтетическая теория эволюции, в рамках которой была предпринята попытка конструктивного синтеза эволюционных идей и генетики, а также учение об эволюции биосферы и ноосферы, связанное, прежде всего, с именем В.И. Вернадского.

Биосфера, по Вернадскому, представляет собой особое геологическое тело, оболочку Земли, состав, структура и функционирование которой являются результатом длительной эволюции живого вещества во взаимосвязи с неорганическими условиями осуществления эволюционных процессов. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера, как считал Вернадский, постепенно перейдет в новое состояние – ноосферу – при котором естественные процессы будут протекать под контролем сознательной деятельности человека.

В процессе саморазвития биосферы, а также под действием антропогенных факторов в ней могут возникнуть разномасштабные качественные изменения составляющих ее подсистем, что приводит к острейшему вопросу о необходимости выработки социально экологической стратегии природопользования, адекватной реалиям сегодняшнего дня.

Природа – естественная среда обитания человека. На современном этапе общественного развития характер отношений в системе «человек – природа – общество» определяет сложную экологическую ситуацию в современном мире. Сегодня она порождает одну из важнейших глобальных проблем – экологическую проблему, ставящую на повестку дня вопрос о будущем всего человечества.

Ключевая роль в выборе стратегии решения экологического развития принадлежит взаимодействию человека и природы. В различные исторические эпохи это взаимодействие складывалось по-разному. Например, для архаического общества была характерна высокая степень включенности человека в мир природы, субъект-объектная неразделенность с ней, наличие как прагматического, так и ярко выраженного неутилитарного интереса к окружающей природе. В эпоху античности начинает проявлять себя противостояние человека природной среде его обитания. Становление техногенной цивилизации в эпоху Нового времени делает такой тип отношений основополагающим.

Конец XX – начало XXI вв. характеризуется поиском новых ориентиров в отношении человека к природе. Немаловажная роль в их утверждении принадлежит идее коэволюции, у истоков которой стоял известный генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский. Поскольку человек является частью биосферы, постольку его развитие должно соотноситься с ее изменениями, обеспечивая сопряженную динамику (коэволюцию) человека и природы. Эта

гуманистическая идея, активно разрабатываемая в современной науке, отвергает господство человека над природой и подчеркивает его ответственность за происходящее в окружающем мире, ориентирует на необходимость продуктивного диалога с ней. Разработка коэволюционной стратегии ставит на повестку дня выработку действенных экологических императивов, оптимизирующих отношения в системе «общество – природа – человек» и способствующих достижению и сохранению ею состояния устойчивого развития.

Таким образом, в современной науке и культуре идея глобального эволюционизма принимается повсеместно. Причем эволюционный подход обретает статус подлинно научной методологической стратегии познания природы и социокультурных явлений, поскольку не ограничивается только описанием и классификацией развивающихся объектов, а органично соединяет требования эволюционной интерпретации систем самой различной природы с принципом их системного анализа. В результате процесс развития понимается как динамика самоорганизующихся систем разной степени сложности, в которой происходят направленные во времени их изменения от одного типа организации к другому. Понятый таким образом глобальный эволюционизм становится реально действующей методологической программой современного научного познания, ибо позволяет рассматривать в органической взаимосвязи и обусловленности явления неорганической и органической природы с реальным учетом влияющих на их функционирование и развитие социоантропогенных факторов

Следовательно, вывод о динамической природе бытия и атрибутивности развития на различных уровнях организации Универсума находит свое убедительное подтверждение в философии, науке и культуре разных эпох и народов. Мир и существование человека в нем неотвратимо подвержены изменениям, составляющим извечную загадку бытия.

1.1.4. Проблема человека и антропологический поворот в современной философии

Человек как предмет философского анализа. Философская антропология представляет собой учение о человеке, его природе (сущности) и бытии. В истории философии и культуры было выдвинуто несколько фундаментальных идей о человеке, вокруг которых сформировались соответствующие антропологические исследовательские программы.

1. Идея человека как Божьего творения воплощена в Ветхом Завете, античных религиях и включает в себя мифы о сотворении Богом человека, его тела и души, а также учения о свободе личности и духовности, бессмертии души, воскресении плоти и др. В области философии они трансформируются в эсхатологические представления, образующие одно из важнейших направлений интерпретации мироздания в рамках европейской культурной традиции.

2. Идея человека как разумного существа (*Homo sapiens*) восходит к античной культуре (Анаксагор, Платон, Аристотель). Разум – специфическое деятельное начало, свойственное только человеку. Это начало рассматривается как частная функция Божественного мира, продуцирующей идеи Логоса, т.е. человек наделяется свойством, не содержащимся в природе. Его разум и мировой Логос, организующий, рационализирующий космос, обладают одной и той же онтологической сутью. Этим обстоятельством объясняется возможность истинного познания мира человеком. Разум, «укорененный» в мировом Логосе, способен претворять в действительность свое идеальное содержание. Такое видение человека было развито в различных традициях (в стоицизме, в платоновско-августинианской, аристотелевско-томистской концепциях, философии Р. Декарта, И. Канта, философских теориях Просвещения) и нашло свое наиболее яркое воплощение у Г. Гегеля.

3. Идея человека как существа, определяемого влечениями (Демокрит, Эпикур, Макиавелли, Бэкон, Гоббс, Юм, Милль, Конт, Спенсер, Фейербах, Дарвин, Ламарк, Фрейд, Адлер). Согласно такому представлению, влечения – это то, что образует единство психофизического организма. В качестве базисных рассматриваются влечения, связанные с продолжением рода; влечения к росту и власти; влечения, связанные с поддержанием жизнедеятельности организма и с механизмами питания. Дух, разум – не самостоятельны и не имеют обособленного происхождения. В рамках этой программы не проводится существенного различия между человеком и животным. Все душевные и духовные явления понимаются исходя из влечений, ощущений, а слова, знаки, понятия трактуются лишь как утонченные психические орудия.

4. Идея человека как «животного, заболевшего духом» (Шопенгауэр, Савиньи, Бахофен, Ницше, Бергсон). Эта программа постулирует тезис о декадансе человека – существа, приспособленного к миру хуже других животных. Создание и развитие искусственных орудий труда делает избыточным функциональное усовершенствование органов чувств и трактуется как обходной путь к сохранению вида в условиях невозможности развиваться биологически. Человеческий разум выступает не как сила, возвышающая человека над органическим миром, но как результат отключения органологической эволюции, результат отрицания воли к жизни. Именно биологическая слабость заставляет человека изобретать орудия и средства, приспособляющие его к миру (язык, государство, науку, искусство).

5. Идея сверхчеловека, восходящая к соответствующему тезису Ф. Ницше, представлена этическими теориями Г. Керлера и Н. Гартмана. Их антропологические построения следует характеризовать как своеобразный «постуляторный атеизм». Если И. Кант, опровергавший доказательства бытия Бога, все же сделал его существование общезначимым постулатом практического разума, то указанные философы отказывают ему и в этом статусе. Согласно их взглядам, свободный человек может появиться только в мире, не имеющем трансцендентной (Божественной) основы, в мире, телеологически

незапрограммированном. Сущность человека, полагаемая трансцендентно, уничтожает самого человека, его нравственное начало.

Антропологическая проблематика в целом пронизывает собой всю историю философии. В классической философии можно выделить следующие основные стратегии интерпретации природы и сущности человека: натурализаторскую, рационалистическую, религиозно-персоналистскую и социологизаторскую. Каждая из перечисленных стратегий выражает некую общую направленность философского мышления, при этом в контексте конкретных учений зачастую обнаруживается сложное и противоречивое переплетение различных подходов.

Натурализаторская интерпретация предполагает трактовку человека как природного существа, особенности которого генетически и функционально определяются естественной средой его обитания. Сторонники натурализма рассматривают человека в единстве с остальными представителями живой природы, которые отличаются от него менее сложной организацией, но обладают сходством с ним, поскольку также подчиняются всеобщим естественным законам. Человек в данном случае оценивается как высокоразвитое живое существо – наиболее совершенное произведение органического мира, в жизнедеятельности которого осуществляется «план природы».

Натурализм, согласно которому природа выступает как единый и универсальный принцип объяснения всего сущего, был одним из ведущих принципов европейской просветительской мысли. Взгляд на мир, исключаящий все внеприродное, сверхъестественное при его объяснении, отличает таких представителей французского механистического материализма XVIII века, как Ж.О. де Ламетри, Д. Дидро, П.А. Гольбах. В основе концепции «естественного человека» эпохи Просвещения лежит представление о существовании единой материальной субстанции, высшим проявлением которой является человек как природно-телесное существо.

В рационалистической стратегии сущность человека объясняется наличием у него разума, сознания. Наиболее распространенными в рамках данной стратегии являются определения человека как «рационального существа» или «разумного животного». Разум в данной стратегии выступает как высшее начало и абсолютная ценность, основа познания мира и поведения человека.

Философия классического рационализма в целом, от Платона до Гегеля, отличается стремлением к открытию в человеке и мире предельных субстанциональных оснований сущего. В связи с этим разум понимается предельно широко: не только как отличительная способность человека, но и как основание природно-космического бытия. Представление о разумном устройстве мира, наличии в нем внутренней логики и порядка, существует в рационализме наряду с убеждением в том, что человек силой своего разума способен постичь этот мир и устроить его на разумных началах.

В религиозно-персоналистской концепции уникальность человека объясняется его соотнесенностью с абсолютным трансцендентным началом – Богом. Человек рассматривается в контексте установленного Творцом мирового

порядка, в единстве таких его составляющих как тело, душа и дух. Христианская антропология признает человека наиболее совершенным творением Бога, созданным по его «образу и подобию». Смысл земной жизни человека видится в преодолении всего, что умаляет его подлинную суть и высшее предназначение. Первостепенная роль в духовном развитии человека отводится вере и активному принятию по своей свободной воле божественного откровения.

Описание «человеческого» в человеке через его соразмерность с трансцендентным началом отличает средневековую философию. В ней человек, в соответствии с основоположениями христианского вероучения, соотносится с идеей абсолютного Бога, который сообщает знание о себе и о мире в откровении. Теология образа и подобия, осмысленная сквозь призму догматов творения, грехопадения, воплощения, искупления и спасения, становится ключевой в определении сущности человека. Личность признается первичным творческим началом, а весь мир – проявлением творческой активности Абсолютной Личности – Бога.

Социологизаторская стратегия в определении человека и его сущности устанавливает приоритет общества и культуры. Человек характеризуется в ней как общественное существо, продукт социального развития. Подчеркивается, что человек не существует вне общества и только в обществе он может действительно реализовать себя. Социальные связи и отношения становятся главной детерминантой и объяснительным принципом развития личностных качеств человека, которые образуются по меркам этих отношений.

Истоки социологизаторской стратегии восходят к классической древнегреческой философии, ориентированной на обоснование моделей оптимального общественного развития и совершенного государственного устройства. Согласно Аристотелю, человек по своей природе является «существом политическим». Стремление людей к совместной жизни он считает естественной предпосылкой формирования государства, которое призвано обеспечить безопасность своих граждан и регулировать их отношения на основе законов, а также должно быть направлено на достижение всеобщего блага – добродетельной и счастливой жизни.

В неклассической философии социальная сущность человека подчеркивается в марксистской концепции личности. Человек в ней рассматривается как сознательное, активное, предметно-деятельное существо. Своеобразие человека, по К. Марксу, определяется его сущностью, которая представляет собой «совокупность всех общественных отношений». Согласно марксистской концепции, сущность человека формируется в контексте социальных связей и отношений в конкретно-исторической форме и изменяется в ходе развития общества.

Понятия «индивид», «индивидуальность» и «личность» используются в марксистской традиции как отражающие единичное, особенное и всеобщее в человеке. Индивид – это человек как отдельно взятый представитель человеческого рода. Индивидуальность – совокупность уникальных черт, отличающих данного индивида от всех других. Личность – это устойчивая

система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена общества. Она формируется определенной системой общественных отношений, а также обусловлена биологическими особенностями человека. В марксистской концепции личности учитывается сложность взаимодействия естественно-природных и общественно исторических факторов в формировании человека, при этом значимость последних акцентируется.

Развитие постклассической философии в XX веке отличает так называемый «антропологический поворот», сделавший человека центральной темой философских поисков. Намечается новый путь антропологических размышлений, идущий не от бытия вообще к бытию человека, а от человеческого существования к миру в целом, как он видится человеку и «выстраивается» вокруг него.

Одним из наиболее ярких проявлений данной тенденции в философии XX века является экзистенциализм. «Антропологический поворот» в экзистенциализме становится поворотом от классической «философии сущностей» к философии человеческого существования. Представители экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр, А. Камю) обращаются к конкретному опыту существования человека в мире и его отличительным особенностям.

Экзистенциалисты исходят из критической оценки возможностей объективно-научного познания в постижении специфики человеческого бытия. Поскольку деятельность человека укоренена в существовании «здесь и теперь», он открывает себя в непосредственном переживании и постоянном самоопределении, конституируя себя в мире как конкретную индивидуальность. Человек в экзистенциализме предстает как «беспрерывная неустойчивость», не имеющая завершенной определенности; из всего сущего он выделяется своей способностью превосходить заранее установленные пределы посредством проекта собственного существования. Различая подлинное и неподлинное бытие, экзистенциалисты противопоставляют подлинному существованию человека унифицированное, анонимное, безличное и безответственное – существование «как все». Подлинное существование утверждается в экзистенциализме как уникальный опыт творчества, свободы и личной ответственности человека.

Стремление утвердить личность в качестве первичной творческой реальности и высшей духовной ценности отличает персонализм, развивающий философско религиозную концепцию человека. Персонализм сформировался в конце XIX века в России (Н. Бердяев, Л. Шестов) и США (Б.П. Боун, Дж. Ройс, Э.Ш. Брайтмен, Р.Т. Флюэллинг); в 30-х годах XX века получил развитие во Франции (Э. Мунье, Ж. Лакруа, М. Недонсель, П. Рикер).

В персонализме обосновывается уникальность и исключительность личности как высшей ценности – «венца мира». Призванием человека, согласно персонализму, является не созерцательная жизнь, а активная деятельность, направленная на всестороннее развитие самого себя и творческое преобразование мира. Творческие возможности личности считаются в

персонализме безграничными: чем более развита духовно личность, тем в большей степени она способна к созиданию. Более того, в своем пределе, достигая трансцендентных высот, личность становится тождественной Богу-творцу как высшей творческой личности. Религиозность и нравственность рассматриваются персоналистами как наиболее значимые предпосылки преобразования мира на гуманистических основах и создания общества всеобщего взаимопонимания.

Разработка и обоснование синтетической концепции человека в неклассической философии осуществляется в «философской антропологии» как самостоятельном направлении исследований, возникшем в конце 1920-х гг. в Германии и затем распространившемся в ряде других стран. Представителей этого направления – М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена – объединяет стремление утвердить человека в качестве главного предмета философствования.

Согласно М. Шелеру, человек представляет собой единство телесного, душевного и духовного начал. Рассматривая строение биопсихического мира, М. Шелер перечисляет следующие ступени развития психических сил и способностей: «жизненный порыв»; инстинкт; ассоциативная память; практический интеллект; дух (присущ только человеку). Сущность человека заключается в постоянном духовном преобразовании, в стремлении к безграничному трансцендированию. Реализация человеком своего духовного предназначения является продолжением актов всеобъемлющего духовного субъекта – Бога. Способность выходить за пределы своего непосредственного окружения, полагает М. Шелер, определяет особое положение человека в космосе.

Специфику человека, по Г. Плеснеру, определяют три основных антропологических закона: «естественной искусственности» (бытие человека есть осуществление, посредством собственной деятельности он должен стать тем, чем он уже является), «опосредствованной непосредственности» (человек осознает свое сознание, понимает, что все объективное является таковым лишь для его сознания) и «утопического местоположения» (отрицая абсолютное, человек нуждается в нем для собственного «удержания» в мире). Человек, утверждает Г. Плеснер, занимает исключительное положение в мире, так как он «проектирует» себя самого, исходя из ситуации неопределенности. Поскольку человеческое укоренено вне наличного бытия, человек вынужден постоянно самоопределяться, всегда оставаясь при этом тайной для самого себя.

Человек определяется А. Геленом как неспециализированное, незавершенное и «биологически недостаточное существо», лишенное прочной позиции в мире. В отличие от других живых существ, человек крайне плохо оснащен инстинктами и совершенно не приспособлен к жизни. Биологическая недостаточность побуждает человека к деятельности, результатом и условием которой является мир культуры. Отличительным человеческим свойством является духовность, которая представляет собой реальную возможность витальной природы человека. Сама природа, считает А. Гелен, предопределяет открытость человека миру и его творческую способность к созданию культуры.

В человеке как деятельном и активном существе воплощается уникальный проект природы.

Представители философской антропологии обосновывают мысль о том, что однозначное и исчерпывающее знание о человеке недостижимо, поскольку познаваемый объект является многозначным и открытым по своей сути. Наиболее перспективный путь антропологических исследований, по их мнению, связан с разработкой учения, которое изначально исходило бы из бытия самого человека и придерживалось антропологических принципов в истолковании реальности.

Стремление определить сущность человека отличает многие антропологические учения, представленные, главным образом, в классической философии. Вопросы, связанные с существованием человека, приобретают особый статус в постклассических версиях философской антропологии. При этом проблематика человека начинает трактоваться иным образом, нежели в классической традиции. От рассуждений о вечной и неизменной «природе» или «идее» человека философия переходит к построению его образа, содержание которого связывается с осмыслением наиболее значимых антропологических проблем современности. Так, представители экзистенциализма и персонализма утверждают, что человека нельзя рассматривать, исходя только из его сущности. В своем реальном проявлении сущность человека обнаруживается в его существовании, а оно уникально в своем индивидуально-конкретном воплощении.

Mind-Body problem в истории философии и науки. Одной из наиболее дискуссионных тем в современной философии и науке является психофизическая проблема (Mind-Body problem). В широком смысле, под ней понимают вопрос об отношении психических явлений к физическим, месте и специфике психического в системе природы. В узком смысле, психофизическая проблема конкретизируется как психофизиологическая, т. е. как проблема соотношения психических и нейрофизиологических процессов, сознания и мозга. Фактически, в обоих случаях речь идет о попытке прояснения генетических и функциональных связей сознания и ответе на вопрос, является ли оно чем-то принципиально уникальным, или духовный опыт может быть рассмотрен как специфическая функция особым образом организованных материальных систем.

Впервые о психофизической проблеме в философии явно и определенно заявил Р. Декарт. Он разделял внешний мир и человека в нем на субстанцию протяженную и субстанцию мыслящую. Способность занимать место в пространстве отличает материальные тела, необходимыми признаками которых выступают конечность, размерность и делимость. Мышление же выступает антиподом физической реальности. Оно не существует в пространстве, в котором у него нет своего места и геометрических размеров. В силу этого мысль неделима и бесконечна. Каким же образом в человеке соотносятся тело и дух? Первое подчинено законам механической детерминации и встроено в цепочки

природных причинных связей. Дух же свободен от «силы притяжения», являясь по отношению к себе одновременно и причиной, и целью.

Современный физикализм (Р. Карнап, Г. Фейгл, Д. Армстронг, П. Фейерабенд, Р. Рорти и др.) в решении психофизической проблемы отталкивается от тезиса, в соответствии с которым «все есть физическое и все подчинено физическим законам» (Р. Карнап). Законы физики выступают как наиболее глубинные по отношению к остальным формам организации материи, а язык физики является самым развитым научным языком. Следовательно, проблему сознания необходимо переписать на языке физического знания. Если же на сегодняшний день нам пока не удастся все ментальные состояния свести к физическим, то необходимо надеяться на науку будущего, которая рано или поздно, например, с развитием нано-технологий, с данной задачей справится.

Следующей версией материалистической интерпретации проблемы сознания стал физиологизм (Л. Бюхнер, К. Фохт, Я. Молешотт). Кредо данной позиции наиболее ярко выражает известное высказывание К. Фохта о том, что «мозг также выделяет мысль, как печень желчь». Психическое здесь не имеет никакого специфического по сравнению с другими физиологическими функциями статуса, а содержание сознания определяется преимущественно химическим составом продуктов питания. Лечение же психических заболеваний является уделом не психологов, поскольку нет никакой особой нематериальной души, а физиологов.

Огромное значение для развития научно-материалистических взглядов на сознание имело развитие физиологии высшей нервной деятельности, связанное с творчеством великого русского ученого И.П. Павлова. Его учение об условном рефлексе обосновывало особый регулятивный статус психического по отношению к остальным рефлекторно-физиологическим процессам. То есть сознание, согласно взглядам Павлова, не простая физиологическая функция мозга, а основной регулятор организма и его поведения. Работы Павлова в наибольшей степени способствовали демистификации сознания в современной научной картине мира и оказали существенное влияние на развитие отечественной медицины и психологии, утвердив объективно-детерминистский подход к феноменам психического.

Искусственный интеллект как философская проблема. Одной из последних версий материалистической интерпретации психофизической проблемы является кибернетизм (Х. Патнем, Д. Деннет, Дж. Сёрл и др.). Сознание в данном случае рассматривается как способность технической системы к получению и переработке информации. При этом проводится аналогия между работой компьютера и организацией психических процессов у человека. Для успешного функционирования компьютера необходимы устройства для обработки информации (процессор), для ее хранения (долгосрочная и оперативная память) и для ввода-вывода информации (клавиатура, монитор и т. п.). Мозг – это аналог процессора, память присутствует и у человека, и у компьютера, наши органы чувств играют роль клавиатуры, мышки, монитора и т. д.

Трудно представить современную жизнь без компьютера, этой «умной машины», которая не только осуществляет за нас математические расчеты или перевод текстов, но даже может играть в шахматы или писать стихи. Вместе с тем, мыслит ли компьютер? Быть разумным и быть мыслящим – одно ли это и тоже? Что такое интеллект? Для классической философии – это способность к рациональному познанию, основу которого составляет логическое рассуждение. В современной психологии в качестве «трех китов» абстрактно-логического мышления выступают память, логическая схема и язык. Все это в равной степени моделируемо в компьютерных системах, значит ли это, что они мыслят? В 1950 г. А. Тьюрингом был предложен тест, названный им «игрой в имитацию», суть которого состояла в возможности своеобразного обмана человека компьютером. Общаясь с двумя компьютерами, за одним из которых находился человек, а на другом – программа, испытуемый должен был угадать, «кто есть кто». Тьюринг полагал, что к 2000 г. компьютеры пройдут тест, доказав тем самым свои мыслительные способности. Однако полностью пока еще ни одна программа с тестом не справилась, хотя удачные имитации встречались.

Вопрос о том, могут ли машины мыслить, поставленный А. Тьюрингом в середине прошлого века, до сих пор остается открытым. Как варианты его решения выделяют теории сильного и слабого ИИ. *Теории сильного ИИ* настаивают на возможности создания компьютерного разума, полностью моделирующего человеческий. Основные научные разработки в этой области связаны, с одной стороны, с созданием искусственных нейронных сетей, имитирующих работу мозга как «биологического компьютера» (Bottom-Up AI, – восходящий ИИ); с другой стороны, с развитием программного обеспечения, алгоритмизирующего психические способности человека: мышление, речь, рефлексия и др. (Top-Down AI – нисходящий ИИ).

Теории слабого ИИ говорят о том, что компьютер может успешно воспроизводить отдельные функции человеческого мышления, но не сознание как таковое. Одним из наиболее известных адептов этой позиции стал американский философ Дж. Сёрл, который предложил перевернутый вариант игры в имитацию, названную им «китайской комнатой». Представьте человека, не знающего китайского языка, но имеющего грамотные инструкции, как надо отвечать на вопросы, заданные на китайском. В отличие от теста Тьюринга, здесь не компьютер, а человек имитирует понимание, не обладая таковым. Для внешнего наблюдателя общение выглядит вполне адекватным, однако участник, который, следуя инструкциям, правильно отвечает на китайские иероглифы, не имеет представления, о чем он беседует. Таким образом, компьютер может быть запрограммирован на решение отдельных задач (например, игра в шахматы или написание стихов), однако это не является гарантом его понимания шахмат или поэзии.

Очевидно, что если компьютер и мыслит, то принципиально иначе, чем человек. Важнейшим свойством нашей памяти является ее способность к забыванию, в то время как компьютер помнит обо всем, что не отправлено в корзину. Алгоритм нашего мышления построен на мгновенной селекции

необходимой информации, компьютер же для производства отдельной операции обречен перебирать все имеющиеся в памяти варианты. Наконец, никакой ИИ не смог бы работать на основе «живого» человеческого языка. При этом, как быть с невербальными элементами нашего сознания, такими, например, как ощущение или интуиция? В мыслительной деятельности человека они играют немаловажную роль, в то время как применительно к машине достаточно проблематично говорить о ее способности к ощущению боли или счастья, удивлению или любопытству. Саморазвивающиеся компьютерные программы на сегодняшний день уже реальность, но это отнюдь не означает, что компьютер тем самым приобретает человеческую свободу воли как возможность самостоятельного выбора целей. В отличие от человека машины все-таки действуют под воздействием каузальных (причинных) связей, но не телеологических (целевых).

Соответственно, можно констатировать, что во многом проблема сущностной специфики психического и его статуса в системе природных процессов до сих пор остается открытой. Будучи когда-то поставлена Декартом, она едва ли получила однозначное решение в современной философии и науке. Мы сегодня намного больше знаем о механизмах работы мозга, мы зачарованы перспективами искусственного интеллекта, но, по большому счету, мы до сих пор не знаем, что же такое наше сознание и почему оно столь уникально и столь всесильно по отношению к внешней действительности.

1.1.5. Актуальные проблемы социальной философии

На протяжении всей истории человечества совместное существование людей являлось предметом познания, результаты которого прямо или косвенно сказывались на характере деятельности человека, отношениях между людьми, формах самоорганизации и регуляции жизни социума. С возникновением философии представления об обществе стали неотъемлемым компонентом философского знания, оставаясь, однако, длительное время на периферии внимания профессиональных философов. Вплоть до середины XIX столетия социальная философия (как, впрочем, и философия истории, во многом способствовавшая ее становлению) находилась в процессе перманентного самоопределения, связанного с поиском собственного предметного ареала, в рамках как общефилософского знания, так и комплекса формирующихся социально-гуманитарных наук. Произошедшая в XIX веке институционализация этих наук, приведшая к созданию социологии, политологии, культурологии, социальной психологии и др., способствовала кристаллизации предмета, структуры, проблемного поля и социокультурных функций социальной философии, ставшей в XX столетии одним из основных компонентов философского знания.

Специфика социальной философии как формы познания общества и его феноменов определяется наличием у нее, как и у философии в целом, двух интенций, подмеченных еще в древности: эпистемной, выражающейся в

стремлении к достижению истинного знания, и софийной, воплощающейся в ценностно-императивных и оценочных суждениях о сущности и значении происходящего в мире. Существование этих ориентаций определяет своеобразие философского знания одновременно и как специфически научного, и как мировоззренческого, выходящего за рамки канонов научных дисциплин, следование которым является обязательным для социально-гуманитарных наук. Применительно к социальной философии эта ситуация означает, что, в отличие от социально-гуманитарных наук, для нее естественно и позитивно сосуществование различных, зачастую, казалось бы, несовместимых парадигм, исследовательских программ и теоретических моделей общества.

Место социальной философии в системе обществознания и определяется потребностью в решении двух основных задач, стоящих перед ней. Напомним, что к Аристотелю и комментатору его сочинений Андронику Родосскому восходит традиция выделения «физического» познания, основанного на регистрации, описании, обобщении непосредственно воспринимаемых явлений, и «метафизического», предполагающего выход за пределы эмпирической конкретики и обращение к сущности происходящего в мире – к «предельным основаниям бытия».

В изучении общества первый путь, представляющий собой путь познания общественных событий («со-бытия» людей), явлений, их индивидуализации или генерализации, доходящей до открытия эмпирических закономерностей, выступает прерогативой социально-гуманитарных наук и создаваемых ими концептуальных моделей отдельных сфер и феноменов общественной жизни. Речь идет о различного рода политологических, культурологических, экономических и других дисциплинарных концепциях. Второй путь заключается в познании общественного бытия как такового и составляет предмет социальной метафизики, ориентированной на раскрытие глубинных закономерностей и ценностных параметров общественной жизни – того, что скрыто под напластованиями социально-исторических событий, что стоит за видимой хаотичностью или размеренностью, ставшей привычной и будничной чередой социальных явлений.

Эти знания метафизического или метатеоретического уровня составляют первую принципиальную особенность социальной философии как учения об обществе. Именно метафизическое осмысление позволяет раскрыть сущность общества как реальности особого типа, объективно-субъективной по своему характеру: с одной стороны, в обществе действуют люди и функционируют социальные институты, реализующие осознанные интересы и цели, с другой – между ними складываются определенные, приобретшие объективированный, а потому нормативный характер отношения, влияющие на деятельность людей.

Однако социальная философия обращается к метафизическому осмыслению общества не как к самоцели (редукция философии к метафизике и придание последней самодовлеющего характера, как выявила история, оказали негативное влияние и на саму философию, и на конкретно-научное знание), а как к средству более глубокого и конкретного понимания общественной жизни.

Последнее предполагает принципиальное единство и взаимосвязь философии и обществоведения и на теоретико-содержательном, и на методологическом уровнях. Поэтому вторая фундаментальная особенность социальной философии заключается в гармонизации отношений между метафизическим и «физическим» знанием об обществе, представленном в фактическом материале, эмпирических обобщениях и дисциплинарных (историографических, политико-экономических и др.) социально-гуманитарных концепциях – так называемых «теориях среднего уровня», через которые социально-метафизические проекты обретают конкретное содержание, коррелируя с реалиями общественно-исторической практики. От характера этих отношений, таким образом, зависит предметность и эвристичность социально-философских конструкций, а также метатеоретическая осмысленность концептуальных построений конкретных социально-гуманитарных наук.

Эта особенность социальной философии отчетливо проявляется в интерпретации общества как системы и выработке совместно с конкретными социально-гуманитарными науками теоретических моделей социума.

В литературе существуют разнообразные определения общества. В частности, общество определяется как:

- выделившаяся из природы и взаимодействующая с ней реальность, характеризующаяся системной организацией и спецификой объективных законов развития;

- система («мир») человеческой деятельности, а также ее объективное условие и результат;

- система взаимодействия (интеракции) между людьми, обеспеченная их коллективным образом жизни и способствующая координации усилий в достижении поставленных целей;

- система социальной коммуникации между людьми, реализующими свои интересы на основе существующих общих ценностей культуры;

- система отношений между социальными группами с характерными для них корпоративными интересами;

- система отношений между большими (макросоциальными) группами – классами, этносоциальными общностями и выражающими их коренные интересы учреждениями;

- система функционирующих социальных институтов, обеспечивающих стабильное развитие социума;

- система взаимосвязанных и взаимодополнительных сфер (экономической, политической, социальной и духовной), в каждой из которых реализуются соответствующие потребности и интересы общества.

Каждое из этих определений репрезентативно и характеризует общество с определенных концептуальных позиций, задавая конкретную его интерпретацию. Многообразие этих интерпретаций обусловливается сложным характером системной организации общества, в которой в качестве образующих ее элементов могут быть выделены различные феномены – индивиды, социальные группы, институты и учреждения, с характерными для них

социальными действиями, функциональными особенностями, типами коммуникативного взаимодействия, специфическими отношениями и т.д. В различных интерпретациях акценты расставляются по-разному в зависимости от того, что претендует на роль ведущего феномена – социальное действие (индивидуально-деятельностное начало общества, связанное с субъективной стороной социальной реальности) или структурно-функциональные институты и общности – универсальные начала социума, в которых проявляются надличностные закономерности, выражающие объективную сторону социальной реальности.

Тем самым, при наличии многообразия определений общества как системы, можно выделить две основные методологические стратегии его исследования – теоретико-методологический индивидуализм («социальный атоанизм», «социологический номинализм», «сингуляризм») и теоретико-методологический универсализм («коммунализм», «социологический реализм», «тотализм»). В зависимости от принятой стратегии и от того, что принимается в качестве системообразующего элемента общества, можно выделить несколько фундаментальных концепций социума.

Концепция социальной стратификации, соответствующая стратегии методологического универсализма, исходит из признания конституирующей роли в обществе социокультурных общностей и их мобильности. В философии социальная стратификация понимается в двух смыслах. В узком смысле концепция социальной стратификации рассматривается в качестве оппонента марксистско-ленинской концепции классов, призванной преодолеть «жесткость» деления общества на классы по отношению к собственности на средства производства. В широком смысле слова концепция социальной стратификации, включающая в качестве версий марксистскую и неомарксистскую теории классов, акцентирует внимание на структуре общества как форме связи между общностями, обеспечивающей целостность и стабильность развития общества в целом.

Последнее обстоятельство рельефно проявляется в функционалистской версии концепции социальной стратификации К. Дэвиса и В. Мура, в которой обосновывается ее позитивное влияние на социодинамику. Согласно этим авторам, поскольку общество неоднородно, то всегда существует дефицит людей, которые могут быть привлечены к исполнению важных для общества функциональных (должностных) позиций. Чтобы их привлечь на эти позиции, их надо стимулировать, поэтому выгоды и их распределение соответственно престижу и уважению с необходимостью порождают институционализацию неравенства в обществе, требуя, однако меры стратификации: слабая стратификация ведет к снижению творческого потенциала общества, а избыточная – к появлению явных аутсайдеров и социальной конфронтации. В дескриптивных и императивных версиях концепции (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс) интересы нормального функционирования общества также предполагают его стратификацию, связывая воедино карьерный успех человека

и соответствующее выполнение им своих функций со стабильным существованием общества.

Т. Парсонс, однако, вышел далеко за рамки стратификационного подхода, став одним из основателей школы структурного функционализма и предложив собственную оригинальную модель социума.

В ранних работах он исходит из того, что именно единичное социальное действие, структура которого включает актора (действующее лицо), цели деятельности, а также социальную ситуацию, представленную средствами и условиями, нормами и ценностями, посредством которых выбираются цели и средства, является системообразующим элементом общества. Поэтому общество можно понять как систему социальных действий субъектов, каждый из которых выполняет определенные социальные роли, положенные ему в соответствии с тем статусом, который он имеет в обществе. Здесь значение субъективной стороны социальной реальности очевидно, ибо, как подчеркивает Т. Парсонс, «если что-либо и является существенным для концепции социального действия, так это его нормативная ориентация».

Однако в дальнейшем Т. Парсонс начинает использовать в интерпретации общества парадигму социологического универсализма, ориентированную не столько на изучение мотивов и смыслов индивидуальных социальных действий, сколько на функционирование обезличенных структурных компонентов общества – его подсистем. Используя системные представления биологии, он сформулировал четыре функциональных требования, предъявляемых к социальным системам:

- 1) адаптации (к физическому окружению);
- 2) целедостижения (получения удовлетворения);
- 3) интеграции (поддержания бесконфликтности и гармонии внутри системы);
- 4) воспроизводства структуры и снятия напряжений, латентность системы (поддержание образцов, сохранение нормативных предписаний и обеспечение следования им).

В обществе эти четыре функции социальной системы, известные под аббревиатурой *AGIL* (адаптация – целеполагание – интеграция – латентность) обеспечиваются соответствующими подсистемами (экономика – политика – право – социализация), каждая из которых имеет специализированный характер. Вместе с тем, они дополняют друг друга как части единого социального организма, позволяя, во имя избежания возможных противоречий, соизмерять социальные действия акторов. Это достигается с помощью символических посредников – «средств обмена», в качестве которых выступают деньги (A), власть (G), влияние (I) и ценностные приверженности, обеспечивающие общественное признание и доставляющие удовлетворение от занятия любимым делом (L). В итоге достигается равновесие социальной системы и стабильное, бесконфликтное существование общества в целом.

Универсалистская стратегия проступает и в марксистской концепции общества как реляционной системы. Исходным для ее понимания является

сформулированное К. Марксом материалистическое понимание истории, гласящее, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Иными словами, материальная жизнь общества, прежде всего, способ производства и те экономические отношения, которые складываются между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, в принципе определяют духовную жизнь общества – всю совокупность общественных взглядов, желаний и настроений людей. Прекрасно понимая роль субъективной стороны социальной реальности, о чем свидетельствует его замечание «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», К. Маркс фокусирует внимание на том, что является главным, с его точки зрения, в обществе – системе общественных отношений, ибо общество прежде всего «выражает сумму тех связей и отношений, в которых индивиды находятся друг к другу».

Основу общества составляют производственно-экономические отношения, которые К. Маркс называет также материальными и базисными. Материальными они являются, поскольку складываются между людьми с объективной необходимостью, наличествуя вне и независимо от их воли и желания – чтобы существовать, люди, ведя коллективный образ жизни, должны вступать в отношения производственной кооперации, хотя могут и не осознавать их характер. Базисными же они выступают, поскольку определяют экономический строй общества, а также порождают и существенным образом влияют на соответствующую ему надстройку. К ней относятся возникающие на данном базисе и обусловленные им политические, правовые, нравственные, художественные, религиозные, философские и другие отношения, а также соответствующие им учреждения (государство, политические партии, церкви и т.д.) и идеи. Эти отношения К. Маркс называет также идеологическими, ибо они складываются на основе обязательного осознания людьми их характера.

Такова системная организация общества в интерпретации К. Маркса, в которой надстройка не пассивна по отношению к базису, но, тем не менее, принципиально определяется им. Неслучайно в одной из работ К. Маркс отмечает: «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом...».

В свою очередь, стратегия методологического индивидуализма легла в основу концепции общества как продукта общественной рационализации известного немецкого социолога и социального философа М. Вебера, который также исходил из интерпретации общества как субъективно-объективной реальности. Однако в этом процессе для него определяющим в понимании того, что собой представляет современное общество, выступает характер социальных действий индивидов. Понять его – значит объяснить происходящее в обществе. Системообразующим элементом в теоретической модели общества М. Вебера, таким образом, становится социальное действие, которое, в отличие от обычных действий человека, обладает двумя обязательными признаками – «субъективным смыслом», который придает человек своему поведению и который мотивирует

поступки человека, а также «ожиданием», «ориентацией на Другого», представляющей возможную ответную реакцию на предпринятое социальное действие.

Характеризуя социальные действия индивидов, М. Вебер выделяет четыре его основных типа, которые встречаются в современном обществе:

- 1) аффективное – основанное на актуальных аффектах и чувствах и определяемое эмоционально-волевыми факторами;
- 2) традиционное – побуждаемое традициями, обычаями, привычками и не являющееся достаточно осмысленным, имеющим характер социального автоматизма;
- 3) ценностно-рациональное – характеризующееся сознательным следованием принятой в обществе или социальной группе системе ценностей, независимо от реальных его последствий;
- 4) целерациональное – определяемое сознательной постановкой практически значимой цели и расчетливым подбором соответствующих и достаточных для ее достижения средств, критерием чего выступает достигнутый успех совершенного действия.

Если в традиционных (доиндустриальных) обществах господствовали первые три типа социального действия, то целерациональное действие является специфическим для западной цивилизации начиная с XVII-XVIII вв. Приобретая универсальный характер, целерациональное действие ведет к радикальной рационализации всей общественной жизни и «расколдовыванию мира», устранению ориентации на следование традиционным ценностям как предрассудкам. Формально-рациональное начало конституирует и определяет существование всех сфер общества и деятельности людей – хозяйственно-экономическую деятельность (строгая калькуляция как условие достижения результата), политико-правовые отношения (бюрократия как принцип отлаженного социального управления), образ мышления (жизненный успех как мировоззренческая ориентация).

Стремление преодолеть оппозицию методологического индивидуализма и универсализма характерно для интерпретации общества в концепции коммуникативного действия немецкого философа Ю. Хабермаса, на которого оказали заметное влияние концепции социального действия М. Вебера и Т. Парсонса. Ю. Хабермас выделяет 4 типа социального действия, рассматривая, подобно М. Веберу, общество как результат их рационализации и объективации. Однако, в отличие от М. Вебера, Ю. Хабермас характеризует современное западное общество – общество модерна – как диалектически противоречивое целое, в котором его компонентам соответствуют разные типы социального действия и их рационализация.

В частности, общество модерна состоит из системы и «жизненного мира», которые, в свою очередь, тоже гетерогенны: система включает в себя подсистемы хозяйственной и государственно-управленческой деятельности, между которыми существует постоянная борьба за влияние; «жизненный мир», который можно уподобить гражданскому обществу, также пронизан борьбой

между индивидуальной и коллективной формами общежития (стремящимися ангажировать индивидов политическими ассоциациями, негосударственными СМИ, религиозными объединениями и др.). Постоянное социальное напряжение сопутствует и отношениям между системой и «жизненным миром»: система путем монетаризации и бюрократизации пытается влиять на гражданское общество, которое, естественно, не остается в этом случае пассивным, предпринимая ответные действия. Следовательно, современное либерально-демократическое общество Запада, а именно его имеет в виду Ю. Хабермас, внутренне противоречиво, сохраняя свою целостность за счет существования гибкой системы «сдержек и противовесов».

Ю. Хабермас подчеркивает важную роль как системы, обеспечивающей устойчивость и стабильное развитие общества, так и «жизненного мира», инициирующего его модернизацию. Однако эта разновекторность тенденций развития общества опирается на различные типы социального действия. Если система востребует телеологическое действие (аналог целерационального действия в терминологии М. Вебера), то весьма неоднородный и склонный к социальным инновациям «жизненный мир» предлагает опору на коммуникативное действие, нацеленное на достижение взаимопонимания и согласия относительно ситуации действия.

В итоге в теоретической модели Ю. Хабермаса общество эпохи модерна предстает как самоорганизующееся гетерогенное целое, в котором составляющие его части – система и «жизненный мир» -- оказываются необходимыми компонентами, обеспечивающими устойчивое развитие социума. В этой модели представлен один из возможных механизмов разрешения естественных для современного демократического общества противоречий, а сама модель демонстрирует принципиальную дополнительную роль государства, составляющего «ядро системы» и гражданского общества.

Рассмотренные теоретические модели общества соответствуют разным стратегиям исследования социальной реальности, обладают различным уровнем концептуализации и в качестве системообразующих элементов берут различные, представляющимися их авторам значимыми, основания. В результате мы получаем плюралистическую картину общества, в которой каждая из теоретических моделей являет взгляд на общество с определенных концептуальных позиций, но в итоге это позволяет глубже и всесторонне постигать его сущность, которая проявляется в многообразии аспектов его существования.

Основные теоретические модели общества призваны способствовать ответу на вопрос: «Что есть общество по своей сущности?» Такая постановка вопроса предполагает обращение к анализу субстанциальных оснований социального бытия, к тому, что Э. Дюркгейм называл «социальной анатомией», а О. Конт – «социальной статикой». Действительно, когда предпринимается попытка осуществить системный анализ сложного объекта (а именно таким является общество), исследователь вынужден абстрагироваться от его рассмотрения в

развитии. Это вынужденная мера. Однако решив поставленную задачу, он рано или поздно должен обратиться к следующему вопросу: «Как развивается общество и что собой представляет развитие общества как системы?» Ответ на этот фундаментальный вопрос составляет прерогативу философии истории

Основные понятия и этапы развития философии истории. Философия истории представляет собой самостоятельный раздел философского знания, в котором изучается природа исторического процесса, фундаментальные принципы и начала исторического бытия, механизмы и закономерности исторического развития социума, а также осуществляется рефлексия над самим историческим познанием.

Процесс становления и развития философско-исторического знания подразделяется на следующие этапы:

- «предфилософия истории» включает в себя античные и средневековые воззрения на историю. В этот период были разработаны идеи «колеса истории», истории как «вечного возвращения», «статичной истории» и, наконец, идея «стрелы истории» (истории как осмысленной связи прошлого, настоящего и будущего), заложившая основания классической философии истории;

- классическая философия истории оформляется в XVIII веке; в данный период происходит становление философии истории как самостоятельного раздела гуманитарного знания, формируется категориальный аппарат, и определяются проблемные поля философско-исторического знания, развитие которого происходит в двух основных направлениях – философии истории Просвещения и «критической философии истории»;

- возникновение следующего этапа – неклассической философии истории – приходится на вторую половину XIX в. и связано с ситуацией «антропологического поворота» в философии; вначале специальным предметом исследования становится специфика исторического познания, но после серьезных потрясений общественного сознания, вызванных мировыми войнами, установлением тоталитарных политических режимов, «омассовлением» человека, снова актуальными становятся проблемы исторического бытия общества.

Современная философия истории включает в себя две предметные области, подразделяясь на субстанциальную (онтологическую) и рефлексивную (эпистемологическую) философию истории.

Проблемное поле субстанциальной философии истории предполагает осмысление таких вопросов, как становление общества и специфика законов его развития; источник и факторы исторического процесса; направленность и периодизация исторической динамики; субъект и движущие силы общественного развития; единство и многообразие исторического процесса; смысл истории и другие.

Проблемное поле рефлексивной философии истории, в свою очередь, включает следующие проблемы: природа и специфика исторического познания; объективность исторического знания; статус понимания и объяснения в историческом исследовании; особенности исторического описания;

соотношение рационального и иррационального в историческом познании; социально-культурная детерминация исследовательской деятельности историка; специфика методологических программ исторического познания и др.

Проблема источника социальной динамики и варианты ее философской интерпретации. Содержательная характеристика социальной динамики предполагает выявление ее источников, субъектов движущих сил, факторов, экспликацию основных механизмов трансформации социума и направленности исторического процесса.

Почему возможна историческая динамика общества, что в обществе является объективным и имманентным ему двигателем, порождающим исторические события и определяющим качественную смену его состояний? В поисках ответов на эти вопросы заключается смысл проблемы источника исторического развития общества. Философия истории выдвигает три основных решения данной проблемы, представленные в теоретических концепциях социодинамики.

Первое из них абсолютизирует роль социальных противоречий, придавая им глобальный и решающий характер в развитии общества – «единство противоположностей (понимаемое как равновесие, гармония субъектов исторического процесса) – относительно, борьба – абсолютна». Этот подход основывается на признании ведущей роли в обществе антагонистических отношений между субъектами истории, коренные интересы и цели которых в принципе несовместимы и потому развитие социальных противоречий может идти только «по возрастающей» и разрешаться в острой, конфликтной форме (ортодоксальный марксизм, троцкизм, маоизм, религиозный фундаментализм).

Второе решение данной проблемы является, по сути, антитезой первому и связывает источник развития общества, используя ранее приведенную формулу, не с борьбой противоположностей, а с их консолидацией и гармонизацией – «единство противоположностей абсолютно, а борьба относительна». Такой подход типичен для ряда социально-философских, социологических и политологических концепций, объединенных парадигмой «солидаризма». Для них характерна исходная установка на достижение консенсуса всех участников социального взаимодействия на основе общего ориентира (прежде всего, стабильного развития и материального благополучия общества), что и составляет источник общественного развития.

Третье решение поставленной проблемы основано на стремлении избежать крайностей в интерпретации статуса социальных противоречий и порождаемых ими конфликтов в обществе, присущих первым двум вариантам – тотальности конфликта и полной бесконфликтности как естественных состояний динамики социума (концепции социального конфликта Р. Парка, Л. Козера, Р. Дарендорфа). Признается неизбежность конфликтов в обществе, но задача социального управления состоит в том, чтобы регулировать процесс их развития, не дав возможному конфликту по частным, второстепенным вопросам превратиться в глобальный конфликт, угрожающий стабильности общества в целом.

Рассмотрение данной проблемы и различных ее решений позволяет уточнить некоторые аспекты еще одной проблемы общественно-исторической динамики, имеющей социально-философский смысл – соотношения эволюции и революции в развитии общества. В литературе довольно часто их противопоставляют, связывая эволюцию с постепенными, в своей основе количественными изменениями, которые не ведут к качественному изменению всей системы, а революцию – с глубинными и коренными изменениями качества системы в целом. Эта контраверза применительно к социально-историческому развитию выразилась в противопоставлении как взаимоисключающих двух путей изменения общества – эволюционного (оцениваемого его противниками как «плоский», реформаторский эволюционизм, чуждый социальному прогрессу) и революционного, рассматриваемого его оппонентами, соответственно, как социальный радикализм, основанный на насилии и дестабилизации общества.

В реальном историческом процессе эволюционные и революционные (глубинные и масштабные) изменения взаимосвязаны, дополняя друг друга. В конечном счете, приоритет в обществе отдается установке на подчинение групповых интересов интересам всего социума, пониманию того, что социальные потрясения дестабилизируют его, а конструктивные реформы позволяют решить назревшие проблемы, являются нормой для современного демократического государства и гражданского общества.

Понятие цивилизации в социально-философской традиции. История как цивилизационный процесс. Существует несколько основных теоретико-методологических подходов к рассмотрению общества в его историческом развитии: историографический, культурологический, формационный, цивилизационный. Хотя последний подход получил широкое распространение в современном обществознании, единого мнения о его сущности и методологических приоритетах не существует. Такая ситуация неоднозначности обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, полисемантичностью самого термина «цивилизация». Под ней понимаются культура, только материальная культура, материальное воплощение культуротворчества человечества, современное общество в целом, следующий за первобытным варварством этап развития человечества, характеризующаяся упадком культуры и сменяющая ее стадия развития общества и др. Во-вторых, неоднородностью оснований типологизации цивилизаций. Чаще всего сторонники цивилизационного подхода, противопоставляя его формационному подходу, закрепляют за ним способность характеризовать длительные этапы исторического развития общества, взятого во всей совокупности материальных и духовных форм его существования. Однако в реальном исследовании подобная теоретико-методологическая всеядность не оправдывается и за основу анализа берется ограниченный набор параметров, чаще всего характер хозяйственной деятельности, властных отношений, техники и технологий, нормативного регулирования отношений, социализации, влияния религии и другие. Этот объяснимый редукционизм лишает цивилизационный подход должной

строгости и обоснованности как нормативов научного исследования общества. В-третьих, существованием трех заметно различающихся версий цивилизационного подхода, каждая из которых имеет свой оригинальный предмет рассмотрения социодинамики и опирается на собственное решение фундаментальных проблем философии истории. Речь идет о цивилизационно-стадиальной, цивилизационно-локальной и цивилизационно-региональной версиях данного подхода. Охарактеризуем их применительно к современному состоянию проблемного поля цивилиографии, как иногда называют комплекс междисциплинарных исследований, в центре которого стоят философско-методологические проблемы развития общества как цивилизационного процесса.

Зачатки цивилизационно-стадиального подхода появились в XVIII в., когда собственно было введено в научную лексику понятие цивилизации, первоначально характеризовавшее закономерности развития и особенности социокультурного бытия Западной Европы. Показательно, что подавляющее большинство сторонников данного подхода, настаивая на единстве мировой истории, приняли цивилизационную западноевропейскую модель в качестве образца для других цивилизаций, поделив народы на исторические и неисторические. Возникнув в эпоху Просвещения, парадигма европоцентризма в XX – начале XXI вв., хотя, изменив и смягчив свою форму, стала основой не только теоретического мышления, но и социально-практической стратегии Запада.

Согласно связанному с ней цивилизационно-стадиальному подходу, для единого мирового исторического процесса характерна поступательность и стадиальность развития.

В рамках данной версии цивилизационного подхода широкое распространение получила типология, согласно которой выделяются доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды развития человечества.

Доиндустриальное (аграрное, традиционное) общество характеризуется ведущей ролью аграрного сектора экономики, приоритетом натурального хозяйства, прямым насилием как опорой власти, сословной иерархией, главенствующей ролью моральных норм в качестве основного регулятора межличностных и общественных отношений, верховенством семьи в социализации человека. В этом обществе технический прогресс носит эпизодический характер и существенно не влияет на темпы социодинамики.

Начавшаяся в XV-XVI вв. радикальная трансформация европейского общества, на которую решающее влияние оказала промышленная революция конца XVIII – XIX вв., способствовала возникновению индустриального (промышленного, техногенного) общества. Оно характеризуется ведущей ролью промышленного сектора экономики, прежде всего, индустрии, превращением капитала в рычаг власти, формированием наций и национальных государств, возникновением демократических институтов и превращением права в основной регулятор отношений в обществе, его урбанизацией и снижением роли семьи в

процессе социализации подрастающих поколений. Научно-технический прогресс становится системообразующим фактором развития общества и индикатором социального прогресса в целом.

Дальнейшее развитие западного общества позволило сформулировать в 50-60х гг. XX в. концепцию индустриальной цивилизации, первоначально возникшую в двух вариантах:

- концепции Р. Арона, трактовавшего индустриальную цивилизацию как общество такого типа, в котором ведущая роль принадлежит развитию техники и технологий, а рационально организованная деятельность человека по активному воздействию на природную и социальную реальность определяет рост как экономики, так и политики, культуры, цивилизации в целом. Главное, по мнению Арона, не количественный рост («бег на скорость»), а сбалансированное развитие общества, создание национальной системы экономики со свободной торговлей и общим рынком.

- концепция У. Ростоу, выделившего пять последовательно сменяющих друг друга типов общества: традиционное (аграрное, иерархичное, в котором власть принадлежит землевладельцам), переходное (происходит интенсификация сельского хозяйства и разделение государств по национальному признаку), общество «стадии сдвига» (эпоха промышленной революции), общество «стадии зрелости» (бурное развитие экономики на основе вложений капитала, НТП, всплеск урбанизации), «эра высокого массового потребления» (начинает доминировать сфера услуг, разворачивается широкое производство товаров массового потребления и т.д.)

Таким образом, основным критерием социально-экономического развития в концепции индустриального общества выступает динамика техники и технологии. Кроме того, развитое индустриальное общество характеризуется способностью использовать машинные технологии для оптимизации его развития и снятия напряженности между трудом и капиталом (Д. Белл), размыванием границ между буржуазией и рабочим классом и возможностью управления социальными конфликтами (Р. Дарендорф), возникновением техноструктуры и возрастанием функциональной значимости социальной организации технических, инженерных и управленческих специалистов (Дж. Гэлбрэйт).

Концепции индустриального и, возникшего на ее основе, единого индустриального общества пронизаны ощущением близкого завершения очередной стадии цивилизационного развития и предчувствия наступления нового ее этапа. Индустриальная цивилизация во многом исчерпала себя, выявив противоречивость научно-технического прогресса и утерю контроля над ним со стороны общества, свидетельством чего явилось осознание глобальных проблем современности, несоразмерности научно-технического и социального прогресса, кризиса самой стратегии индустриального развития человечества. В итоге в конце 60 – начале 70-х гг. XX в. появилась и завоевала популярность концепция с красноречивым названием «пределы роста» (Дж. Форрестер, Д. Медоуз), начала разрабатываться идея грядущего постиндустриального общества.

Концепция постиндустриального общества сформировалась в двух основных вариантах: радикальная и либеральная. Радикальный вариант возник в работах французских социологов Ж. Фурастье, А. Турена и Р. Арона, исходивших из потребностей преодоления недостатков индустриальной цивилизации и возврата к ряду ценностей традиционного общества – пригородному образу жизни, реабилитации религии, более соответствующему экологическим стандартам ручному или полуручному труду и, на этой основе, «нулевому росту» производства и прекращению интенсификации труда, созданию «экономики услуг». Показательно, что этот вариант концепции закрепляет за новой цивилизацией ведущую роль не экономических, а социально-культурных факторов социодинамики и стабильности мирового порядка на основе сближения уровней развития различных стран.

Либеральный вариант в основном был разработан американскими социологами и футурологами Г. Каном, Дж. Гэлбрейтом, Д. Беллом. Работа последнего «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.) стала классикой идеологии постиндустриализма, отличаясь как оригинальной методологией, так и теоретической фундированностью.

Выделяя в новом обществе три основные подсистемы – культуру, политику и социальную структуру и подразделяя последнюю на сферы экономики, технологии и профессиональной системы, Д. Белл выделяет пять основных признаков, характеризующих новационность постиндустриальной цивилизации. Эти признаки (и соответствующие им объективные процессы) взаимосвязаны, но не равноценны. Таким «осевым принципом», имеющим для концепции американского социолога фундаментальное значение, является доминирующая роль теоретического знания как источника инноваций и политических решений, осуществления социального контроля за развитием общества, его планирования и предвидения. В числе других признаков постиндустриального общества – создание экономики услуг (в торговой и транспортной инфраструктуре, здравоохранении, образовании, управлении и т.д.), создание новой «интеллектуальной» техники и технологий, преобладание в социальной структуре технических специалистов, возможность планирования и контроля за техническим развитием и в целом достижения новой ступени социального прогресса.

Сравнивая три исторических типа цивилизаций – доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный, Д. Белл делает обобщающее заключение о том, что их можно понимать как три самостоятельные формы сообществ: естественную (взаимодействие человека с естественной природой), технологическую (взаимодействие человека с преобразованной им же природой) и социальную (взаимодействие между людьми как основной тип взаимодействия).

Парадигме постиндустриализма близка концепция информационного общества (Е. Масуда, О. Тоффлер). Д. Белл, в частности, считал, что понятие информационного общества раскрывает новые черты развивающегося постиндустриального общества и является его дополнительной

характеристикой, фиксирующей доминирование сферы именно информационных услуг. Информационное общество связано с превращением информатики и кибернетики в основные средства социального управления и регуляции человеческой деятельности. Знание же как важнейшая форма интеллектуальной собственности превращается в главный ресурс общества. Инфосфера занимает ведущее место в обществе, определяя развитие экономики, политики, культуры, приносит радикальные изменения в социальную структуру.

О. Тоффлер – автор наиболее популярного варианта концепции информационного общества. Проследивая цивилизационные сдвиги в развитии общества, он вводит метафору трех волн, каждая из которых способствовала становлению особого типа цивилизации. В их характеристике используются четыре параметра, позволяющие сопоставить и оценить цивилизационные сдвиги: техника, власть, богатство и знание.

Первая волна – аграрная, началась примерно 10 тысяч лет назад и характеризовалась ведущей ролью ручного труда (отсюда низкие темпы роста общественного продукта), властью в форме насилия, производностью богатства от власти, зависимостью знания от традиции.

Вторая волна – индустриальная, приходится на XIX – первую половину XX вв. и характеризуется ведущей ролью капитала, способствующего высокому росту промышленного производства, научно-техническим прогрессом, ценностью знания как одного из определяющих социальных факторов, производностью власти от богатства.

Третья волна – постиндустриальная, ведущая к созданию информационного общества, начинается примерно в 1955 г. и характеризуется господством наукоемких и информационных технологий, а также превращением знания в источник богатства и власти.

Сам О. Тоффлер неоднозначно оценивает перспективы информационного общества, считая, с одной стороны, что возможно это будет первое в истории гуманное общество, в котором ценности будут создаваться вне сферы экономики, однако, с другой стороны, отмечает возможные негативные последствия в форме «нового тоталитаризма» и «информационного империализма».

Переход к постиндустриальной, информационной цивилизации – одна из ярко выраженных тенденций в развитии современного мира, тесно связана с другой отчетливо проявляющейся тенденцией – его глобализацией. Эту связь проясним в форме вопроса: если мир объединяется, то в каком направлении он будет развиваться и какова судьба локальных и региональных цивилизаций?

Тем самым, в рассмотрении тенденций современного исторического процесса стадияльная, локальная и региональная версии цивилизационного подхода оказываются не только востребованными, но и взаимодополнительными.

Глобализация – объективный процесс, который, по словам одного из влиятельных его аналитиков У.Бека, состоит в том, что «процессы, в которых

национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности». Тем самым, глобализация затрагивает все стороны жизни общества.

Хотя глобализация – объективный процесс, но как отмечалось ранее, в обществе объективное всегда опосредовано субъективным. Поэтому глобализация может получать разные импульсы и развиваться по различным сценариям, и ее важно отличать от глобализма как принимаемой идеологии осуществления глобализационного процесса. Не вдаваясь подробно в анализ сценариев глобализации, отметим, что пока этот процесс происходит по сценарию «вестоксикации» -- прививки ценностей западной цивилизации, а точнее ценностей атлантического Запада. Не случайно остро встала проблема сохранения культурно-цивилизационной идентичности в современном мире, культивирования традиций и ценностей локальных и региональных цивилизаций, отстаивание их самоценности в едином, но многообразном мире. Полилог цивилизаций как равноправных субъектов глобализации является необходимым условием стабильности глобализирующегося мира и гарантом преодоления опасности возможного в XXI веке «столкновения цивилизаций», прогнозируемого С. Хантингтоном. Американский социолог, говоря о неизбежности конфликтов в обществе, отмечает смену их исторических типов: от конфликта правителей, а затем национальных государств – к конфликту социальных систем с разными идеологиями в XX в., и от него – к конфликту цивилизаций, для которых особо значимой является религиозно-культурная самобытность, в XXI веке. Очевидно, что это конфликт между христианской цивилизацией Запада как лидером глобализационного процесса и другими локальными цивилизациями. Наиболее острыми и фактически не поддающимися примирению являются конфликты с китайско-конфуцианской и исламской цивилизациями. Учитывая мощь Запада, можно предсказать результаты этих конфликтов. Так современная локальная версия цивилизационного подхода смыкается со ставшим уже классическим цивилизационно-циклическим подходом, акцентировавшим внимание на конечности существования локальных цивилизаций.

Региональная версия цивилизационного подхода преимущественно акцентировала внимание на особенностях развития цивилизаций Запада и Востока и механизмах их взаимодействия.

Западная цивилизация обычно характеризуется целерациональным стилем мышления, ориентированным на конкретный результат деятельности и эффективность социальных технологий, на изменение мира и самого человека в соответствии с человеческими представлениями и проектами. Европейская цивилизация при соприкосновении с иными цивилизациями обнаруживает тенденцию к социокультурной экспансии, при этом часто проявляется нетерпимость к иным культурам как низшим и неразвитым. Научная мысль Запада всегда была обращена на познание и преобразование мира, что проявлялось в её повышенном внимании к естествознанию, к фундаментальным

исследованиям. Для Западной Европы свойственна установка на инновационный путь развития, для которого характерно сознательное вмешательство людей в общественные процессы, культивирование таких интенсивных факторов развития как наука и техника. В политической сфере для западной цивилизации характерны гарантии частной собственности и гражданских прав личности как стимула к инновациям и творческой активности, стремление к установлению гармонии общества и государства, к формированию институтов гражданского общества.

Восточная цивилизация чаще всего характеризуется как традиционалистская, при этом обращается внимание на социально-политические и духовные особенности данного региона. Среди последних отмечается господствующая авторитарно-административная система, характеризующаяся высокой степенью зависимости людей от властвующих структур и институтов. Данные обстоятельства определяют научные и духовные ориентации восточной цивилизации. Развитие научных знаний характеризовалось не столько ростом теоретических компонентов, сколько формированием практических, рецептурных приемов деятельности, неотъемлемых от индивидуального опыта исследователя.

Длительное время господствовали представления о несоизмеримости цивилизационных оснований Запада и Востока, нашедшие свое выражение в известных словах Р. Кипплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». Однако события XX – начала XXI вв. показали наличие точек взаимовлияния цивилизаций Запада и Востока, которым есть что заимствовать друг у друга. При этом важным посредником в этом процессе является восточнославянская цивилизация, для которой характерны многие ценности и приоритеты как цивилизации Запада, так и цивилизации Востока.

Восточнославянская цивилизация обладает качественной спецификой, определяемой геополитическим расположением, веками складывавшимся укладом жизни, общей историей, общностью социально-психологического склада, близкими культурными ценностями. Среди этих ценностей – экосоциальные, ценности коллективизма, государства, социальной справедливости, нестяжательства, веры, свободы и равенства и др. Многие из них в современном мире воспринимаются как анахронизм и свидетельство непрактичности, что не соответствует действительности. Эти ценности значимы для всего мирового сообщества, и, став связывающим звеном между Западом и Востоком, могут стать основой стабильности глобализирующегося мира. Но для этого сами восточнославянские народы должны осознать ценность восточнославянской цивилизации. Это один из главных факторов их консолидации.

Республика Беларусь – составная часть восточнославянской цивилизации, своеобразие которой обусловлено ее историческим наследием, национально-культурными традициями, геополитическим положением. Современная Беларусь в своем историческом самоопределении ориентирована на построение

социально стабильного и вместе с тем динамично развивающегося общества, органично сочетающего в себе традиционные, прошедшие испытание временем ориентации на связи с братскими восточнославянскими народами, и современные векторы социальной эволюции, позволяющие включиться в общеевропейский экономический, политический и культурный контекст в качестве равноправного партнера.

Приоритетными ценностями в этом процессе являются государственно-правовая стабильность, культурно-национальная идентичность, эффективная, социально ориентированная экономическая политика, свободный выбор пути развития, равноправное сотрудничество и взаимовыгодное партнерство.

1.1.6. Философия культуры

Формирование представлений о культуре первоначально было связано с осознанием различий между природным и человеческим мирами. В Древнем Риме этим термином обозначали «возделывание», «обработку» почвы, «разведение» сельскохозяйственных растений. Содержание понятия «культура» вбирало в себя все «искусственное», созданное трудом человека, и в этом смысле отличное от «естественного», природного. Оно означало процесс освоения, гуманизации, облагораживания человеком не только природы, но и всего того, что он находит естественно данным, стихийно возникшим в себе самом.

Эволюция данного термина в системе европейских языков сопровождалась постепенным перенесением представлений о культивировании, взращивании, обработке чего-либо с естественно-природных процессов, на развитие общества и человека, его знаний, способностей, умений. Начиная с Нового времени слово «культура» указывает на необходимость воспитания личности, формирования определенных навыков поведения в обществе, под ним также подразумевали совокупность условий жизни, соответствующую потребностям просвещенного человека. В этот же период понятие «культура» фактически сливается с понятием «цивилизация». Оно начинает выражать смысл исторического процесса, его прогрессивную направленность, совершенствование нравов, воцарение законности и порядка в обществе, а также духовное развитие человечества в целом, совокупность его интеллектуальных, художественных и научно-технических достижений.

В современную эпоху культура является объектом изучения не только философии, но и ряда частных социально-гуманитарных дисциплин. Среди них особое значение имеют культурология, социология, психология, этнология, социальная антропология, история, археология, лингвистика, семиотика, а также такие эмпирические области знания, как этнография, искусствоведение, литературоведение, сравнительное языкознание, религиоведение и др.

Исследователи отмечают наличие около 600 различных дефиниций культуры. Сложность ее рационально-теоретической интерпретации объясняется многозначностью данного термина, невозможностью вывести «замкнутое» определение культуры, которое претендовало бы на

исчерпывающую полноту и ясность. Так, в работе известных американских культурологов А. Крёбера и К. Клакхона «Культура. Критический обзор концепций и дефиниций» (1952), осуществлен анализ свыше 200 дефиниций культуры. В результате их сравнительного анализа Клайд Клакхон предложил выделить шесть основных типов определения данного понятия: описательные, исторические, нормативные, психологические, структурные, генетические. Последующие исследования показали, что этих определений может быть гораздо больше.

Учитывая многозначность понятия культуры, многие современные философы выделяют несколько его важнейших смысловых проекций. Под культурой обычно понимают:

- специфический способ организации деятельности, а также совокупность продуктов материального и духовного труда человека, результатов его социальной практики;

- определенные качества и способности личности, которые положительно оцениваются обществом и самим индивидом – качества ума, характера, воображения, памяти, полученные в процессе воспитания и образования;

- совокупность знаний, навыков и умений, обеспечивающих построение деятельности, а также общественные установления, нормы, ценности и идеалы, регулирующие весь спектр социальных отношений.

Многомерность феномена культуры объясняет ее открытость для различных исследовательских традиций. В каждой из них предпринимается попытка раскрыть сущностные особенности культуры, выявить ее основные характеристики, устойчивые связи и отношения с разнообразными аспектами человеческой жизни.

В качестве основных философско-методологических подходов к исследованию культуры можно выделить следующие: аксиологический, системно-деятельностный, структурно-семиотический, психоаналитический, экзистенциально-герменевтический, игровой.

Аксиологический подход довольно долго считался общепринятым и был особенно популярен в 60-х – 70-х гг. XX века. Начиная с середины 60-х гг. в российской философии представления о культуре связывали с процессом духовного творчества, воспитанием личности (Г. Г. Карпов, А. А. Зворыкин, Г. П. Францев, А. И. Арнольдов, Э. А. Баллер, Н. С. Злобин, В. М. Межуев и др.). В основу ее понимания была положена исторически активная творческая деятельность человека, а также развитие его самого в качестве субъекта этой деятельности.

В рамках аксиологического подхода культура определяется как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством (Г. П. Францев). Ценности полагаются важнейшим системообразующим фактором культуры, определяющим ее строение, целостность, базовые функции и свойства. В данном контексте содержание культуры представляет собой область значимых для человека фрагментов действительности, нашедших

отклик в его душе, вступивших в особые отношения с человеческими интересами, потребностями и предпочтениями.

Системно-деятельностная концепция формируется в 70-е гг. XX века. В контексте данного подхода культура определяется как специфический способ человеческой деятельности (М. С. Каган, Ю. А. Жданов, В. Е. Давидович, Э. С. Маркарян). Под ней также понимают систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях (В. С. Степин).

Данный подход позволяет рассматривать культуру в предельно широком смысле – как всеобщий (атрибутивный) признак любого общества безотносительно к уровню его развития. Ключевым понятием системно-деятельностной концепции культуры является понятие «способа деятельности», которое предполагает ответы на вопросы «каким образом» и благодаря «какой системе средств» она осуществляется. При этом подразумевается все многообразие человеческих умений и знаний, а также обьективированных, опредмеченных результатов деятельности людей. Системно-деятельностная концепция культуры акцентирует внимание на технологическом аспекте общественной жизни, раскрывает значение технологии в процессе активного и целенаправленного изменения человеком условий своего существования.

Структурно-семиотический подход формируется в русле структуралистской методологии исследования разнообразных феноменов культуры – языка, литературы, мифов, религии, науки, власти, сексуальности и т. д. Основные положения семиотической концепции культуры складываются в трудах таких известных лингвистов, языковедов, литературоведов как Ф. де Соссюр, Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, В. Я. Пропп, Р. Барт, получают обоснование и развитие благодаря исследованиям основоположника структурной антропологии и этнологии К. Леви-Стросса, развиваются в творчестве таких выдающихся философов, социологов, теоретиков культуры как У. Эко, М. П. Фуко, Л. Гольдман, А. Моль, Ж. Деррида и др.

В российской философии наиболее известным вариантом семиотического подхода к исследованию культуры является концепция «семиосферы» Ю. М. Лотмана, а также знаково-символическая концепция культуры, разрабатываемая Б. Успенским, Вяч. Вс. Ивановым и другими представителями московско-тартусской семиотической школы.

С точки зрения семиотического подхода культура – это универсальная знаковая система, основная функция которой заключается в накоплении, хранении, преобразовании и передаче социально-исторического опыта человечества. Специфика культуры раскрывается посредством таких понятий, как «информация», «коммуникация», «знание», «смысл», «значение», «текст», «знак», «символ», «структура», «код» и др.

В контексте структурно-семиотического подхода все феномены культуры рассматриваются как факты коммуникации, а она сама является знаковым

универсумом, позволяющим снизить энтропию необозримых потоков информации.

Семиотический подход в качестве основания и системообразующего механизма культуры рассматривает язык (как естественный, так и искусственный). Исследование связи языка и культуры позволило представителям семиотической концепции раскрыть определенные корреляции в их строении и динамике.

Психоаналитическая концепция культуры складывается на основе философской интерпретации идей З. Фрейда, который понимал культуру как сферу символизации энергии либидо, механизм социального контроля и сублимации бессознательных психических процессов. В работах К. Юнга, Э. Фромма, Г. Маркузе, Т. Адорно, Р. Райха, Г. Рохейма, К. Хорни, Х. Салливана и др. культура предстает как внутренне противоречивый феномен, сфера символической объективации внутреннего извечного конфликта Эроса и Танатоса, инстинктов жизни и смерти. С одной стороны, акцентируется репрессивность культуры как отчужденной от человека системы принудительной индивидуации, целью которой является защита общества от природно-биологического начала в человеке посредством установления нормативных запретов (табу) и символических проекций (идеалов), ритуально снимающих страх и чувство вины, возникающих в его сознании под влиянием этих запретов. С другой стороны, отмечается продуктивная сторона культуры, которая является программой вочеловечивания индивида, трансформирующей его инстинктивные влечения и агрессивность в разнообразные формы социокультурного бытия. Культура предоставляет человеку возможности преодоления изначальной антиномии его духовной свободы и биологической не-свободы на пути творчества и культурной самоидентификации, сдерживая проявления агрессии и разрушительного насилия. Специфичность культуры при этом выводится не только из природы человека, структуры его экзистенциальных потребностей, но и из особенностей социально-исторической ситуации.

Экзистенциально-герменевтическое понимание культуры (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х.-Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр, П. Рикёр и др.) центрировано вокруг проблемы бытия, и обретает смысл в контексте поиска онтологических истоков жизни и свободы человека, раскрытия специфики его «экзистенции».

Рассматривая культуру как уникальный способ человеческого существования, представители философии экзистенциализма признают в качестве ее важнейших характеристик: историчность, целостность, неповторимость, духовность, трансцендентность, укорененность в языке, межличностном общении, экзистенциальной коммуникации, неразрывную связь с человеческой свободой и творчеством.

Культура предстает особым, духовным измерением бытия, которое порождается стремлением человека к безграничной коммуникации, свободному осуществлению его личности на основе экзистенции. Культура возникает по мере наполнения природного существования человека духовным.

Основное предназначение и смысл культуры заключается в пробуждении человеческого духа, в указании на возможность и необходимость трансцендирования за пределы предметного мира, круга обыденных забот, естественных привязанностей в бытийную основу вещей. Духовное содержание культуры возникает и существует только в диалоге между личностями как бесконечное движение к трансцендентному, поэтому культура по своему изначальному смыслу диалогична. Сущность культуры представители данного подхода усматривают в экзистенциальной коммуникации, благодаря которой культура является условием и возможностью подлинного существования человека.

Игровая концепция культуры складывается в межпарадигмальном пространстве современной философии (Й. Хейзинга, Х.-Г. Гадамер, Г. Маркузе, Р. Барт и др.). В рамках игрового подхода под культурой понимается направленность общества и индивида на утверждение и реализацию социально значимых идеалов (Й. Хейзинга). При этом в качестве ее важнейших характеристик отмечаются:

1) равновесие материальных и духовных ценностей, а также гармония между различными группами духовных ценностей: интеллектуальными, моральными, эстетическими.

2) направленность культуры на благо, на реализацию позитивных религиозных, моральных, социальных ценностей.

3) особый, человеческий образ жизни, регулируемый нравственными ценностями, идеями долга и служения, который предполагает вытеснение грубых эгоистических стремлений, покорение и обуздание животных инстинктов.

Конститутивную роль в понимании культуры выполняет понятие игры, которая рассматривается как ее основание и механизм развития. Согласно данному подходу, все формы и феномены культуры, все движущие силы культурной жизни – язык, миф, религия, мораль, право, культ, порядок, общение, предпринимательство, ремесло, искусство, поэзия, философия, наука – обнаруживают свои корни в игре. Игра по отношению к культуре есть не просто ее представление и символическое воплощение, но мистическое претворение, благодаря которому в культуре каждый раз заново восстанавливаются утраченные гармония, благоденствие, порядок и безопасность. Благодаря своему игровому началу культура становится формой гуманизации и социализации природы, она обнаруживает ее скрытую гармонию, конструирует особый, эстетизированный универсум человеческой жизни.

В современной философии перечисленные выше подходы все чаще рассматриваются как взаимно дополняющие и обогащающие друг друга, в результате чего возникают синтетические концепции культуры.

В структуре культуры принято выделять две основные сферы ее существования – материальную и духовную. Согласно такой классификации, материальная культура включает в себя все созданные человеком материальные объекты – орудия и средства производства, продукты трудовой, предметно-

практической деятельности, предназначенные для удовлетворения физических потребностей и необходимые для воспроизводства и развития социума. Духовная культура представляет собой систему духовных ценностей, являющихся продуктом интеллектуального и художественного творчества. Она трактуется как совокупность знаний, навыков, умений, а также ценностей и норм, регулирующих различные виды человеческих отношений.

Если материальная культура возникает и развивается вследствие преобразования человеком своей биофизической среды, как внешней, так и внутренней, то духовная культура сопряжена с развитием человеческого сознания, она направлена на формирование и совершенствование личности, раскрытие сущностных сил человека, обеспечивая регуляцию его поведения и деятельности. Разумеется, границы между материальной и духовной культурой весьма условны и подвижны, и их выделение в относительно самостоятельные сферы можно произвести лишь в абстракции, отвлекаясь от реальной сложности и многоплановости культурных явлений.

В структуре культуры выделяют такие различные формы, как элитарная, народная, массовая культура, а также две ее разновидности – субкультуру и контркультуру.

Элитарная культура формируется благодаря появлению письменности и развитию «книжной» формы передачи культурного наследия. Она предполагает стройную иерархию ценностей и норм, наличие кодифицированных культурных текстов (философских, религиозных, научных, художественных), а также детально разработанных и жестко регламентированных культурных практик, различного рода церемоний, обрядов, ритуалов, норм светского этикета, владение которыми становится основанием социальной стратификации и культурной идентификации различных социальных групп (аристократических, военных, религиозных, художественных, научных элит). Такая культура канонична, для нее характерен особый язык, часто непонятный для «непосвященных», а также набор специфических социокультурных кодов, являющихся атрибутами элитарной социализации индивидов.

Народная (или «популярная») культура, напротив, демократична, она вырастает на основе этнической культуры, фольклора, традиционных мифологических верований, языческих культов, крестьянского быта. Передается из поколения в поколение в форме преданий, легенд, устного народного творчества, благодаря непосредственному общению поколений в семье, в контексте повседневной бытовой и трудовой жизни народа. Взаимодействие элитарной и народной культур рассматривается как непеременимое условие исторической целостности и продуктивного развития любой национальной культуры.

Специфическим феноменом культурной жизни современных обществ является массовая культура. Она представляет собой тиражируемую и распространяемую СМИ и другими институтами «культурной индустрии» социальную информацию, обращенную к многомиллионным аудиториям

разнообразных потребителей усредненной и стандартизированной культурной продукции.

Массовая культура – противоречивое явление XX века, порожденное индустриализацией, урбанизацией и быстрым прогрессом информационных технологий. Она обладает диффузным характером, быстро распространяется и разрушает локальные общности посредством размывания традиционной системы этнической и культурной идентификации.

В качестве важнейших особенностей массовой культуры называют мозаичность, фрагментарность, поверхностность, стереотипность. Среди ее негативных черт отмечают индивидуализм, нравственный релятивизм и конформизм, агрессивность, ориентация на коммерческий успех, культивирование ложных форм престижеобретения, подменяющих потребность личности в творчестве и саморазвитии потребностью в развлечениях и материальном комфорте. Следствием ее распространения, как правило, является размывание традиционных ценностей, «усреднение» и унификация культурного пространства, стереотипизация мышления масс, позволяющая легко манипулировать их сознанием и поведением, воздействуя на примитивные формы чувственности, подсознательные структуры менталитета и архетипы коллективного бессознательного.

Под субкультурой понимают культуру специфической социальной группы, система ценностей и образ жизни которой существенно отличается от общепринятых стандартов и норм. Субкультуры, как правило, имеют локальный, замкнутый характер и отличаются специфическим языком, особыми нормами поведения, односторонним развитием тех или иных культурных практик, представлений и ценностей. Они формируются вследствие неполноценного, затрудненного доступа определенных социальных субъектов (преступных и мафиозных групп, национальных и сексуальных меньшинств, эзотерических религиозных сект, коммун, исповедующих утопические социальные идеалы) к культурному наследию человечества, а также из-за наличия определенных препятствий для их свободного творческого развития и самовыражения.

Субкультуры являются следствием дифференциации культурного пространства, которая обусловлена урбанизацией, профессиональной специализацией различных видов деятельности, усилением социальной мобильности, что приводит к формированию гибридных культурных форм, оторванных от традиций и обладающих рядом особенностей, отделяющих субкультуру как от национальной, так и от общечеловеческой культуры.

Контркультура представляет собой такую субкультуру, которая не просто отличается, но противостоит, находится в открытом конфликте с доминирующей культурой, характерными для нее системой ценностей, образом жизни, нормами и правилами поведения. Контркультура отличается подчеркнутым нон-конформизмом, неприятием и разрушением культурных стереотипов и норм, идеологическим и политическим экстремизмом, раскрепощением чувственности и подчеркнутым либертинизмом.

Структурное разнообразие культуры позволяет выделять в ней другие формы и разновидности: мировую и национальные культуры, общечеловеческую и классовую, религиозную и светскую, глобальную и локальную, восточную и западную и т. д.

В качестве важнейших социальных функций культуры выделяют: негэнтропийно-адаптивную; нормативно-регулятивную; социально-интегративную и информационно-коммуникативную функции.

Культура упорядочивает и организует отношения общества с природной средой и его социальным окружением (другими обществами в их социально-исторической конкретности). Она объединяет людей, устанавливая прочные социальные связи, выступает мощным механизмом этнической, религиозной, политической и т.п. самоидентификации. Культура формирует личность как органичную часть социального целого, устанавливает правила и нормы поведения в обществе, регулирует весь спектр общественных отношений, обеспечивает межличностную и социальную коммуникацию. Культура может неограниченно аккумулировать, хранить и преобразовывать информацию. Она является механизмом ее селекции и упорядочения, благодаря чему обеспечивает накопление, развитие и передачу совокупного социально-исторического опыта человечества от одного поколения людей к другому.

Традиции и новации в исторической динамике культуры обеспечивают ее преемственное развитие, сохранность и пластичность культурных форм. В современной философии под **культурной традицией** понимают выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансляции аккумулируется и воспроизводится в различных коллективах. Она представляет собой иерархически упорядоченную совокупность семантических констант, социокультурных кодов, организующих информацию в культуре и обеспечивающих фрагментацию и интеграцию смысла.

В содержательной проекции традиция – это совокупность социально признанных стандартов поведения и деятельности людей, являющихся исторически устойчивыми элементами культурного наследия. С функциональной точки зрения традиция определяется как формальный алгоритм связи между исторически различными срезами культуры, обуславливающий неизменность воспроизведения доминирующей системы ценностей в новых культурно-исторических условиях жизни общества. Она является особым типом отношений между последовательными стадиями развивающейся социальной системы, при котором на новом уровне бытия этой системы стереотипно и инвариантно воспроизводятся структурные и функциональные характеристики ее предшествующего уровня. Традиция обеспечивает единство социально-исторического опыта народа, связывая в нерасторжимое целое его прошлое, настоящее и будущее.

Поскольку традиция воспроизводит предшествующие характеристики общества в новых исторических условиях, она должна допускать возможность модификаций содержания культуры, чтобы обеспечить адаптацию последнего к

требованиям времени. Инвариантность, стабильность, устойчивость культурной динамики – только одна сторона исторического развития культуры.

Другой стороной диалектически единого процесса культурной динамики является новация. Культура не может существовать без постоянного обновления своей формы и содержания. Новации обеспечивают динамизм культурной жизни, пластичность культурных форм, возникновение качественно новых элементов культуры.

Историческая динамика культуры рассматривается как постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образование новых, процесс, который выступает в качестве стержня социальной самоорганизации. При этом традиции и новации оказываются взаимно обусловленными частями единого процесса культурной жизни.

Культура и духовная жизнь общества. Наряду с понятием культуры, наиболее сложным и неопределенным концептом философии является понятие духовного. Дух – термин, означающий нематериальное начало. Интеллектуальная трактовка духовного в европейской философии отождествляла его с разумом, мышлением, знанием, а также с идеальной субстанцией, источником и основанием, законом и рационально организованной структурой мироздания.

Аксиологический ракурс постижения духовного изначально был сопряжен с религиозной трактовкой духа как надприродной божественной сущности, противостоящей всему тварному, материальному, телесному, что наделяло понятие духовного абсолютно положительными квалификациями. Оно неизменно ассоциировалось с религиозными ценностями, моральными императивами, творческими достижениями литературы и искусства, возвышающими человека над будничностью повседневного существования, тяготами материальной жизни. Ценностная оппозиция духовного и материального в философии культуры наиболее рельефно проявилась в противопоставлении культуры и цивилизации (О. Шпенглер, Н. Бердяев).

В современной философии **духовность** понимается как особая способность человеческой души воспринимать, усваивать и отстаивать общечеловеческие ценности. Духовность связана с потребностью человека в глубоких эмоциональных привязанностях, в общении с другими людьми и Богом, с потребностью в творчестве, способностью к самопожертвованию ради спасения жизни других людей и утверждения высших моральных или религиозных идеалов.

В марксистской философии появился термин «духовное производство», под которым понимают сложившуюся в определенном обществе систему производства, воспроизводства и распространения знаний, духовно-нравственных и художественных ценностей, а также процесс формирования общественного сознания, воспитания и образования личности. Результатом духовного производства выступают различные формы общественного сознания – наука, философия, религия, мораль, искусство, а также право и политика.

Таким образом, даже краткий экскурс в проблематику философии культуры показывает, что культура является особым измерением человеческого бытия, безграничным универсумом смысла, сферой объективации человеческого духа, а также органичным единством материального и идеального. Она предстает в качестве сложной совокупности разнообразных способов поведения и деятельности людей, является предпосылкой и необходимым условием нашей свободы, труда и творчества.

Современная философия и науки о культуре последовательно раскрывают в ней предметно-содержательную и структурно-функциональную проекции; исследуют ее с точки зрения генезиса и исторической динамики; экзистенциальной глубины и объективированных институциональных форм, внутренней спонтанности и социальной обусловленности; выявляют универсальные сущностные характеристики культуры и описывают специфику различных, несводимых друг к другу локальных культур и культурно-исторических типов. Все эти задачи решаются в плюралистическом пространстве современного знания, средствами различных, конкурирующих и дополняющих друг друга, философских традиций и парадигм.

1.2. Философско-методологический анализ науки

1.2.1 Наука как важнейшая форма познания в современном мире

Понятие науки. Проблема определения науки является одной из сложнейших в современных исследованиях по теории познания и философии науки. Существует множество дефиниций науки и научного познания, в каждой из которых в качестве определяющего признака или сущностной характеристики науки вычленяются: набор специфических познавательных процедур (эксперимент, описание, классификация, объяснение и др.); объектно-предметный характер знаний, получаемых в результате научного исследования; уровень системной организации и обоснованности научных знаний и др. Такой плюрализм подходов и методологических ориентаций при определении науки понятен и объясним, поскольку в современных условиях она обнаруживает свою очевидную полифункциональность и может интерпретироваться как специфический метод познания, социальный институт, форма накопления знаний и познавательных традиций, фактор развития производства и современных технологий деятельности и др.

Однако как только перед нами встает задача определить науку как уникальный феномен современной культуры, в ее целостности и существенных отличиях от таких форм духовно-познавательной деятельности, как мифология, религия, философия, обыденное познание и др., мы сталкиваемся с рядом серьезных логических, концептуальных и предметно-содержательных проблем. Укажем на некоторые из них.

1. Проблема логического круга в определении науки, связанная с необходимостью корректного ответа на вопрос о том, где, когда и в каких социокультурных условиях впервые возникает наука и осуществляется переход от протонауки к собственно научным формам познания мира.

2. Проблема структурно-функциональной дифференциации современной науки и вычленения таких ее базовых параметров, как познавательная деятельность в соответствии с определенными логико-методологическими нормами и императивами; научное знание, обладающее соответствующими когнитивными и логическими характеристиками; социальный институт как форма организации и регулирования научных исследований, а также системы коммуникаций в науке.

3. Проблема предметно-дисциплинарной дифференциации науки и определения специфических особенностей логико-математического, естественнонаучного, технического и социально-гуманитарного знания. Одним из важнейших измерений этой проблемы в современных условиях является обоснование особого статуса междисциплинарных исследований и выявление специфических особенностей таких интегративных направлений в науке, которые синтезируют в себе различные научные дисциплины и характерные для них методы и средства познания.

Четкая экспликация специфических черт науки и обоснование ее категориального определения предполагают содержательный анализ и корректную интерпретацию указанных выше проблем. Не случайно, поэтому один из основоположников современного науковедения Дж. Бернал отмечал, что дать определение науки, по существу, невозможно. Можно лишь только наметить пути, следуя по которым мы можем приблизиться к пониманию того, чем является наука.

Прежде всего наука должна стать предметом структурного анализа, в процессе которого вычленяются основные её компоненты, раскрываются содержательные и функциональные характеристики каждого из них, что позволяет существенно углубить обыденное представление о науке и различные сугубо дескриптивные модели её описания.

К основным структурным компонентам науки как системной целостности или важнейшим параметрам бытия науки относятся:

- 1) наука как деятельность;
- 2) наука как знание;
- 3) наука как социальный институт.

1. Наука как деятельность представляет собой творческий процесс субъект-объектного взаимодействия, направленный на производство и воспроизводство новых объективно-истинных знаний о действительности.

Специальный анализ научной деятельности позволяет зафиксировать ряд характерных признаков науки, отличающих её от других типов духовно-познавательной деятельности и, в частности, различных форм обыденного или неспециализированного познания, которые весьма активно используются в повседневной жизни человека и конституируют так называемую «логику»

здорового смысла. В структуре любой, в том числе и научной, деятельности можно вычленить такие её компоненты, как субъект, объект (или предмет), средства и методы, цели и программы, результаты или продукты. Характерно, что по всем этим параметрам научная деятельность существенно отличается от других типов познавательной активности и форм генерации знаний. Так, например, в актах обыденного или неспециализированного познания субъект, как правило, формируется в процессе естественной социализации и усвоения традиционных навыков познавательной и практической деятельности. В науке же складывается особая система профессиональной социализации, которая предполагает освоение субъектом огромного информационного массива знаний, навыков, форм и методов коммуникации.

Столь же значительны различия между научной и обыденной формами познавательной деятельности по их объекту или предмету. Обыденное познание осваивает только те объекты или предметные комплексы, которые непосредственно включены в структуру практической деятельности человека и составляют пространство его жизненного мира или повседневного опыта. Наука же конструирует особый мир идеализированных объектов, такую предметную реальность, которая не представлена в реальных формах практической деятельности человека или в его обыденно эмпирическом опыте. Предмет науки – это всегда результат творческого конструирования такого типа реальности, который может быть освоен лишь в будущих формах практики.

Поскольку научно-познавательная деятельность относится к числу наиболее сложных и развитых форм познания мира, постольку и по таким параметрам в структуре этой деятельности, как её средства, методы, цели и программы, она также существенно отличается от других видов познания. Современная наука использует множество разнообразных и тщательно адаптированных к исследуемым предметным комплексам средств познания природы, общества и духовно-психической реальности. Среди них выделяют **материальные средства**, составляющие экспериментально-измерительную или приборную базу современной науки. **Концептуально-логические средства** – в состав которых входят специализированные искусственные языки и категориальные системы, логико-методологические стандарты и эталоны организации знания, его обоснованности и объективной истинности. **Математические средства** – включающие в свой состав различные системы математических языков и формализмов, призванных обеспечить процедуры описания, объяснения и предсказания исследуемых явлений и процессов в соответствии с требованиями логической непротиворечивости, точности, содержательной определённости.

Одной из отличительных особенностей научно-познавательной деятельности является характерная для неё методологическая рефлексия, направленная на осмысление и постоянную оценку осуществляемых познавательных действий, а также разработку системы специальных методов и средств, призванных оптимизировать эти действия и способствовать достижению объективно-истинного знания об исследуемой реальности. В

отличие от науки в актах обыденного или неспециализированного познания методы и формы получения знаний не осознаются и не анализируются. Они как бы «расплавлены» в ткани реальных познавательных действий и усваиваются субъектом непосредственно в процессе воспитания, естественной социализации и приобщения к определённым обычаям и традициям.

Научная деятельность кардинально отличается от других видов и форм познания также и по её результату или конечному продукту. Любое познавательное действие в идеале должно быть направлено на то, чтобы получить знание или информацию о познаваемом феномене. Однако в разных формах и на разных уровнях познания эта информация специфицируется по ряду существенных признаков. В её содержании могут быть представлены объективно-предметные стороны бытия явлений и процессов действительности. Она может фиксировать субъективно и личностно значимые смыслы социального мира и универсума культуры. Это может быть информация о ценностях, программах и целях возможных актов деятельности личности, социальной группы или общества в целом. При этом весьма важно зафиксировать те свойства и параметры, которые отличают именно научное знание как специфический вид информации и конечный продукт научно-познавательной деятельности. Данная характеристика науки предполагает её анализ как специфической системы знания.

2. Наука как знание. Реализация познавательного отношения человека к миру создаёт предпосылки для перевода познаваемых объектов в идеально-знаковую форму, в которой они распредмечиваются и обретают статус знания. Возможны различные типологии знания как продукта духовно-познавательной деятельности. В зависимости от специфики познаваемой реальности выделяют знание как информацию об объективном мире природы и общества; знание о внутреннем духовно-психическом мире человека, в котором содержатся представления о сущности и смысле самопознания; знание о целях и идеально-теоретических программах деятельности человека и др. Вместе с тем каждый из этих видов знания может существовать в формах протонаучного, вненаучного и научного знания. При этом собственно знание – это такой вид информации об изучаемых явлениях и процессах действительности, который должен удовлетворить целому ряду требований или *критериев научности*.

Проблема критериев научности знания является одной из самых дискуссионных в современной философии науки и в зависимости от задач и установок исследования выделяют различные группы критериев научности. Так, например, для того, чтобы зафиксировать исторически конкретные формы научного знания и отличить их от протонауки используют совокупность **исторических критериев научности**. К ним, как правило, относят:

- а) формально-логическую непротиворечивость знания;
- б) его опытную проверяемость и эмпирическую обоснованность;
- в) рациональный характер знания;
- г) воспроизводимость и семантическую инвариантность;
- д) интересубъективность и универсальность и др.

Иные разновидности исторических критериев научности позволяют специфицировать различные исторические стадии развития науки и соответствующие им формы знания. При этом различаются классическая, неклассическая и постнеклассическая наука; дисциплинарно и междисциплинарно организованные системы научного знания и др.

Другая группа стандартов научности получила название **функционально-ориентированных критериев**. К ним относят такие **логические критерии**, как непротиворечивость, полнота, независимость исходных аксиом и др. К этой же группе относятся и такие требования к системам научного знания, как их простота, эстетическая значимость, инструментальная эффективность. Эти критерии получили названия **прагматических**.

Однако, как бы не варьировались разнообразные группы критериев научности знания, все они в конечном счёте должны лишь дополнять некоторые базовые характеристики знания, являющиеся атрибутивными для науки и определяющие её особый статус и функции в совокупном знании о природной, социальной и духовно-психической реальности.

Наука всегда стремилась видеть исследуемую реальность как совокупность причинно обусловленных, естественных событий и явлений, подчиняющихся определённым регулярностям и закономерностям. Эти закономерности могут носить как динамический, так и статический характер, однако они с необходимостью фиксируют объективно-предметный и не зависящий от воли и сознания познающего субъекта аспект бытия познаваемой реальности. Этот фундаментальный норматив научного познания обнаруживает себя в таких существенных требованиях к содержанию и организации научного знания, как системность, доказательность и обоснованность, достоверность и объективная истинность.

Анализ науки как системы знания может быть значительно дополнен и конкретизирован, если осуществить её структурное расчленение по иным основаниям и в иных функциональных «срезах». Так, в рамках любой научной дисциплины (физика, химия, биология, психология, социология и т.д.) можно вычленить структуры эмпирического знания, теоретического знания и метатеоретического знания. Каждый из этих структурных уровней организации знания специфицирует именно науку и обладает рядом функциональных особенностей. Существуют и другие типологии и классификации научного знания, в рамках которых выделяют естественнонаучное, математическое, социально-гуманитарное, техническое знание; фундаментальное научное знание, прикладное научное знание и знание в форме опытно-конструкторских проектов и разработок.

Для того, чтобы наука как деятельность и знание могла реально существовать в обществе, она должна быть органично интегрирована в систему социальных связей и коммуникаций, т.е. выступать в функции социального института.

3. Наука как социальный институт может быть обозначена как совокупность научных организаций и учреждений, интегрированных

определенными нормами научного этиоса, принципами и методами профессиональной коммуникации, а также формами взаимосвязи с конкретно-историческим типом общества.

Структурно-содержательный анализ науки как социального института позволяет существенно дополнить представление о ней как сложной системе взаимосвязей между ученым, научным сообществом и различными подсистемами социума. Вычленение этого аспекта или измерения науки как социокультурной целостности дает возможность реконструировать процесс развития и оформления институциональных структур научной деятельности и охарактеризовать такие формы организации учёных, как научные школы, научно-исследовательские лаборатории и институты, «незримые колледжи» и др. При этом значительное внимание обычно уделяют характеристике способов трансляции знаний, форм и методов научной коммуникации как внутри научных сообществ, так и в режиме диалога с обществом в целом. В современных условиях фронтальной интенсификации научных исследований весьма актуальной проблемой становится разработка эффективных систем ценностно-нормативной регуляции научной деятельности, исследование этических и социокультурных аспектов науки как специфической формы духовного производства и интеллектуальных инноваций. Свобода научного творчества и социальная ответственность ученого соединяются в современной науке как две неразрывно связанные между собой ипостаси единого процесса научного открытия и использования его результатов в социальной и экономической жизни общества.

Таким образом, структурный анализ феномена науки позволяет существенно углубить наше представление о ней и дать содержательную характеристику важнейших ее компонентов.

Дальнейшая конкретизация образа науки и наполнение его реальным содержанием, отражающим процессы интеграции научного знания и высоких технологий во всех сферах жизнедеятельности современного общества, предполагает анализ и характеристику основных функций науки. Теоретическая реконструкция истории становления и развития науки как уникальной формы познания и преобразования мира позволяет зафиксировать множество функций, которые она реализовала в различных типах социума и культуры. Тем не менее, среди них можно вычленить несколько наиболее важных и инвариантных. К ним обычно относят:

- 1) Культурно-мировоззренческую функцию;
- 2) Индустриально-производственную функцию;
- 3) Функцию социального управления и рационализации социальных отношений;
- 4) Функцию генерации и воспроизводства научных знаний в системах образования и трансляции социального опыта.

Данные функции науки позволяют более детально и содержательно охарактеризовать ее не только как когнитивно-познавательный феномен, но и

раскрыть ее социокультурную природу, зафиксировав роль и значение науки в цивилизационной динамике и функционировании современного общества.

Структурно-функциональный анализ науки позволяет выявить и зафиксировать различные аспекты ее содержания, описать формы ее взаимодействия с другими феноменами культуры и познавательными действиями. Однако задача категориального определения науки предполагает фиксацию и обоснование таких ее особенностей, в которых представлены главные и наиболее существенные признаки науки как специфического и уникального типа духовно-познавательной деятельности. В качестве таких признаков можно выделить следующие особенности науки, принципиально отличающие ее от других видов и форм познания:

- 1) объективно-предметная направленность научного познания;
- 2) конструктивно-творческая природа науки, состоящая в том, что она исследует не только объекты, осваиваемые в наличных формах социальной деятельности, но и создает теоретические модели потенциально возможных объектов и их взаимодействий в практике будущего.

Рассмотрение науки как системной целостности в единстве основных ее структурных компонентов с учетом главных и наиболее специфических характеристик научного познания позволяет определять науку следующим образом. **Наука** – это форма социально организованной познавательной деятельности, в которой на основе опережающего отражения действительности осуществляется рационально-понятийное ее освоение, фиксируемое в системе предметного, объективно-истинного, нового знания.

Формы рефлексивного осмысления научного познания. Проблемное поле философии науки. Исследование науки как одного из доминирующих компонентов современной культуры характеризуется впечатляющим разнообразием форм, жанров и стилей ее описания и интерпретации. Как правило, при этом обнаруживается значительное влияние традиций философского анализа познания на формы и методы современного науковедения. Философия познания как один из основных разделов любой развитой системы философского знания обычно рассматривается как интегрирующая в себе следующие основные компоненты:

- 1) традиционная или классическая гносеология (теория познания);
- 2) современные эпистемологические концепции, в которых представлены интерпретации познания и знания, обоснованные на принципах постклассического философствования;
- 3) философско-методологический анализ научного познания и форм его конституирования в различных социокультурных системах.

В рамках данного курса наибольший интерес представляет содержательный анализ именно третьего компонента, поскольку его развитие и легитимизация в современных исследованиях науки привели к оформлению философии науки как системно ориентированной стратегии изучения науки в единстве ее когнитивных, методологических и социокультурных характеристик. Синтетические интенции философии науки могли реализоваться лишь постольку

поскольку в ее моделях и концепциях широко использовались результаты и концептуальные подходы, обоснованные в других дисциплинах, исследующих науку.

С известной долей условности весь массив знаний о науке и основных направлениях ее изучения и исследования можно разделить на три блока:

1) Дисциплинарные исследования науки (история науки, социология науки, психология науки, логика науки и др.).

2) Междисциплинарное исследование науки, наиболее полно обнаружившее свои ориентации в рамках так называемого науковедения.

3) Философско-методологический анализ научного познания, на базе которого развивается философия науки как форма системного осмысления феномена науки в его исторической динамике и функционировании в современной социокультурной среде.

Говоря о философии науки, необходимо достаточно четко различать два основных значения этого терминологического конструкта. С одной стороны, под философией науки понимается совокупность эпистемологических концепций о природе, функциях и динамике научного познания, развиваемых в западной и отечественной философии познания, в течение XX столетия. С другой – философия науки развивается сегодня в форме системно организованной совокупности знаний о логико-когнитивных, методологических и социокультурных аспектах бытия науки как специфического и уникального компонента современной культуры.

Становление философии науки как особого типа теоретико-методологической рефлексии над научным знанием и формами его ассимиляции в экономической и социальной жизни общества обычно связывают с так называемым первым позитивизмом XIX столетия и деятельностью наиболее известных его представителей (О. Конт, Дж. Милль, Г. Спенсер). Позитивистская доктрина науки получает свое дальнейшее развитие и более дифференцированную интерпретацию в эпистемологических программах эмпириокритицизма (Э. Мах, Р. Авенариус, А. Богданов и др.); в конвенционализме А. Пуанкаре и П. Дюгема; в инструменталистских версиях истолкования науки и научного исследования (Дж. Дьюи, П. Бриджмен и др.)

Следующий принципиальный шаг в развитии философии науки как специфического направления в анализе и осмыслении феномена научного знания был сделан представителями неопозитивистской философии. Это относится прежде всего к анализу оснований математики в рамках логицистской программы (Г. Фреге, Б. Рассел); разработке философии логического позитивизма усилиями Л. Витгенштейна и членов Венского кружка (М. Шлик, Р. Карнап, О. Нейрат, Г. Рейхенбах и др.). В этот период неопозитивистская программа логического анализа языка науки обнаруживает себя в формах радикального редукционизма и верификационизма, предлагает модели эмпирического обоснования универсального языка науки, жесткой демаркации научного знания и метафизики.

Следующей стадией в развитии западной философии науки является разработка фаллибилистской модели научного знания, представленной прежде всего в концепциях фальсификационизма К.Поппера и методологии научно-исследовательских программ И.Лакатоса. Попперовская философия критического рационализма получает свое развитие и конкретизацию в неорационализме Г. Башляра и посткритической философии науки М. Полани.

В 1960-70-е гг. в западной философии науки заметно активизируются релятивистские и историцистские тенденции в анализе и методологическом осмыслении феномена научного познания. Наиболее рельефно эти тенденции обнаруживают себя в различных школах и направлениях поспозитивистской философии науки, акцентирующей свое внимание на исследовании исторических, психологических, социокультурных аспектов научного познания (Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Д. Бом, Дж. Холтон, Л. Лаудан и др.)

Современная ситуация в западной философии науки специфицируется интенсивным развитием двух доминирующих тенденций анализа и интерпретации науки и характерных для нее форм исследовательской практики. Прежде всего, это разнообразные школы и направления аналитической и лингвистической философии (П. Стросон, Н. Хомский, Д. Дэвидсон, Дж. Серл, М. Даммит и др.), а также активная полемика между представителями научного реализма, с одной стороны (Х. Патнэм, У.Селларс, Б. ван Фрассен) инструментализма и радикального конструктивизма – с другой (Г. Фолмер, Х. Матурана, Ф.Варела, Н. Гудмен и др.)

Разнообразные формы философско-методологического анализа социально-гуманитарного познания и знания были развиты и конституированы в рамках структуралистской программы (К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, М. Фуко, Р. Барт и др.), а затем и в ядре постструктуралистских интерпретаций языка и «логики» гуманитарных наук (Ж. Делёз, Ф. Бодрийар, Ж. Деррида и др.)

Не менее известны и популярны в западной философии науки и различные версии герменевтических интерпретаций языка науки и форм его опосредования в культуре (Г. Гадамер, П. Рикер, К.-О. Аппель и др.)

Немаловажный вклад в развитие современной философии науки внесли и отечественные философы и методологи. В разработанных ими моделях и концепциях структуры, динамики и функций науки в различных типах социума была обоснована системно-диалектическая традиция современного науковедения, которая по многим параметрам оказалась более перспективной и адекватной реальной практике научных исследований, нежели западные аналоги. К наиболее известным и авторитетным представителям отечественной философии науки относятся Б.М. Кедров, П.В. Копнин, М.Э. Омеляновский, В.А. Штофф, В.С. Швырев, А.И. Ракитов, В.С. Степин и др. Благодаря плодотворной деятельности этих и многих других ученых и философов, начиная со второй половины XX века в отечественной философии науки формируется и основательно заявляет о себе ряд школ и исследовательских центров. Среди них – московская, минская, ленинградская, киевская, новосибирская, ростовская

школы, представители которых и сегодня продолжают развивать отечественные традиции в сфере философии науки.

Говоря о предметной области философии науки как формы философской рефлексии над различными аспектами бытия науки, а также имея в виду, что ей свойственна интенция на создание системной картины «жизни науки» в единстве ее логико-когнитивных, методологических и социокультурных характеристик, необходимо констатировать существование многих точек зрения по этому вопросу и наличие впечатляющего плюрализма интерпретаций. Такое положение вещей вполне понятно и объяснимо, поскольку «философия науки» есть интенсивно развивающаяся область знаний о самых разных проекциях и формах проявления «научного духа» в современной социокультурной ситуации.

Укажем на некоторые, наиболее типичные и часто встречающиеся подходы к определению предметной сферы философии науки.

По мнению известного специалиста в этой области Ф. Франка, центральной проблемой философии науки является обоснование необходимости и реальных путей трансформации человеческого познания от максим здравого смысла и обыденного мышления к естественнонаучным принципам и методам освоения исследуемой реальности. К. Поппер считал, что проблема роста знаний и связанный с ней анализ конкуренции в науке, неизбежно сопровождающей любые познавательные действия, должны рассматриваться как центральное ядро проблематики философии науки.

Существует широко распространенное мнение, согласно которому предмет философии науки объединяет в себе несколько типов или уровней анализа науки как некой системной целостности и специфического компонента современной культуры:

- 1) анализ структуры науки, представленной в разных формах ее бытия (наука как деятельность, знание и социальный институт);
- 2) исследование основополагающих функций науки в различных социокультурных системах и особенностей ее существования в современном обществе;
- 3) изучение проблемы роста знаний и социодинамики науки в эпохи научных революций и в периоды «нормального» ее существования;
- 4) аксиологические проблемы науки, в рамках которых рассматриваются многочисленные вопросы взаимосвязи и диалога науки с обществом и различными компонентами культуры.

Некоторые авторы утверждают, что важнейшей задачей философии науки является исследование некоего граничного между философией и реальным частнонаучным знанием познавательного компонента, который они называют основаниями науки. Как правило, к ним относят: онтологические, гносеологические, логические, методологические и ценностные ее основания.

Достаточно популярна точка зрения, согласно которой основной задачей философии науки является анализ и рассмотрение важнейших проблем науки. При этом обосновываются различные типологии и классификации этих проблем. К ним относят: 1) общие философские проблемы науки как когнитивной и

познавательной целостности; 2) тот блок проблем, который характерен для отдельных областей знания (математика, естественные науки, технико-технологические знания, социально-гуманитарные науки), либо конкретных научных знаний (физика, химия, биология, психология, социология и др.); 3) проблемы, конституируемые в зависимости от направленности возникновения и целей философско-методологического исследования науки (от философии к науке или от науки к философии).

Известное распространение получил и так называемый дескриптивный подход к определению статуса философии науки и ее предметной сферы. С позиций этого подхода философия науки есть описание разнообразных познавательных ситуаций, которые встречаются как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне научного исследования. К такого типа ситуациям может относиться большой массив познавательных действий и операций от «ad hoc» гипотез до «case studies», ориентированных на изучение реальных единичных событий в науке с последующей их экстраполяцией на широкий класс аналогичных познавательных ситуаций.

В современной литературе встречаются и попытки обосновать такие интерпретации предметной области исследований в рамках философии науки, которые основываются на принципах их историко-генетической классификации. Согласно таким подходам, основными проблемами философии науки в первой трети XX столетия были следующие вопросы:

- анализ проблемы причинности в физическом познании и обоснование сложной системы отношений между детерминизмом и индетерминизмом в современном естествознании;
- изучение динамических и статистических закономерностей, форм и способов их фиксации в структуре научного знания;
- исследование отношений и опосредований между классической и квантово-релятивистской научными картинами мира и др.

Вторая треть XX века обычно связывается с активизацией философско-методологических исследований науки по таким направлениям как:

- анализ возможностей и границ эмпирического обоснования научного знания;
- проблема теоретической нагруженности опыта;
- исследование контекстов психологии открытия и логики обоснования научных знаний;
- разработка проблематики роста знаний и метатеоретических структур науки и др.

Наконец, в последней трети XX столетия и в исследованиях последнего времени все более актуальными становятся вопросы, связанные с анализом:

- различных видов и форм научной рациональности, а также их изменением в эпохи кардинальных трансформаций науки и научных революций;
- познавательных и методологических возможностей истории науки, психологии научного творчества, социологии науки и других дисциплинарно и междисциплинарно ориентированных направлений ее изучения и исследования;

– широкого круга мировоззренческих, этических, социокультурных и аксиологических проблем науки и форм ее объективации в различных сферах жизнедеятельности современного общества (экономика, политика, культура и т.д.);

– методологических идей глобального эволюционизма, синергетики и принципов нелинейного мышления в современных научных исследованиях;

– перспектив и тенденций сближения предметных областей и методологических стандартов естественных и гуманитарных наук, рациональных и внерациональных факторов как стимулов и детерминант новейших исследовательских стратегий и ориентаций в научном поиске.

Можно зафиксировать и другие интерпретации предметной области философии науки, как динамично развивающейся сферы философского знания. Однако и отмеченных вполне достаточно, чтобы сделать обоснованный вывод о том, что современная философия науки представляет собой находящуюся в процессе интенсивного развития – стратегию системного исследования науки на основе использования эвристического потенциала и методологических ресурсов философии познания.

Феномен научной рациональности. Научное и вненаучное знание. За европейской цивилизацией закрепилось значение рационально организованной цивилизации, которой присущ дух целесообразного и прагматического решения возникающих проблем. Для того, чтобы раскрыть природу этой глобальной ориентации на устройство социальной действительности и принципы ее исторического изменения, необходимо ответить на вопрос о том, что представляет собой феномен рациональности как определенная характеристика мысли и действия. Обычно ее связывают с такими параметрами, как целесообразность, эффективность, ясность и определенность, законосообразность и др.

Очевидно, что в этом контексте рациональность должна интерпретироваться прежде всего как специфическая характеристика сознания, создающая необходимые предпосылки для достижения оптимальных и эффективных форм познания и преобразования действительности. Традиционно в классической философии такую характеристику сознания связывали с его способностью обеспечивать понятийно-дискурсивное и логически обоснованное отражение реальности. А сама эта способность объяснялась тем, что в структуре сознания, наряду с ощущениями, восприятиями, памятью, эмоциями, волей и другими компонентами, выделялось и рационально-логическое мышление, которое провозглашалось высшей познавательной способностью субъекта, обеспечивающей ему возможность целенаправленного, обобщенного и опосредованного познания действительности.

В современных интерпретациях структуры сознания довольно часто выделяют **когнитивные и ментальные пласты или компоненты**. Первый из них ответственен за реализацию рационально-понятийного отношения к миру и стремление достичь объективно истинного знания о нем. Второй – за субъективные переживания, оценочные суждения и регулятивы, а также

эмоциональные контексты «жизни сознания» (вера, надежда, радость, тоска, справедливость и др.). Конечно, реально действующее сознание всегда характеризуется неразрывным единством когнитивного и ментального начал в его содержании, поэтому корректная интерпретация рациональности как фундаментальной способности сознания должна базироваться на учете этой диалектической его природы.

Таким образом, рациональность как неотъемлемая характеристика сознания человека может быть определена через фиксацию такой его способности, которая обеспечивает ему возможность обобщенного, опосредованного и сущностного отражения действительности, выраженного в вербально-понятийной форме. Наличие этой способности сознания позволяет человеку не только познавать глубинные и закономерные связи и отношения, но и обеспечивать возможность эффективной трансляции знания в культуре посредством передачи информации, представленной в форме знаково-семиотических конструкций, из одной социальной системы в другую.

В современной культуре именно такое формообразование, как наука, наиболее рельефно репрезентирует рациональную способность сознания. Поэтому сегодня чаще принято говорить о феномене именно научной рациональности и анализировать различные ее типы.

Понятие «научная рациональность» также весьма аморфно по содержанию и полисемантично. Можно зафиксировать несколько смысловых аспектов его содержания:

- 1) характер и уровень упорядоченности исследуемых в науке систем, который фиксируется в форме идеальных объектов различной степени общности;
- 2) способ понятийно-дискурсивного описания и объяснения исследуемой реальности;
- 3) совокупность норм и методов научного исследования, которая фиксируется в определенном типе методологической рефлексии или стиле научного мышления.

Именно третий смысловой аспект термина «научная рациональность» стал наиболее популярным и востребованным в современной философско-методологической литературе. Выделяют разные модели или типы таким образом интерпретированной научной рациональности: индуктивистская (Р. Карнап); дедуктивная (Гемпель); сетчатая (Л.Лаудан); тематическая (Дж. Холтон) и др.

Одной из хорошо обоснованных и широко известных интерпретаций научной рациональности является разработанная в отечественной философии науки (Степин В.С., Швырев В.С., Гайденок П.П., Порус В.Н. и др.) историко-генетическая ее концепция, в рамках которой выделяется три исторических типа научной рациональности: классический, неклассический и постнеклассический. Каждый из них характерен для определённого исторического этапа существования науки, последовательно сменявших друг друга на протяжении четырех столетий развития техногенной цивилизации.

Если схематично представить структуру научной деятельности в форме взаимодействия субъекта, объекта, средств, а также целей и ценностей, регулирующих акты и процедуры этой деятельности, то на каждом из трех исторических этапов существования науки рациональность будет характеризоваться специфическим типом методологической рефлексии. Классический тип научной рациональности предполагает акцент на предметной стороне познания и характеризует прежде всего его объектные параметры. Неклассическая рациональность требует такого типа методологической рефлексии, при котором необходим учет связей между знанием об объекте и знанием о средствах деятельности с ним, а также соответствующих познавательных процедурах. И, наконец, постнеклассический тип рациональности существенно расширяет поле методологического анализа научной деятельности и требует учета соотношенности получаемых знаний об исследуемом объекте не только с особенностями средств и операций познавательной деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами познания.

Естественно, такое расширение сферы методологической рефлексии приводит к существенным изменениям в понимании научной рациональности. Ее контуры трансформируются и включают в себя такие методологические ориентации, как нелинейность, неравновесность, эволюционный подход и др. Вследствие этих изменений научная рациональность начинает интерпретироваться как «открытая», «нежесткая», «мягкая», «нестрогая». Для ее характеристики все чаще используются метафорические конструкции вроде «ризомы», «деревя целей», «ветвящейся графики» и др.

Сегодня в философии науки сознание нередко трактуется как деятельность мышления, которая не сводится к сугубо рациональным процедурам, а предполагает наличие в его структуре таких состояний, которые позволяют квалифицировать его как рассеянное, сумеречное, нестрогое сознание.

В связи с этим наряду с научным познанием выделяют и ряд форм вненаучного познания, которое осуществляется по иным правилам и нормам.

Существуют различные классификации вненаучного познания и знания. Как правило, они строятся на основе историко-генетических и системно-функциональных критериев их дифференциации. Согласно первому критерию, выделяют такие формы познавательной деятельности, которые возникли и оформились в культуре в период до становления и первичной социализации науки. К ним чаще всего относят: а) обыденно-практическое познание, в котором фиксируется опыт повседневной жизни и обнаруживает себя логика «здорового смысла»; б) игровое познание, ориентированное на развитие креативных и коммуникационных способностей человека, реализующееся на основе условно принимаемых правил и целей, и имеющее обучающе-развивающий характер; в) различные формы протонаучной познавательной деятельности, регулируемые посредством традиций и обычаев, и дающее рецептурное знание.

Второй критерий позволяет выделить и обосновать такие формы вненаучного знания и познания, как паранормальное, псевдонаучное, квазинаучное, антинаучное, девиантное и др.

К паранормальному знанию относят учения о тайных природных и психических силах и отношениях, которые реализуются за пределами известных науке физических способов взаимодействия. Например, ЭСВ – экстрасенсорное восприятие, телепатия, психокинез и др.

Псевдонаучное знание трактуется как форма интерпретации реально изучаемых наукой событий и явлений, но еще не получивших в ней адекватных объяснений в соответствии с принятыми в науке логико-методологическими стандартами и эталонами. Например, феномены внеземных цивилизаций, НЛО, Лох-Несское чудовище и др.

Девиантная наука или аномальное знание обычно определяются как такие познавательные и когнитивные структуры в науке, которые еще не получили всеобщего признания в научном сообществе и не одобрены в соответствии с доминирующими в нем парадигмальными образцами и методологическими стандартами. Например, релятивистская физика А.Эйнштейна, квантовая механика в период научной революции в конце XIX – начале XX века.

Эти и многие другие формы вненаучного познания и знания становятся возможными и приобретают определенное значение в современной культуре постольку, поскольку в структуре реального познавательного процесса, наряду с рационально-дискурсивными, существуют и различные внерациональные компоненты, такие, как интуиция, фантазия, творческое воображение, вера и др. Именно они позволяют трактовать процесс познания мира как не сводящийся только к научным формам его постижения, а включающий в себя и такие компоненты, которые вербально невыразимы и существенно раздвигают границы принятых в науке форм и типов рациональности.

Наука в историческом развитии. Проблема начала науки. Анализ практически необозримой литературы, посвящённой науковедческой проблематике, позволяет сделать обоснованный вывод о том, что по вопросу о генезисе науки как уникального компонента культуры и особого типа духовно-познавательной деятельности нет единой и общепринятой точки зрения. Среди обилия подходов и интерпретаций можно вычленить четыре наиболее распространённых точки зрения по вопросу о том, когда и в каких социокультурных условиях впервые возникает наука:

1) Наука возникает на первичных стадиях антропо- и социогенеза, и оформляется как важный социокультурный итог развития познавательных способностей первобытного человека в структуре традиционных цивилизаций Египта, Китая, Индии, Месопотамии и других регионов древнего мира. Данная точка зрения была сформулирована в рамках позитивистской историографии науки и получила своё развитие в сочинениях О. Конта, Г. Спенсера, Кузена, Гарнье и других философов-позитивистов. Основу такой позиции составляет отождествление науки с обыденным знанием и любыми формами опыта, обслуживающими потребности первичных форм практики традиционных

обществ. Так, например, Г. Спенсер в работе «Происхождение науки» отмечал, что исходным пунктом науки выступает ум «взрослого дикаря».

2) Согласно второй точке зрения, разделяемой многими зарубежными и отечественными учёными (Дж. Бернал, Б. Рассел, П. Гайдено, И. Рожанский и др.) первые научные программы возникают в контексте античной культуры и являются результатом той величайшей духовной революции, которая завершилась становлением принципов и стандартов теоретического мышления в древнегреческой цивилизации.

3) Существует мнение, согласно которому основные предпосылки формирования науки как специфической формы познания, соединяющей в себе культуру абстрактно-теоретического мышления и начатки экспериментально-практической деятельности субъекта, направленной на реальное изменение свойств и качеств познаваемых явлений, складываются в XII – XIV веках, т.е. в эпоху позднего средневековья в Западной Европе.

4) Наиболее популярной и широко распространённой точкой зрения по вопросу о генезисе и первичной социализации науки является концепция её возникновения в эпоху Нового времени в результате великой интеллектуальной революции XVI – XVII веках, которая завершилась созданием классической механики и конституированием первичных форм институализации науки. Именно в этот период осуществляется кардинальный переворот в представлениях о целях и методах познания природы, формируется особый способ научного мышления, соединяющий в себе принципы математического описания явлений действительности и требования их экспериментальной проверки.

Различные типы и формы протонаучного знания замещаются собственно наукой, ориентирующейся на продуцирование новых знаний о естественных явлениях и процессах в форме их идеализированного описания, причинно-следственного объяснения и последующего предсказания возможных будущих их состояний. Как отмечал А. Уайтхед, «современная наука рождена в Европе, но дом её – весь мир».

Конечно, существуют и другие подходы к решению вопроса о когнитивных и социокультурных предпосылках генезиса науки на различных стадиях исторического процесса. Нередко под наукой понимают не всю возможную совокупность знаний и познавательных действий, направленных на их генерацию, а лишь отдельные сферы или отрасли знания как интегральной целостности. И тогда приходят к выводу о том, что в эпоху античности впервые возникает математика как особый тип научного знания. В Новое время оформляется естествознание, которое впоследствии дифференцируется на отдельные дисциплины, изучающие природу соответственно их предметным областям и логико-методологическим нормативам. В середине XIX столетия появляются социальные науки и конституируется особая область научной компетенции, распространяемой на сферу общественных явлений и социокультурных реалий.

Однако в философии науки важно ответить на вопрос о генезисе научного познания не столько в аспекте рассмотрения его различных, в том числе и дисциплинарно организованных форм и видов, сколько в плане решения данной проблемы применительно к науке в целом, отличая ее от других формообразований культуры и типов познавательной деятельности.

С этой целью необходимо сформулировать некое эталонное представление о науке, которое должно быть использовано как своеобразный эпистемологический образец для реальной оценки тех познавательных феноменов, которые возникали на различных этапах исторического процесса и оформлялись в структурах протонаучного или философского знания в традиционных цивилизациях Востока и Запада.

С определенной долей условности за основу такого эталона науки как специфической формы духовно-познавательной деятельности и особого типа знания может быть взята предложенная И. Рожанским модель науки. В ней имеет смысл выделить несколько базовых характеристик, специфицирующих собственно научное познание.

1. Одним из определяющих признаков науки является наличие особого рода познавательной деятельности, предпринимаемой с целью производства нового знания. Очевидно, что такая деятельность может появиться только в тех типах общества и культуры, где реализуются первичные формы разделения труда, где материальное и духовное производство оформляется в рамках дифференцированных социальных условий и структур. Появление группы людей, которые имеют резерв свободного времени или досуга и используют его для осуществления целенаправленной и систематической познавательной деятельности, выступает одним из решающих условий становления научного познания и оформления соответствующей его инфраструктуры. В качестве необходимых элементов такой инфраструктуры используются разнообразные формы и методы обучения, трансляции знаний, средства познания, а также социальной оценки его результатов и т.д. Соответственно, в тех обществах, где отсутствуют эти атрибутивные для науки условия и предпосылки, не может возникнуть и социально конституироваться научное познание.

2. Важнейшим признаком науки является реализация в ней таких познавательных действий, которые не сводятся к разработке форм рецептурного знания, призванного удовлетворять утилитарные потребности общества и обеспечивать успешное выполнение задач актуальной практической деятельности. Науке должна быть свойственна интенция на реализацию чисто познавательного интереса личности и обоснование таких форм знания, в которых выражаются теоретическая сущность исследуемых явлений и процессов, постигается их истина, не зависящая от человека и социальных установок.

3. Чтобы быть научным, познание должно быть рациональным, т.е. использовать возможности человеческого интеллекта и исключать магические, мифологические и иные иррациональные представления, основанные на вере в сверхъестественное бытие и не подверженные суду человеческого разума.

4. Суммарная совокупность эмпирических знаний, призванных обслуживать непосредственные практические нужды, еще не образует науки. Научное знание должно быть доказано и обосновано посредством использования соответствующих логико-методологических стандартов познавательной деятельности и системной организации ее результатов.

Таковы важнейшие требования к эталонной модели науки. Аппликация этой модели на конкретно-исторические версии познавательной деятельности, возникающие на различных этапах истории и в различных социокультурных системах, позволяет более обоснованно ответить на вопрос, когда и где происходит становление собственно науки и каким образом она отделяется от различных формообразований преднауки или протонаучного знания.

Наука и типы цивилизационного развития. Протонаука в структуре традиционных цивилизаций. В развитии человечества, после того как оно преодолело стадию варварства, существовало множество цивилизаций, каждую из которых можно интерпретировать как конкретно-исторический тип социальной организации, имеющей свою самобытную историю. Известны многочисленные типологии цивилизационной динамики. Одна из таких типологий предполагает дифференциацию всех известных форм цивилизационного устройства, на два основных вида: а) традиционные цивилизации; б) цивилизации инновационного или техногенного типа.

Для традиционных цивилизаций характерны замедленные темпы социальных изменений, доминирование устойчивых форм социокультурной регуляции основных сфер жизнедеятельности; жесткая социальная стратификация общества, отсутствие демократических традиций и т.д.

Цивилизации техногенного типа, наоборот, характеризуются преобладанием интенсивных форм развития и постоянной перестройкой оснований культуры, выполняющей функции рационально обоснованных программ деятельности общества по преобразованию природной и социальной среды его обитания.

История древнего мира представляет собой процесс смены традиционных цивилизаций и их совместного сосуществования на протяжении нескольких тысячелетий. Начиная с 4–3 тысячелетия до н.э. в различных регионах мира (в долинах Нила, Инда, в Месопотамии, Китае) осуществляется первая в истории человечества техническая революция, в результате которой появляется земледелие и устанавливается оседлый образ жизни; изобретается колесо и как результат его внедрения в производственную деятельность формируются гончарные, ткацкие ремесла, развиваются средства передвижения; совершенствуются технологии обработки металлов и строительства культовых сооружений. Эти и другие производственные навыки и достижения не могли сложиться и развиваться без постоянного накопления знаний и информации о различных сторонах жизни древних обществ, тех природных и социальных объектах, которые познавались и преобразовывались с целью выживания и адаптации в непонятной, а зачастую и враждебной окружающей среде.

Возникает вопрос, существовала ли в структуре традиционных цивилизаций древнего мира наука как специфическая форма познания, с характерными для нее базовыми признаками, зафиксированными ранее в ее эталонной модели. С одной стороны, в древневосточных цивилизациях – Египте, Вавилоне, Индии, Китае был накоплен огромный массив знаний в области математики, медицины, астрономии, географии, анатомии. Благодаря этим знаниям достаточно успешно решались многие проблемы, возникавшие в различных сферах жизнедеятельности традиционных обществ. Однако этого явно недостаточно для того, чтобы утверждать факт возникновения и существования науки в культуре традиционных цивилизаций Востока. В подтверждение этого тезиса можно указать на целый ряд особенностей тех форм и типов познавательной деятельности, которые доминировали в этих цивилизациях, и являли собой феномен так называемой «рецептурной науки» или практически ориентированного знания. В качестве таких особенностей обычно выделяют:

- отсутствие фундаментальности и теоретической ориентации знания, которое использовалось прежде всего в функции технологического обеспечения непосредственных практических действий с объектами обыденного опыта и повседневной жизни;

- трансляция знаний через традицию и посредством механизмов личностного или профессионально–кастового наследования;

- неразвитость либо полное отсутствие критико-рефлексивной деятельности по отношению к познавательному процессу и формам генерации знаний;

- акцент на решении прикладных задач и разработке рецептурно-технологических схем практической деятельности, что приводило к отсутствию систематичности, доказательности и обоснованности получаемых знаний.

Таким образом, в структуре традиционных цивилизаций Востока складывается особый тип познавательной деятельности, который не является собственно научным, а скорее соответствует нормам и требованиям протонауки. Используя метафорическое выражение К. Маркса, можно заключить, что здесь еще рука и голова в полной мере не были отделены друг от друга.

Античный идеал науки. Существенно иные социокультурные обстоятельства складываются к середине первого тысячелетия до н.э. в античной Греции, которую многие исследователи по праву считают подлинной колыбелью науки. К числу этих социокультурных предпосылок генезиса науки в античной цивилизации можно отнести идею вариативности мира, которая вызревала в культуре как своеобразное отражение полисной структуры древнегреческой социальности с ее демократическими принципами и имманентной конкуренцией в различных сферах социальной деятельности.

Не менее важна в этом контексте и идея доказательности и обоснованности знания, получившая свое развитие в формах античной диалектики, риторики, искусства убеждения и аргументации.

Весомым социальным фактором, способствовавшим оформлению первых научных программ в древнегреческой культуре, было и господство

рабовладельческого способа производства в античной цивилизации. В известной мере оно позволяет объяснить феномен радикального пренебрежения свободных граждан полиса любыми формами орудийно-предметной деятельности с материальными объектами и вещами. Отсюда формирование своеобразной идеологии созерцательного отношения к действительности и познавательной интенции на абстрактно-теоретическое и умозрительное отношение к миру.

Данные социокультурные предпосылки обусловили оформление и развитие в античной культуре такого типа познавательной деятельности, который утверждал себя в формах понятийно-рациональной интерпретации объектных взаимодействий. Причем эти объектные взаимодействия описывались в особом языке идеализаций, являющимися результатом свободной и креативной игры ума. Именно поэтому такое познание приобретало статус теоретической деятельности, существенно отличной от разнообразных видов и форм орудийно-предметной деятельности. Развитие культуры теоретического мышления является непреходящей заслугой античной цивилизации, поскольку эта особенность познавательных действий отличает подлинную науку в сравнении с различными типами и формами протонаучного знания. Итак, систематическое доказательство, рациональное обоснование, логическая дедукция как форма теоретического развертывания знаний, оперирование идеализациями – вот те атрибутивные для науки характеристики познания, которые были развиты в эпоху античности и обнаружили себя, прежде всего в древнегреческой философии. Именно в философии впервые были продемонстрированы образцы подлинно теоретических построений и обоснованы принципы идеализированного описания реальных вещей и их отношений. Впоследствии они оказали серьезное влияние на становление античной математики и процессы ее теоретизации. В трудах Демокрита, Платона, Аристотеля и других известных философов Древней Греции уделяется огромное внимание математическим проблемам. Их усилиями математическое знание логически обосновывается и освобождается от многих мистико-мифологических наслоений, которые привнесли в математику пифагорейцы. Таким образом, благодаря деятельности философов математическое знание обретает свою строгую рационально-теоретическую форму. Это в определенной мере обнаруживается в Евклидовой геометрии, которая по праву оценивается как исторически первый образец научной теории.

Следует отметить, что не только античная математика, но и такие системы знания, как медицина Гиппократов, история Геродота, астрономия Птолемея и др. в той или иной мере испытали на себе влияние принципов и норм рационально-теоретического мышления. В этом и состоит непреходящее значение античной культуры и философии для обоснования и развития подлинно научного стиля мышления с характерной для него интенцией на рационально-теоретическое освоение исследуемой реальности.

Однако теоретического естествознания, органично соединяющего в себе язык математики и экспериментальное исследование природы, в античной культуре создано не было. Для ассимиляции идеи экспериментального познания

природных объектов и их отношений требовались иные представления о природе, субъекте познания, целях и мотивах его деятельности. Эти представления и соответствующие им социокультурные обстоятельства формируются значительно позднее, в культуре Нового времени. Однако задолго до этого в эпоху Средневековья и Возрождения в социокультурном развитии Западной Европы происходят такие события, без адекватного понимания и корректной интерпретации которых весьма затруднительно объяснить становление экспериментального естествознания.

Зарождение опытных наук. Общепринятым мнением является утверждение о том, что развитая наука немыслима без систематического применения экспериментальных исследований. Идея эксперимента как неотъемлемой части научного познания требовала существенной трансформации фундаментальных представлений о человеке и человеческой деятельности в целом, сложившихся в культуре античности. Необходимо было обосновать новое понимание природы как объекта деятельности; субъекта в качестве активного начала, противостоящего природной материи; возможных форм и способов воздействия человека на природу с целью познать её сущность и сокровенные тайны.

Это происходит в процессе кардинальных мировоззренческих изменений в эпоху Ренессанса и Нового времени. Однако определённые предпосылки этой глобальной культурологической трансформации можно обнаружить ещё в период позднего средневековья, когда в XII–XIV веках в различных городах Европы (Болонья, Париж, Оксфорд) возникают первые университеты, создаются школы, в которых совершенствуются «технологии» схоластического мышления, получает распространение магия и алхимия, как специфические формы опытного познания и оперирования с реальными предметами и вещественными субстанциями. В трудах и сочинениях францисканского монаха Р. Гроссетеста (1175–1253), его ученика Р. Бэкона (ок. 1214–1292), английского логика У. Оккама (ок. 1285–1349) и других схоластов этого времени развиваются идеи о том, что умозрительные науки не могут обойтись без экспериментальных исследований, способных открыть перед человеком тайные силы и законы Вселенной. Правы В. В. Ильин и А. Т. Калинин, утверждая, что фундаментальной особенностью средневековой культуры является её амбивалентность, т.е. внутренняя неоднородность и противоречивость. С одной стороны, средневековье продолжает традиции античности, развивая и совершенствуя такие познавательные ориентации, как созерцательность, склонность к интеллектуальному умозрению и абстрактным теоретическим построениям и т.п. С другой стороны, оно порывает с традициями античной культуры и философии, подготавливая грядущий переход к мировоззренческим ориентациям Возрождения и Нового Времени. В частности, это проявляется в том, что познание всё более акцентировано направляет свои усилия «в русло достижения практических эффектов» формирует традиции реального взаимодействия с предметами, «трансмутации» природных веществ в опытах магии и алхимии. Это придаёт познанию статус не только абстрактно-

теоретической деятельности с идеализациями, но и ремесленно-технической деятельности, предполагающей опытную апробацию явления. В этом смысле можно говорить о том, что в эпоху позднего средневековья формируются определённые предпосылки будущей экспериментальной науки. Предпосылки, но не более, поскольку в средневековой культуре в силу объективных причин ещё не могли сформироваться необходимые социокультурные условия для становления науки. В эту эпоху ещё не сложилась традиция понимать и интерпретировать природу в её самодостаточности, управляемой объективными законами без вмешательства Бога и высших сил. В качестве доминирующих ориентаций в познании рассматривались символизм и теологически текстовый характер всякой духовной деятельности. Знание носило качественный, а не количественный характер, основу картины мира составляла теория неоднородного и анизотропного пространства Аристотеля, утверждавшая привилегированность различных точек и мест. В силу этого средневековая наука – это ещё не экспериментальное естествознание. Деятельность натуральных магов (Р. Бэкон, Р. Гроссетест, Буридан и др.) ещё не порождала подлинно научного метода познания, соединяющего в себе абстрактно-математическую культуру мышления и эксперимент. Всё это совершается позднее, в эпоху Возрождения и Нового времени.

В этот период в западноевропейской истории и культуре происходят поистине эпохальные события. Это и социально-политическое разложение феодализма; и реформация, разрушившая монолитность церковной идеологии; протестантская этика с её идеей личной инициативы и ответственности; и обоснование гелиоцентрической картины мира как радикально не совместимой с принципами антично-средневекового геоцентризма и многое другое. И все же основные достижения этой эпохи, непосредственно повлиявшие на становление классической науки, состояли в следующем:

- 1) разрушения геоцентрической картины мира и обоснование вещно-натуралистической модели космоса;
- 2) соединение абстрактно-теоретической или натурфилософской традиции познания с ремесленно-технической и опытной его ориентацией;
- 3) разработка и обоснование гипотетико-дедуктивной методологии познания.

Для того чтобы создать новую картину мироздания, необходимо было обосновать идею самодостаточности природы, которая управляется естественными объективными законами и не нуждается для своего существования ни в каких теологических гипотезах или постулатах. Н. Коперник, И. Кеплер, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза и другие учёные, и философы осуществили эту программу эмансипации природы.

Не менее важно было разработать принципы количественного и причинно-следственного описания природных процессов и явлений. В трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Р. Декарта и др. эта задача была также успешно решена. При этом учение Аристотеля об анизотропном и неоднородном пространстве было заменено геометрической моделью мироздания на основе евклидова

пространства, в котором все точки и направления движения равноценны. Это позволило обосновать принципиально важный тезис о единстве небесных и земных явлений и, соответственно, подтвердить идею универсальных законов природы.

Как известно науку конституирует единство эмпирической и теоретической деятельности. Однако в античной и средневековой культуре эти две составляющие познавательной деятельности были противопоставлены и на этой основе разобщены. Теоретические занятия составляли удел абстрактного интеллекта и обнаруживали себя в рамках семи известных свободных искусств (астрономия, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, медицина, музыка). Эмпирические или опытно-экспериментальные занятия проходили по ведомству механических или несвободных искусств и оценивались как тот или иной вид ремесла.

Синтез эмпирической и абстрактно-теоретической составляющей в познавательной деятельности стал возможен только на основе тех глубинных трансформаций в мировоззренческом строе культуры, которые произошли в эпоху Ренессанса. Транзитивными формами такого синтеза являлись такие феномены средневековой науки, как астрология, алхимия, натуральная магия и др.

Для формирования необходимых предпосылок соединения теории и эксперимента в рамках математического естествознания важно было осуществить дальнейшее развитие гипотезо-дедуктивной методологии познания и адаптировать ее возможности для исследования механических процессов. Приоритет в решении этой задачи, безусловно, принадлежит Г. Галилею, который разработал концепцию пустотной механики, базировавшуюся на принципах рациональной индукции и мысленного эксперимента.

Таким образом, обоснованные в эпоху Возрождения и Нового времени, методологические новации и мировоззренческие идеи выполнили функции необходимых предпосылок для соединения математического описания природы с ее опытно-экспериментальным изучением. Так была подготовлена великая интеллектуальная революция, завершившаяся созданием в эпоху Галилея и Ньютона классической механики как исторически первой естественнонаучной теории и картины мира. Теоретическое естествознание знаменовало собой вторую (после возникновения математики) важнейшую веху на пути формирования собственно науки в ее классической форме.

Классический, неклассический и постнеклассический этапы в развитии науки. Под классической наукой обычно понимают определенный этап в ее функционировании и развитии, для которого характерно господство объектного и жестко детерминистического стиля исследования, господствовавшего в науке, начиная с XVII вплоть до конца XIX – начала XX столетия. Истоки классической новоевропейской науки, как правило, связывают с именами Галилея, Ньютона, Лейбница, Декарта и других выдающихся ученых и мыслителей. Их усилиями была разработана механическая картина мира, в

основе которой лежала системно обоснованная Ньютоном классическая механика как исторически первая научная теория.

Механистическая картина мира основывалась на принципиальном исключении субъекта познания и всего того, что связано с субъективно-личностными аспектами познавательной деятельности из совокупной системы знания, форм его философского осмысления и интерпретации. В результате изучаемые явления природы рассматривались как не связанные между собой, неизменные и неразвивающиеся объекты, перемещающиеся в пространстве под воздействием механических сил. На протяжении трех столетий эта картина мира осуществляла экспансию на различные предметные области, расширяя ареал объяснительных возможностей классической парадигмы научного познания. Так, например, известный шведский ученый- натуралист К.Линней (1707–1778) разрабатывает классификацию форм и видов животного мира на основе использования принципов механистической методологии. Его знаменитое сочинение «Система природы», в котором обоснована бинарная классификация видов растений и животных написано под очевидным влиянием классической механики.

К концу XVIII – началу XIX столетия наука начинает активно использоваться в производстве, определяя его бурный прогресс от форм мануфактурной организации к машинной индустрии. Начинают формироваться технические науки, которые впоследствии стали выступать связующим элементом между естественнонаучным знанием и производственными технологиями. Возникает дисциплинарная организация науки, которая является важной вехой в ее развитии на этапе классики. В этот исторический период господства индустриальных форм организации производства и общественной жизни создаются предпосылки и для возникновения социально-гуманитарных наук. С их появлением завершается процесс формирования дисциплинарно организованной науки, и она обретает статус подлинной системы научного знания об основных сферах реальности, включая природу, общество и человеческий дух.

Несмотря на активную и многовекторную дифференциацию знания в течение нескольких веков существования классической науки, она, тем не менее, сохраняла приверженность неким общим методологическим ориентациям и формам рациональности, которые, собственно, и определяли ее мировоззренческий и операциональный статус.

К таким важнейшим особенностям классической науки в целом можно отнести следующие ее методологические интенции.

1. Финалистская интерпретация истины в ее абсолютном завершенном и не зависящем от условий познания виде. Эта интерпретация была обоснована в классической механике как методологическое требование при описании и объяснении идеализированных теоретических конструктов (материальная точка, сила и др.), призванных заменить в теории реальные природные объекты и их взаимодействие.

2. Установка на однозначное причинно-следственное описание событий и явлений, исключаящее учёт случайных и вероятных факторов, которые оценивались как результат неполноты знания и субъективных привнесений в его содержание.

3. Элиминация из контекста науки всех субъективно-личностных компонентов познания, а также характерных для него условий и средств осуществления познавательных действий.

4. Интерпретация любых предметов научного познания как простых механических систем, подчиняющихся принципам аддитивности, требованиям статичности и неизменности основных своих характеристик.

К концу XIX – началу XX века эти методологические интенции получают широкое признание и формируют классический тип научной рациональности. Считалось, что научная картина мира полностью построена и обоснована, а в перспективе необходимо будет лишь уточнять и конкретизировать отдельные детали этой картины.

Однако история науки распорядилась по-иному. В этот период последовал целый ряд научных открытий, которые никак не вписывались в существующую картину физической реальности. А. Беккерель, Дж. Томпсон, М. Планк, Э. Резерфорд, Н. Бор, Луи де Бройль, А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, П. Дирак и многие другие учёные радикально революционизировали физику и показали принципиальную несостоятельность механистического естествознания. Их усилиями закладываются основания новой квантово-релятивистской картины мира. Формируется следующий *неклассический этап* в развитии науки, который длился в течение примерно двух первых третей XX столетия. В этот период происходит целая серия революционных перемен в различных областях знания. В физике создаются релятивистская и квантовая теория, в космологии – концепция нестационарной Вселенной. Становление генетики радикально революционизирует биологическое познание, существенный вклад в формирование неклассической научной картины мира вносят кибернетика и теория систем. Всё это приводит к фронтальному освоению научных идей в социальной практике и промышленных технологиях.

Переход от классической к неклассической науке был связан с необходимостью формирования нового типа научной рациональности и в этом смысле предполагал совершение глобальной научной революции. Сущность этой революции состояла в том, что в «тело науки» интегрировался субъект познания. Иными словами, если в классической науке исследуемая реальность всегда понималась как объектная реальность, т.е. не зависящая от субъекта, средств и условий его познавательных действий, то в неклассической науке важнейшим условием истинного описания исследуемой реальности становится учёт и экспликация связей между самим объектом и средствами его познания. Таким образом, изменяется сама парадигма научного познания. Предмет знания трактуется уже не как абсолютно объективная реальность в её онтологической данности и независимости от субъекта, а как некоторый её срез, аспект, заданный через призму используемых в познании средств, форм и способов исследования.

Объектно-созерцательная парадигма научного познания сменяется деятельностной его парадигмой.

Наконец, начиная с 60-х годов XX века, наука переходит в третью стадию своей исторической эволюции, всё более отчётливо приобретая черты новой *постнеклассической* (современной) науки. В этот период происходит революция в самом характере научной деятельности, связанная с радикальными изменениями в средствах и методах получения, хранения, трансляции и оценки научных знаний.

С точки зрения смены типа научной рациональности постнеклассическая наука кардинально расширяет сферу философско-методологической рефлексии над основными параметрами и структурными компонентами научно-исследовательской деятельности. В отличие от неклассической науки она требует анализа взаимосвязей и опосредований получаемого знания не только с особенностями средств и операций познавательной деятельности субъекта, но и с её ценностно-целевыми структурами, т.е. с социокультурным фоном эпохи как реальной средой существования науки. Неклассическая парадигма познания предполагает использование таких методологических регулятивов, как относительность к средствам наблюдения, вероятностный и статистический характер получаемых научных знаний, дополнительность различных языков описания исследуемых объектов. В отличие от неё постнеклассическая парадигма ориентирует исследователя на анализ феноменов становления, развития и самоорганизации явлений познаваемой реальности. Она предполагает рассмотрение объектов в их исторической перспективе, учитывая синергетические, кооперативные эффекты их сосуществования и взаимодействия. Важнейшей задачей исследователя становится теоретическая реконструкция изучаемого явления в максимально широком контексте его связей и опосредований с целью воссоздать в языке науки его целостный и системный образ.

Даже в первом приближении описать основные параметры предметного поля современной постнеклассической науки не представляется возможным, поскольку она простирает свои познавательные усилия практически на все сферы реальности, включая природу, социокультурные системы и сферу духовно-психических феноменов. Это явления космической эволюции; проблемы взаимодействия человека и биосферы; развитие современных высоких технологий от нанoeлектроники до нейрокомпьютеров; новые модели физической реальности на основе принципов квантовой хромодинамики и суперсимметричных взаимодействий; идеи коэволюции и глобального эволюционизма, апплицируемые на все сферы бытия Универсума и многое другое.

Для постнеклассической науки весьма характерна междисциплинарная ориентация и проблемно ориентированный научный поиск. Объектами современных междисциплинарных исследований всё чаще становятся уникальные природные и социальные комплексы, в структуру которых входит и сам человек. Примерами таких «человекоразмерных» систем могут служить

экосистемы, включая биосферу в целом, медико-биологические и биотехнологические объекты, системы искусственного и интегрального интеллекта и т.д. Столь впечатляющее вторжение науки в мир человекообразных систем создаёт принципиально новую ситуацию, которая выдвигает в повестку дня комплекс сложных мировоззренческих вопросов о смысле и ценности самой науки, о перспективах её прогрессивного развития и взаимодействия с другими формами культуры. В этих условиях вполне правомерно ставить вопрос о реальной цене научных инноваций, о возможных последствиях их внедрения в структуру человеческого общения, материального и духовного производства.

Такой вопрос тем более актуален, поскольку всё чаще современной науке вменяют в вину дестабилизацию общества, появление глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество на современном этапе цивилизационного развития. Именно поэтому столь важно рассмотреть науку в аспекте её ценностных и социокультурных факторов, что и является одной из задач современной философии науки. И если ещё вчера философско-методологическая рефлексия над наукой рассматривалась и зачастую оценивалась как признак некой интеллектуальной респектабельности, то сегодня она становится одним из необходимых условий адекватного ответа на вопрос о стратегических приоритетах развития постнеклассической науки.

1.2.2. Структура и динамика научного познания

Научное познание представляют собой сложно организованную целостность, отличающуюся особой структурной организацией. Структурирование научного познания может быть проведено по разным основаниям. Наиболее репрезентативным является подход, учитывающий специфику научной деятельности и её результатов в ходе эмпирического и теоретического исследования. В соответствии с этим подходом правомерна констатация различий эмпирического и теоретического уровней научного исследования по ряду параметров, среди которых важнейшее место занимают: специфика решаемых задач, целей исследования и методов их реализации, а также особенности полученных научных знаний и языковых средств их выражения.

Учет названных параметров позволяет выявить взаимоисключение между двумя уровнями научного исследования. Так эмпирическое исследование призвано выявить и зафиксировать относительно неглубокие связи и характеристики изучаемых объектов, за которыми скрываются внутренние существенные и необходимые параметры, на изучение которых нацелено теоретическое познание. Эмпирическое исследование призвано описать изучаемый объект, систематизировать собранную о нем информацию, а основной задачей теоретического познания является объяснение исследуемых явлений.

Решая поставленные задачи в эмпирическом и теоретическом познании, ученый обращается к различным методам исследования. К числу методов эмпирического уровня научного познания относятся такие исследовательские процедуры, как сравнение, измерение, наблюдение, эксперимент, описание. Специфику теоретического уровня научного познания ярче всего характеризуют такие методы, как идеализация, знаковое моделирование, формализация, метод мысленного эксперимента, аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный метод, метод математической гипотезы, метод вычислительного эксперимента, метод восхождения от абстрактного к конкретному и др.

Существенным образом отличаются между собой и результаты, полученные в ходе эмпирического и теоретического исследования. В первом случае к ним относятся научные факты, эмпирические обобщения и закономерности. Во втором – научные теории, являющие собой высшие достижения теоретического исследования.

Эмпирический и теоретический уровни научного познания не только взаимоотрицают, но и взаимопредполагают друг друга. Развитие теоретического исследования постоянно нуждается в притоке информации, поставляемом эмпирическим уровнем научного познания. В свою очередь научные факты как важнейшие элементы эмпирического базиса науки оказываются теоретически нагруженными. Своеобразным свидетельством единства двух уровней исследования в науке выступают такие формы поиска и роста научного знания, как проблема, вопрос и гипотеза, а также общелогические методы исследования: обобщение, абстрагирование, моделирование и аналогия, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Между двумя обозначенными уровнями научного исследования легко уловить и отношение тождества, поскольку каждый из них воплощает в себе характерные черты научного и только научного познания. В силу ряда обстоятельств градацию на эмпирический и теоретический уровни научного исследования нельзя отождествлять соответственно с чувственными и рациональными формами познания, поскольку вычленение последних опирается на учет специфических особенностей познавательной деятельности человека как таковой.

Таким образом, эмпирический и теоретический уровни научного исследования оказываются связанными между собой отношениями диалектического противоречия, что в свою очередь позволяет усмотреть в их взаимодействии один из самых действенных источников развития научного познания.

Как в эмпирическом, так и в теоретическом исследовании особую роль играет язык науки, обнаруживающий ряд отличительных особенностей по сравнению с языком обыденного познания. В силу ряда обстоятельств обыденный язык оказывается недостаточным для описания объектов научного исследования: 1) его лексика не позволяет зафиксировать информацию об объектах научного исследования, выходящих за сферу непосредственной практической деятельности человека и его обыденного познания; 2) понятия

обыденного языка отличаются расплывчатостью и многозначностью; 3) грамматические конструкции такой языковой системы, складывающейся стихийно, содержат в себе исторические напластования, зачастую носят громоздкий характер и не позволяют достаточно четко эксплицировать структуру мысли, логику мыслительной деятельности.

В силу указанных особенностей обыденного языка научное познание и научная коммуникация предполагают выработку и использование специализированных, искусственных языков, количество которых постоянно возрастает по мере развития науки. Первым примером создания специальных языковых средств служит введение Аристотелем символических обозначений в логику. Становление и бурное развитие классической науки, и в первую очередь математики, во многом происходило благодаря оформлению математической символики в трудах Ф. Виета и Р. Декарта. С другой стороны, анализ парадоксов в развитии математики в начале XX века поставил вопрос о необходимости поиска новых подходов к созданию искусственных языков науки. Одной из попыток решения возникшей проблемы стала концепция семантических уровней языка (А. Тарский), представившая его в качестве структурированной системы, в рамках которой каждый последующий уровень выступает в качестве метаязыка для предшествующего. Методологические ориентиры, заложенные в этой концепции, не только позволили избежать в науке парадоксов типа «Лжец», но и сыграли определенную роль в решении проблемы квантомеханического описания микрообъектов в ходе становления физики микромира, тем самым способствуя формированию неклассической научной рациональности.

Потребность в точном и адекватном языке в ходе развития науки привела к созданию специальной терминологии, научной номенклатуры, предполагающей использование особых правил построения наименований объектов и операций с ними. Наряду с этим необходимость совершенствования языковых средств в научном познании обусловила появление формализованных языков науки, отличительными особенностями которых являются: 1) четко проведенное различие между объектным языком и метаязыком; 2) задание алфавита, т.е. списка исходных знаков (имен, терминов); 3) экспликация семантических правил, определяющих значение исходных знаков, что предполагает опору на определенную теорию значения; 4) точная и явная формулировка правил построения из исходных знаков развернутых знаковых систем; 5) однозначное задание (с использованием метаязыка) правил преобразований одних сложных знаковых выражений в другие.

Создание и совершенствование формализованных языков науки явилось одной из предпосылок развития теоретического исследования, в том числе обогащения его инструментария таким, например, методом, как формализация и рядом базирующихся на нем исследовательских процедур.

Эмпирический и теоретический уровни научного познания, как и научное исследование в целом, характеризуются особой структурной организацией. В структуру теоретического уровня научного познания входят фундаментальные теории и теории, которые, базируясь на фундаментальных концепциях,

описывают достаточно ограниченную область реальности. Для эмпирического уровня элементами структурной организации выступают так называемые исходные данные наблюдений и экспериментов или эмпирические протоколы, а также факты и эмпирические закономерности, в совокупности образующие эмпирический базис научной дисциплины.

Научный факт представляет собой результат достаточно сложного познавательного процесса, предполагающего выявление определенного инварианта множества наблюдений или экспериментальных процедур с учетом тех теоретических представлений концептуального характера, которые находятся в распоряжении исследователей. Установление связи между научными фактами, зачастую представленной в форме математического выражения, позволяет сформулировать эмпирическую закономерность, объяснение которой предстоит дать в теоретическом исследовании.

Выявление научных фактов, требующих своего объяснения и не получающих такового в рамках наличного научного знания, предполагает постановку проблемы. Проблема – это «знание о незнании», влекущее за собой поиск новых нетривиальных концептуальных средств для объяснения имеющихся научных фактов. В ряде случаев она акцентирует внимание исследователей на парадоксах прежних теорий, требуя их разрешения. В своем разворачивании проблема расчленяется на ряд взаимосвязанных вопросов, являющихся своеобразными формами научного поиска. К числу последних также следует отнести гипотезы, закономерно появляющиеся в процессе обсуждения научных проблем и решения научных вопросов. Гипотеза представляет собой научно обоснованное предположение о существенных характеристиках и глубинных необходимых связях изучаемых явлений и процессов, что в свою очередь ставит вопрос о способах ее проверки. Для развитой науки этот вопрос достаточно сложен, поскольку в научной практике речь идет не о проверке самих гипотез, а следствий из них, что приводит к значительным трудностям как теоретического, так и методологического характера.

Важнейшим результатом научного исследования является создание научной теории. По своему предмету, способам построения и ряду других характеристик научные теории весьма отличаются друг от друга, что значительно затрудняет выработку стандартного и универсального определения этой формы научного знания. В самом общем виде под научной теорией понимается органически целостная непротиворечивая система знаний, в обобщенной форме раскрывающая сущностные свойства и закономерные связи некоторой предметной области, на основе которых достигается объяснение и предсказание явлений.

К весьма отличным друг от друга научным теориям предъявляется ряд общих необходимых требований. Все они должны быть внутренне непротиворечивыми системами знаний; любая теория должна отличаться полнотой содержания (т. е. обеспечивать репрезентацию любого фрагмента той области действительности на описание и объяснение которой она претендует); в

рамках теории должны быть объяснимы взаимосвязи между различными ее компонентами. Удовлетворяющие этим требованиям теории могут различаться по ряду признаков, основными из которых являются эвристичность, конструктивность и простота. Эвристичность характеризует объяснительные и предсказательные возможности научной теории. Конструктивность состоит в относительно простой проверяемости ее основных выводов и результатов. Простота теории, в частности, проявляется в объяснении ею по возможности более широкого круга явлений, исходя из минимального числа независимых допущений без введения произвольных гипотез. В ряде случаев в процессе выбора теории предпочтение отдается той, которая может быть распространена на более обширное множество научных фактов путем незначительных уточнений и трансформаций, т.е. оказывается более простой в динамике.

К числу важнейших характеристик разнообразных научных теорий относятся присущие им функции: объяснительная, предсказательная и синтезирующая.

Всякая научная теория призвана не только дать удовлетворительное объяснение изучаемого круга предметов и явлений, но и обеспечить предвидение, т. е. возможность прогнозировать будущие состояния исследуемых явлений в последующие моменты времени. Наряду с тривиальным предсказанием научная теория позволяет осуществить нетривиальное предвидение, т.е. обеспечить предвидение либо новых фактов на основе установленной теории (аналитическое предсказание), либо новых эффектов, вытекающих из ранее неизвестного закона вновь создаваемой теории (синтетическое предсказание).

Синтезирующая функция научной теории проявляется в присущей ей способности упорядочить значительный объем эмпирической информации; в характерной для научной теории тенденции к экспансии в сферу компетенции других научных концепций (особенно это свойственно для фундаментальных теорий); в способности к осуществлению парадигмальных прививок к другим областям научного знания. Наконец синтезирующая функция проявляет себя во взаимодействии некоторой совокупности научных теорий, выражая тенденцию к «вертикальному» либо «горизонтальному» синтезу научных знаний как таковых.

Одной из актуальных и дискуссионных проблем в современной философии науки является вопрос о том, какие основные компоненты конституируют научную теорию. Иными словами, что входит в структуру теории как сложно организованной системы научного знания. Этот вопрос интерпретируется в достаточно широком диапазоне методологических идей и подходов в зависимости от конкретного содержания теории, ее предметной области, уровня концептуальной зрелости и т.д. Однако своеобразным эпистемологическим эталоном выступает, как правило, естественнонаучная (чаще всего физическая) теория. Это объясняется тем, что именно в физике наиболее полно и отчетливо прослеживается связь между эмпирическим слоем знаний и их теоретической

интерпретацией, между экспериментально-измерительными процедурами и формами их концептуальной репрезентации.

Большинство исследователей выделяют в качестве основополагающих компонентов в структуре теории следующие формы знаний.

- 1) математический формализм;
- 2) абстрактные или идеализированные объекты;
- 3) модели или теоретические схемы;
- 4) базовые принципы или аксиомы теории;
- 5) теоретические законы.

Весьма продуктивная в методологическом отношении концепция структуры теоретического знания разработана В.С. Степиным. В ней выделяется два основных компонента: частные теоретические схемы (или модели) и фундаментальная теоретическая схема. Частная теоретическая схема, составленная из определенной совокупности идеализированных объектов (или конструкторов), описывает, как правило, достаточно ограниченную область исследуемых явлений.

Фундаментальная теоретическая схема задает концептуальное пространство развитых научных теорий, в которых частные теоретические схемы (или законы) выводятся как следствия из фундаментальных постулатов и принципов.

Кроме того, в языке сложно структурированных современных теорий присутствует ряд высказываний, фиксирующих различные виды связей между отдельными компонентами теоретических знаний. К ним относятся:

- 1) **операциональная** интерпретация теории, характеризующая связи между терминами ее языка и теми экспериментально-измерительными процедурами, которые осуществлялись на эмпирическом уровне познания;
- 2) **семантическая** интерпретация теории, в рамках которой фиксируются связи между различными уровнями и формами собственно теоретических терминов и понятий, отражающих содержание теории;
- 3) **онтологическая** интерпретация теории, в которой воспроизводится совокупность связей между терминами теоретического языка и конструктами научной картины мира.

Будучи тесно связанной с эмпирическим базисом, научная теория отличается своей собственной логикой развития. Построение научной теории представляет собой весьма сложный процесс, сочетающий в себе два основных вектора. Первый из них нацелен на развертывание математического аппарата теории, его детализацию применительно к изучаемой области действительности. Второй – на операции с абстрактными объектами, объединенными в идеализированные модели, репрезентирующие исследуемые фрагменты действительности, их характеристики и связи между ними. Такие операции в рамках мысленных экспериментов являют собой содержательное развертывание научной теории.

Во второй половине XX столетия в философии науки начинает активно обсуждаться проблема оснований и предпосылок научного познания. Это

позволило существенно расширить проблематику структуры научного знания и зафиксировать в ней особый уровень, который стал называться **слоем метатеоретических оснований науки**.

В качестве таких оснований сегодня рассматриваются различные формы ценностных и мировоззренческих структур, которые выполняют различные функции в процессе формирования и развития теоретических знаний. Они не только задают стратегические ориентации научному познанию, но и во многом обеспечивают включение его результатов в культуру соответствующей исторической эпохи. Обычно в состав метатеоретических оснований науки включают философские принципы и категории; общенаучные методологические регулятивы, научную картину мира, стиль научного мышления, концепты здравого смысла и др.

Нередко метатеоретические основания науки разделяют на **доконцептуальные и концептуальные**. Основания доконцептуального уровня составляют положения здравого смысла, образы продуктивного воображения, идеалы и этические нормы, в соответствии с которыми оценивается и интерпретируется научное знание. Как правило, они фиксируются в форме интуитивно-заданных, моральных и эмоционально значимых суждений и оценок. Концептуальный уровень метатеоретических предпосылок научного познания конституируется в формах логико-дискурсивных и вербально-понятийных структур и специально разработанных философско-мировоззренческих идей и концепций.

В последние десятилетия предложены различные варианты и модели метатеоретических оснований науки. Так, например Т. Кун считает, что важнейшим из них является «парадигма». И. Лакатос в этой функции рассматривает «научно-исследовательскую программу», Л. Лаудан – «исследовательскую традицию», С. Тулмин – «когнитивную популяцию». Дж. Холтон – глубинные тематические структуры. Я. Хинтиikka – концептуальную установку.

В отечественной методологической традиции большинство авторов выделяют в качестве базовых форм метатеоретического знания научную картину мира, стиль научного мышления, философские категории и принципы.

Весьма детальная и методологически обоснованная версия этой проблемы предложена В.С. Степиным. В качестве базовых метатеоретических оснований науки он выделяет три блока предпосылочного знания: идеалы и нормы научного исследования; научную картину мира; философские основания науки. Каждый из этих блоков обладает сложной структурой и играет определенную роль в динамике научного знания.

Блок идеалов и норм исследования включает в себя идеалы и нормы: 1) доказательства и обоснования знания; 2) объяснения и описания; 3) построения и организации знания. В идеалах и нормах научного исследования зафиксировано не только принципиальное отличие научного познания от других видов познавательной деятельности и специфические нормативные структуры, характерные для отдельных специальных областей научного познания, но и (что

в первую очередь представляет интерес для философии науки) отличительные особенности стиля мышления определенного периода в развитии научного знания. Идеалы и нормы исследования детерминированы как характером исследуемых объектов, так и мировоззренческими доминантами в культуре определенной исторической эпохи. Их изменение открывает возможность вовлечения в сферу научного поиска объектов принципиально новой природы.

Научная картина мира складывается в результате синтеза знаний, получаемых в разных науках, и содержит в себе общие представления о мире, вырабатываемые на соответствующих стадиях исторического развития научного знания. Научная картина мира не только обеспечивает целостную картину исследуемой реальности, но и выполняет функции исследовательской программы, определяющей постановку задач эмпирического и теоретического исследования и выбор средств их решения, направляя таким образом дальнейшее развитие научного познания.

Философские основания науки составляют фундаментальные идеи и принципы, обосновывающие идеалы, нормы исследования и онтологические постулаты научной картины мира, а также обеспечивающие включение научного знания в культуру. Наряду с функцией обоснования уже полученных знаний философские основания выполняют определенную эвристическую функцию. Фундируя перестройку нормативных структур и картин реальности, они активно участвуют в выработке новых научных знаний. Будучи сложным системным образованием, философские основания науки не совпадают со всем массивом философского знания в культуре. Их формирование предполагает обращение в каждом конкретном случае к наиболее плодотворным философским идеям и адаптацию их к потребностям решения определенных научных задач.

Важнейшей особенностью научного знания является его динамика, т.е. изменение и развитие его формальных и содержательных характеристик в зависимости от временных и социокультурных условий производства и воспроизводства новой научной информации. Возможно выделение различных векторов или направлений развития знания. К ним относят содержательные и структурные изменения в знании, связанные с переходом от протонауки к собственно науке; от незнания к знанию; от одной теории или картины мира к другой концептуально организованной системе знания; от проблемы к гипотезе и далее научной теории и др.

Идея диалектической изменчивости знания была системно обоснована еще Гегелем, который считал, что истина есть процесс, а не готовый результат. Однако в рамках стандартной концепции науки, обоснованной на принципах неопозитивистской программы радикального редукционизма, научное знание рассматривалось прежде всего в аспекте анализа его логической структуры без учета его роста и концептуальных изменений. Именно в неопозитивистской философии науки теоретически обосновывается идея кумулятивной природы динамики знания. Сторонники *кумулятивной* теории научного прогресса (Г.Спенсер, П.Дюгем, А.Пуанкаре и др.) считают, что развитие знания происходит посредством эволюционного и непрерывного накопления

позитивной эмпирической информации и возрастания степеней общности достоверных теоретических моделей и концепций. Такое линейное понимание роста научных знаний абсолютизировало факт его постепенных количественных трансформаций и исключало моменты дискретности и радикального переосмысления научных теорий в процессе исторической динамики науки. Теория кумулятивности исходила из идеализированной предпосылки, согласно которой в науке, в отличие от других формообразований культуры, знание с течением времени не теряется и не подвергается радикальному отрицанию. Оно аккумулируется в форме непрерывного приращения существующего фонда совокупной научной информации.

Однако реальная практика научных исследований показала несостоятельность такого идеализированного представления о научном прогрессе. К середине XX столетия в связи с общим кризисом неопозитивистской философии науки, доктрина кумулятивности становится объектом критического анализа и кардинального переосмысления. Проблема роста научных знаний приобретает статус одной из центральных для многих представителей западной эпистемологии. Особенно активно она разрабатывается в постпозитивистской философии науки и прежде всего в рамках так называемой генетической или исторической ее школы. К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Ст. Тулмин и многие другие философы и методологи науки предлагают такие интерпретации динамики науки, которые не сводятся к процессу непрерывной кумуляции положительного научного знания, а предполагают наличие в этом процессе этапов революционного пересмотра сложившихся теоретических представлений, радикальной смены метатеоретических оснований науки.

Проблема рациональной реконструкции динамики научного знания в очередной раз обострила дилемму логицизма и релятивизма в истолковании реальной истории науки. С одной стороны, в европейской гносеологической традиции, начиная с Евклида, утвердилось представление о науке как системе дедуктивно организованного истинного знания, которое не может быть подвергнуто радикальному переосмыслению. С другой – непредвзятый взгляд на те концептуальные изменения, которые произошли в естественных и гуманитарных науках в течение последних нескольких столетий, не может не убеждать в относительности и релятивности многих, в том числе и фундаментальных научных знаний. К середине XX столетия в философии науки решительно утвердилась идея о том, что развитие научного знания должно рассматриваться как диалектическое единство его экстенсивных и интенсивных изменений. Эта идея обрела статус проблемы научных революций и впервые была системно рассмотрена и обоснована на материале истории физики в знаменитой книге Т. Куна «Структура научных революций».

Куновская концепция революционной динамики науки и несоизмеримости различных парадигм актуализировала проблему **методологического релятивизма**. В частности, в так называемой «анархистской эпистемологии» П. Фейерабенда наука утрачивает черты объективно-истинного знания,

оценивается как обычное верование и своеобразная форма мифологических представлений.

В связи с этими тенденциями все более популярными становятся **антикумулятивные теории** научной динамики, в которых развитие науки изображается в виде перманентной борьбы и смены научных теорий, между которыми нет ни логической, ни содержательной связи и преемственности. Научный прогресс, согласно доктрине антикумулятивизма, приводит к полной релятивизации картины мира и радикальной несоизмеримости исторически сменяющих друг друга научных теорий.

Прогресс науки – это имманентно свойственная для нее тенденция концептуальных изменений, которая позволяет интерпретировать рост научного знания как направленное его развитие к более полным, точным и совершенным формам организации и функционирования науки. Можно выделить два содержательно- семантических аспекта проблемы научного прогресса. Первый из них связан с реконструкцией и объяснением генезиса нового знания, которое продуцируется в актах научного открытия. Как правило, новое знание появляется в процессе разрешения возникших в старой теории проблем и противоречий за счет разработки и обоснования нетрадиционной эвристики. Несмотря на многочисленные попытки разработать адекватные рационально-логические механизмы такой эвристики и генерации нового знания, чаще всего они интерпретируются в терминах интуитивно-бессознательных и недискурсивных познавательных процедур. Иными словами, появление нового знания и связанный с ним общий прогресс науки оцениваются при таком подходе как компетенция психологии научного открытия.

Второй аспект анализа проблемы научного прогресса предполагает рассмотрение общей направленности концептуальных изменений в науке, исследование ее исторической динамики с целью оценить основной вектор этой динамики в терминах прогрессивного, регрессивного или одноплоскостного развития. Рассмотрим некоторые моменты проблемы научного прогресса в этом втором, историческом его аспекте.

Прежде всего, необходимо дать общее определение понятия «прогресс» как особой формы развития сложно организованных системных объектов. Несмотря на дискуссионный характер этой проблемы и наличие различных определений прогресса, данное понятие может быть определено следующим образом. Прогресс – тип развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, связанный с повышением уровня организации и сохранением эволюционных возможностей изменяющихся систем.

Предложенная дефиниция прогресса позволяет сформулировать и обосновать системное представление о критериях прогресса. В рамках такого системного подхода можно выделить три критериальных параметра, интегральная совокупность которых дает возможность с определенной долей полноты и репрезентативности оценить развитие как прогрессивное, либо не являющееся таковым.

1 – Структурный критерий, который означает повышение уровня целостности системы, ее интегральности; такое повышение может осуществляться как за счет усложнения, так и упрощения структуры развивающейся системы.

2 – Функциональный критерий, который означает усложнение взаимосвязей системы со средой ее обитания и на этой основе повышение эффективности ее функционирования, степени ее адаптивности и относительной автономности.

3 – Ценностно-информационный критерий, который означает увеличение количества информации, перерабатываемой системой в единицу времени, а также увеличение количества накопленной информации, способствующей стабилизации и сохранению эволюционной пластичности системы.

Такое комплексное рассмотрение проблемы прогресса создаёт необходимые методологические предпосылки для корректной интерпретации научного прогресса. В рамках этой интерпретации необходимо различать два важнейших параметра научного прогресса:

1) Рост научного знания с позиций его инструментально-объяснительных возможностей. Эти возможности могут трактоваться как увеличение проблем-разрешающей эффективности новой научной теории; как накопление объема полезной информации об исследуемой предметной области и т.д.;

2) Эффективное использование нового научного знания в интересах стабилизации и гармоничного развития той социальной системы, в которой осуществляется генерация этого нового знания.

Для того, чтобы оценить новое научное знание в контексте указанных параметров прогрессивного развития науки (научной дисциплины, теории, картины мира и т.д.) необходимо осуществить процедуру его системной экспертизы. Она включает в себя ряд этапов, на каждом из которых оцениваются определенные характеристики нового знания и производится его сравнение с предшествующими концептуальными и когнитивными структурами.

1. **Инструментальная экспертиза**, в рамках которой оценивается проблем-разрешающая эффективность новой теоретической системы, т.е. ее способность решать конкретные задачи и проблемы, не прибегая к помощи ad hoc гипотез и допущений.

2. **Методологическая экспертиза**, позволяющая оценить новую теорию на ее соответствие эталонам и нормам научного исследования, доминирующим в конкретном научном сообществе, либо характерным для определенной научной дисциплины.

3. **Социокультурная экспертиза**, основной задачей которой является оценка нового знания в аспекте возможностей его успешного освоения в социальной деятельности и перспектив интеграции в конкретно-исторический тип культуры.

В развитии науки выделяют два относительно автономных этапа: эволюционный (экстенсивный) и революционный (интенсивный). В обоснованной Т. Куном модели историко-научного процесса эти два этапа

интерпретируются как соответственно фаза «нормальной науки» и период «научной революции».

Эволюционное развитие не предполагает радикального обновления существующего фонда теоретических знаний. В этот период, как правило, происходит расширение области приложения доминирующих в научной дисциплине теорий, их адаптация к решению новых задач за счет их теоретического объяснения и ассимиляции в рамках принятых стратегий научного исследования.

Революционное или интенсивное развитие науки связано с существенным обновлением и модификацией ее концептуально-теоретического арсенала. В этот период происходит разрешение обострившихся противоречий между теорией и эмпирией. Ассимиляция в рамках старых теоретических представлений перманентно возрастающего объема эмпирических аномалий и контрпримеров не может продолжаться бесконечно, даже с учетом использования новых *ad hoc* допущений и модификаций. Теория утрачивает свой объяснительный и предсказательный потенциал. Наступает стадия ее «сатурации», т.е. момент, когда она оказывается не в состоянии ассимилировать все возрастающий поток эмпирической информации.

Обычно стадии научной революции предшествуют следующие когнитивные и познавательные предпосылки:

1) исчерпание эвристического потенциала наличных систем теоретического знания, т.е. невозможность на их основе осуществлять успешное описание, объяснение и предвидение исследуемых явлений;

2) возрастающая сложность концептуального, логического и математического аппарата теоретической системы знаний за счет все более интенсивного использования *ad hoc* гипотез и искусственных модификаций структуры и языка теории;

3) накопление эмпирических и теоретических аномалий, парадоксов и противоречий, которые не позволяют использовать традиционные для данной теории алгоритмы постановки и решения возникающих задач и проблем.

Однако этих предпосылок для реального осуществления научной революции ещё недостаточно. Она начинается лишь тогда, когда формируется новая креативная идея, выполняющая функции концептуального ядра будущей теории, парадигмы или научной картины мира. То есть, важно подчеркнуть, что наука в целом является строго рациональным предприятием. В ней не приветствуются релятивистские авантюры, а теории, утратившие свои эвристические возможности, перестают использоваться лишь тогда, когда сформулированы хотя бы основы новой теоретической системы. Эта методологическая норма научного познания выражена в известном принципе соответствия, который реализует требования рациональной преемственности между старыми и новыми теориями в процессе исторической динамики науки.

В современной философии науки активно развивается идея, согласно которой период научных революций наступает тогда, когда происходит перестройка исследовательских стратегий, задаваемых метатеоретическими

основаниями науки. Эти основания обеспечивают эволюционный рост знания до тех пор, пока базовые характеристики системной организации изучаемых объектов успешно ассимилируются в рамках существующей картины мира, а методы теоретического освоения этих объектов соответствуют тем методологическим нормативам, которые входят в структуру доминирующего в данную эпоху стиля научного мышления.

По мере развития науки она сталкивается с принципиально новыми типами объектов, которые не могут быть освоены в рамках существующей картины мира и соответствующих ей эталонов и норм научного исследования. В таких ситуациях возникает необходимость перестройки метатеоретических оснований науки, что знаменует собой этап интенсивного роста знаний или научной революции. В зависимости от того, какие конкретно основания науки подвергаются трансформации и изменениям (картина мира, идеалы и нормы науки, философские основания и т.д.) выделяют различные типы научных революций.

Среди существующих типологий научных революций укажем на две из них. Первая обоснована В. Казютинским и предполагает вычленение трех типов научных революций. **Мини-революции**, которые относятся к отдельным разделам или отраслям знаний в рамках конкретной научной дисциплины. **Локальные революции** имеют место тогда, когда концептуальные изменения происходят в рамках научной дисциплины в целом. **Глобальные научные революции** характеризуют собой такие трансформации знания, которые радикально трансформируют существующие представления о предметных и методологических основах науки и приводят к становлению нового видения мира.

В классификации, обоснованной в работах В. Степина, выделяется также три типа научных революций:

- 1) внутридисциплинарные революции;
- 2) научные революции, основанные на междисциплинарных взаимодействиях;
- 3) глобальные научные революции.

Особый интерес представляют именно глобальные революции, поскольку они ведут к изменению сложившихся типов научной рациональности и формированию новых исследовательских стратегий в научном познании. В истории науки выделяют четыре такие революции, сопровождавшиеся сменой типа научной рациональности. Первая свершилась в XVII веке, ознаменовав становление классического естествознания. Вторая произошла в конце XVIII -- первой половине XIX века и привела к формированию дисциплинарно организованной науки. В результате этих революций сформировалась и получила свое развитие классическая наука с характерным для нее стилем мышления. Третья революция, разворачивавшаяся с конца XIX века вплоть до середины XX века, привела к формированию неклассической науки. Начиная с последней трети XX века, происходит четвертая научная революция, влекущая за собой становление постнеклассической науки с присущими ей

отличительными особенностями научной рациональности, включающей гуманистические ориентиры в определение стратегий научного поиска.

1.2.3. Методологический инструментарий современной науки

Научная деятельность людей, как и любая другая, осуществляется с помощью определенных средств, а также особых приемов и способов, т.е. методов, от правильного использования которых во многом зависит успех в реализации поставленной задачи исследования. Поэтому весьма значимой областью философской рефлексии над наукой выступает методология научного познания. Под методологией очень часто понимают систему методов, используемых в некоей области деятельности (в науке, искусстве, технике, технологии и т. д.). Но в контексте философского исследования акцентируется иное смысловое содержание термина “методология”: это прежде всего учение о методах научной деятельности, общая теория научного метода. Включая в сферу своего рассмотрения соответствующие вопросы, методология решает их с гносеологических позиций, дает им гносеологическую оценку, в минимальной степени занимаясь технической стороной дела. Ее задачи заключаются в исследовании возможностей и перспектив развития соответствующих методов в ход динамики научного познания. **Методология науки** представляет собой теорию научного познания, исследующую познавательные процессы, происходящие в науке, формы и методы научного познания. В этом отношении она выступает метанаучным знанием философского характера.

Современная наука представляет собой сложное системное образование, содержательное развертывание которого происходит под влиянием многих факторов, в том числе и в силу действия самых различных методов, в совокупности образующих методологический инструментарий науки. Многоуровневая концепция методологического знания позволяет выделить среди них основные группы с учетом степени общности и широты применения входящих в них отдельных методов. К ним относятся: **1) философские методы**, задающие самые общие регулятивы исследования (диалектический, метафизический, аналитический, феноменологический, герменевтический и многие другие); **2) общенаучные подходы и методы** научного познания, использование которых характерно для целого ряда отраслей научного знания (аксиоматический, гипотетико-дедуктивный методы, эксперимент, описание и т.д.); **3) частнонаучные методы**, применение которых не выходит за рамки отдельных научных дисциплин (количественный анализ в химии, спектральный анализ в физике и т.д.).

Научный метод — это система регулятивных принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание действительности, генерируется новое знание. Методы в науке складываются в результате рефлексии над уже полученными теоретическими результатами в освоении определенной предметной области исследования. Имманентная эвристика сформировавшихся теоретических моделей реальности позволяет осуществить

на их основе процедурное развертывание метода, трансформируя содержание теоретического знания в систему принципов и регулятивов вплоть до отдельных операций, направляющих дальнейшее развитие научного поиска. Каждая научная дисциплина вырабатывает свои специфические приемы и методы исследования, во многом обусловленные особенностями осваиваемых объектов, их характеристик и связей (частнонаучные методы). Вместе с тем в исследовательской практике имеют место эмпирические и теоретические методы, к использованию которых прибегают в разных отраслях научного исследования. Для философии науки первоочередной интерес представляют именно такие общенаучные методы, составляющие важнейшую часть методологического арсенала научного познания.

В процессе генезиса математизированного экспериментального естествознания в XVII- XVIII вв. произошло становление основополагающих методов эмпирического и теоретического исследования. Развитие научного знания на последующих этапах его эволюции существенно обогатило методологический инструментарий, стремительное обновление которого особенно интенсивно происходит в условиях современной информационно-компьютерной революции и формирования постнеклассической науки.

Сообразно специфике исследовательских процедур применяемых для решения научных задач различного характера **общенаучные методы можно разделить на два класса: методы эмпирического исследования и методы теоретического исследования.** Кроме них в научном поиске немаловажную роль играют **общелогические методы познания**, представляющие собой процедурную аппроксимацию общелогических приемов к решению научных задач как эмпирического, так и теоретического характера. К общелогическим методам научного исследования относятся процедуры абстрагирования, обобщения, анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии и моделирования. Вышеназванные приемы играют важную роль в развертывании научного исследования, но все же специфика методологического инструментария науки в первую очередь обнаруживается при обращении к методам эмпирического и теоретического уровней научного познания.

Ориентиры познавательной деятельности, сконцентрированные в содержании общенаучных методов, представляют собой развернутые, системно организованные комплексы, отличающиеся сложной структурой. К тому же сами методы оказываются в непростой связи друг с другом, не сводящейся к отношениям линейной иерархии, когда более сложный метод просто включает в себя ряд исходных, более простых исследовательских процедур. В реальной практике научного поиска методы научного познания применяются в совокупности, задавая стратегию решения поставленных задач. Вместе с тем специфика любого из методов позволяет осуществить содержательное рассмотрение каждого из них в отдельности с учетом принадлежности к эмпирическому либо теоретическому уровню научного исследования.

Основными методами эмпирического уровня являются наблюдение, измерение, эксперимент и описание.

Наблюдение представляет собой систематическое и целенаправленное восприятие явлений действительности, в результате которого достигается знание о внешних свойствах, связях и отношениях исследуемой реальности. Наблюдение всегда носит не созерцательный, а активный деятельный характер. Оно подчинено решению конкретной научной задачи и поэтому отличается целенаправленностью, избирательностью и систематичностью. Научное наблюдение всегда опосредуется теоретическим знанием, поскольку именно последнее определяет объект и предмет наблюдения, цель наблюдения и способ его реализации.

Осуществление развитых форм наблюдения, носящего опосредованный характер, предполагает использование особых средств, и в первую очередь приборов, разработка и воплощение которых также не обходится без привлечения теоретических представлений науки. Средства и инструменты наблюдения, применяемые в современной исследовательской практике, демонстрируют огромные возможности науки в расширении области объектов, доступных эмпирическому познанию.

По мере развития эмпирического познания, относящиеся к нему исследовательские процедуры, в том числе и наблюдение, вбирают в себя **измерение**, в основе которого лежит сравнение объектов по каким-либо параметрам, выраженное численным значением. Выявление количественных параметров осваиваемых предметов, их свойств и отношений с одной стороны предполагает введение эталонов, систем и единиц измерения, а с другой – позволяет использовать математических средства, точнее эксплицировать научные факты и представлять эмпирические зависимости в виде математических выражений, требующих дальнейшего теоретического анализа.

Наиболее сложным и эффективным методом эмпирического исследования является **эксперимент**, суть которого сводится к изучению объекта в искусственно созданных для этого условиях. Обращение к такого рода условиям помогает преодолеть ограниченность различного рода наблюдений и определяет основные достоинства эксперимента. К их числу можно отнести: 1) воспроизводимость корректно поставленного эксперимента, позволяющую восполнить пробелы в получении информации об изучаемом объекте; 2) нарастающую по сравнению с наблюдением избирательность и активность субъекта в исследовании; 3) возможность использования в экспериментальных установках разнообразных факторов, способствующих проявлению глубинных внутренних свойств и характеристик изучаемых объектов; 4) применение в развитых формах экспериментальной деятельности сложных приборных комплексов, обеспечивающих выявление новых объектов исследования и т.д.

Существуют различные виды научных экспериментов (исследовательский, решающий, иллюстративный, модельный и др.), однако каждый из них представляет собой форму целенаправленного и теоретически детерминированного изменения хода естественных процессов и явлений с целью получения знаний о них в «чистом» виде, т.е. в рамках искусственно смоделированной познавательной ситуации, когда становится возможным

получение такого знания об интересующих исследователя свойствах и отношениях изучаемых явлений без деформирующего влияния на них случайных и побочных факторов.

В ходе развития научного познания, несмотря на огромные заслуги в этом процессе теоретического исследования, эксперимент не только не утрачивает свою ценность, но приобретает все большую значимость. Особенно ярко она проявляется, например, при изучении мега- и микромира, в осуществлении которого значительная роль принадлежит современным экспериментальным установкам и входящим в них сложным приборным комплексам, без обращения к которым невозможно не только зафиксировать важнейшие параметры изучаемой предметной области, но даже просто выявить объект исследования и сделать его точкой приложения исследовательских усилий.

Закрепление результатов эмпирического исследования и трансляция их в процессе научной коммуникации осуществляются с помощью метода описания. **Научное описание** представляет собой фиксацию разнообразных сведений, полученных в ходе сравнения, измерения, наблюдения или эксперимента с помощью искусственных языков науки. По мере развития науки меняется и характер данной процедуры, она приобретает все большую строгость, все чаще выступает в виде количественного описания при помощи таблиц, графиков, матриц, т.е. в виде так называемых «протоколов наблюдения», представляющих собой результаты различных измерительных действий.

В отличие от эмпирического, теоретическое исследование, стремясь к раскрытию глубинной сущности изучаемых процессов и явлений, преследует цель не описания, а объяснения выявленных научных фактов и эмпирических закономерностей. Этому способствует обращение к разнообразным познавательным процедурам, исходное место среди которых принадлежит методу идеализации.

Идеализация – это метод, позволяющий сконструировать особые абстрактные объекты, которыми оперирует теоретическое познание, создавая модельные представления об изучаемой предметной области (частные или фундаментальные теоретические схемы). По сути, идеализация представляет собой разновидность процедуры абстрагирования, конкретизированной с учетом потребностей теоретического исследования. Полученные в ходе идеализации абстрактные объекты носят название конструкторов и могут существовать только в языке научной теории, выполняя функции фиксации смыслов соответствующих терминов теоретического языка.

Формирование идеализаций может идти разными путями: 1) последовательно осуществляемое многоступенчатое абстрагирование. Так, например, могут быть получены абстрактные объекты математики – плоскость, прямая, геометрическая точка; 2) вычленение и фиксация некоего свойства изучаемого объекта в отрыве от всех других его свойств. Например, если зафиксировать только свойство физических предметов поглощать падающее на них излучение, возникнет идеализированный объект «абсолютно черное тело». Таким же образом конструируются идеализированные объекты в химии

(«идеальные растворы»), геоботанике («идеальный континент») и в других отраслях науки; 3) рассмотрение отдельных свойств и характеристик объекта в режиме предельного перехода, в результате чего, например, получаются такие идеальные объекты, как «абсолютно твердое тело», «несжимаемая жидкость» и др.

У конструкторов отсутствуют аналоги в объективной действительности, поэтому по отдельности для каждого из них нельзя экспериментально обосновать правомерность и продуктивность его введения и использования. Проверке в конечном счете подвергается теоретическая модель, собранная из идеальных объектов и лежащая в основе некоей научной теории. Успех ее экспериментального обоснования косвенным образом подтверждает правильность и оправданность проведенной процедуры идеализации.

В рамках теоретической схемы, собранной из идеализированных объектов, может быть реализован мысленный эксперимент, в ходе которого осуществляются такие комбинации идеальных объектов, которые в реальной действительности не могут быть воплощены. **Мысленный эксперимент** позволяет ввести в контекст научной теории новые понятия, сформулировать основополагающие принципы научной концепции, осуществить содержательную интерпретацию математического аппарата научной теории. Именно поэтому он знаменует собой один из магистральных путей построения теоретического научного знания. Использование познавательных возможностей мысленного эксперимента обнаруживается еще на ранних этапах формирования теоретического естествознания, например, в творчестве Г. Галилея, наряду с осмыслением и утверждением в науке метода реального натурного эксперимента. По мере развития научного знания сфера применения мысленного эксперимента неуклонно расширяется.

Строгость и логическая выверенность частных и фундаментальных схем в структуре научной теории позволяет соотнести с ними определенные математические модели, выбор и содержание которых в каждом конкретном случае определяется спецификой решаемой научной задачи. Это в свою очередь дает возможность перенести акцент исследовательских усилий на работу в рамках определенного математического формализма, оперировать со знаками, формулами. Таким образом создается обобщенная знаковая модель изучаемой предметной области, позволяющая эксплицировать структуру исследуемых явлений и процессов при отвлечении от их качественной специфики. Суть и последовательность операций, производимых в рамках этой модели, задается правилами используемого математического или логического исчисления, на основе которого она построена, т.е. формально, по определенному шаблону, алгоритму. Эти операции составляют суть **метода формализации**, одним из несомненных достоинств использования которого является возможность ограничить влияние логики здравого смысла и сложившихся стереотипов научного исследования, облегчая, таким образом, генерацию оригинальных результатов. Благодаря методу формализации, новое знание иногда выглядит как полученное буквально «на кончике пера» без непосредственного соотнесения

всех проведенных мыслительных операций с реальными процессами в исследуемой предметной области. Более того, метод формализации помогает выработать общий подход к исследованию целого класса объектов, несмотря на существующие различия между ними, поскольку их объединяют единые структурные характеристики.

Метод формализации открывает возможности для использования более сложных методов теоретического исследования, например **метода математической гипотезы**. Этот метод предполагает: 1) привлечение новых или поиск уже использовавшихся в научном познании математических моделей; 2) перенос их на новую изучаемую область действительности с необходимой последующей трансформацией для моделирования круга вновь исследуемых явлений; 3) использование правил соответствующих математических исчислений для решения задач, имманентных применяемым математическим моделям; 4) необходимость в последующей оценке и содержательной интерпретации полученных новых научных результатов, т.е. в поиске правил, позволяющих соотнести их с опытными данными.

Метод математической гипотезы позволяет повысить результативность научного поиска благодаря усиливающемуся в науке общественному разделению труда. Кроме того, он вбирает в себя многие достоинства метода формализации и обнаруживает особую эффективность в теоретическом освоении таких объектов и областей реальности, которые не осваиваются в наличных формах практики и повседневного опыта. Неслучайно метод математической гипотезы сыграл большую роль в становлении неклассической науки, в частности квантовой механики, которая исследует явления и законы микромира.

Метод формализации является отправной точкой для внедрения в научное познание аксиоматического метода. **Аксиоматический метод** широко применяется не только в математике, где он в первую очередь обнаруживает свою продуктивность, но и в тех естественнонаучных дисциплинах, где используется метод формализации, например, в физике.

При аксиоматическом построении научного знания изначально задается набор независимых друг от друга исходных аксиом или постулатов, т.е. утверждений, доказательство истинности которых в данной системе знания не требуется и не обсуждается. Из аксиом по определенным формальным правилам строится система выводов. Совокупность аксиом и выведенных на их основе предложений образует аксиоматически построенную теорию. Такая теория может быть использована для модельного представления уже не одного, а нескольких классов явлений, для характеристики не одной, а нескольких предметных областей. Отыскание правил соотнесения аксиом формально построенной системы знания с определенной предметной областью называется интерпретацией. Эвристика аксиоматического метода позволяет выстраивать теоретическую систему знания до того, как подвергнута экспликации соответствующая ей область действительности, а затем отыскивать эту область в процессе интерпретации теории, что значительно расширяет прогностические

функции научного исследования. В современном естественнонаучном познании примером формальных аксиоматических систем являются фундаментальные физические теории, что влечет за собой ряд специфических проблем их интерпретации и обоснования, особенно применительно к теоретическим построениям неклассической и постнеклассической науки.

В том случае, когда в качестве правил вывода следствий из аксиом используются положения математической логики, аксиоматический метод приводит к построению формализованных аксиоматических систем – абстрактных знаковых моделей, интерпретируемых на различных классах объектов. Таким образом создаются научные теории большой степени общности, отличающиеся стройной и прозрачной логической структурой.

В силу специфики аксиоматически построенных систем теоретического знания, для их обоснования особое значение приобретают внутритеоретические критерии истинности. К ним следует отнести требование непротиворечивости теории и ее полноты. Первое требование предполагает, что в аксиоматической теории должны отсутствовать логические противоречия, из системы независимых аксиом не должны вытекать исключаящие друг друга положения; второе – сводится к требованию достаточных оснований для доказательства или опровержения любого положения, сформулированного в рамках ее содержания.

Особое место в современном теоретическом исследовании принадлежит **методу вычислительного эксперимента**, широкое использование которого началось в последние десятилетия двадцатого века благодаря стремительному развитию информационно-компьютерной базы научного поиска. Вычислительный эксперимент – это эксперимент над математической моделью объекта на ЭВМ, сущность которого заключается в том, что по одним параметрам модели вычисляются другие ее характеристики и на этой основе делаются выводы о свойствах явлений, репрезентированных математической моделью. Основные этапы вычислительного эксперимента включают в себя: 1) построение математической модели изучаемого объекта в тех или иных условиях. Как правило, она представлена системой уравнений высокого порядка; 2) определение вычислительного алгоритма решения базовой системы уравнений; 3) построение программы реализации поставленной задачи для ЭВМ.

Вычислительный эксперимент, базирующийся на триаде «математическая модель – алгоритм – программа», носит междисциплинарный характер, объединяя в едином цикле деятельность теоретиков, специалистов в области прикладной математики и программистов. На основе накопленного опыта математического моделирования, банка вычислительных алгоритмов и программного обеспечения вычислительный эксперимент позволяет быстро и эффективно решать сложные исследовательские задачи практически в любой области математизированного научного знания – от анализа фундаментальных проблем науки (например, проблемы управляемого термоядерного синтеза), расчетов в области космической техники и наукоемких технологий (расчетов траекторий движения и аэродинамических параметров космических летательных аппаратов, диагностики плазмы, технологий создания материалов с заданными

свойствами, разработок в области вычислительной томографии) до исследования глобальных экологических проблем, гео- и астрофизических явлений (моделирования климатических процессов и их трансформаций под воздействием факторов антропогенного и техногенного характера). Обращение к вычислительному эксперименту позволяет резко снизить стоимость научных разработок и интенсифицировать процесс научного поиска, что обеспечивается многовариантностью выполняемых расчетов и простотой модификаций математических моделей для имитации тех или иных условий эксперимента.

В качестве основных типов вычислительного эксперимента выделяют поисковый, прогностический, оптимизационный, диагностический и др. Особый интерес вызывает распределенный вычислительный эксперимент, позволяющий привлечь к поиску решения поставленной задачи многочисленный отряд пользователей персональных компьютеров, берущих на себя реализацию части общей программы эксперимента путем установки на свой компьютер специальной программы, выполняющей небольшой фрагмент требуемых вычислений. В результате тысячи персональных компьютеров, подключенных к Интернету, работают совместно над одной и той же программой, образуя огромный виртуальный «суперкомпьютер». Примером распределенного вычислительного эксперимента может служить проект *Genom@Home*, призванный, в частности, точнее расшифровать функции отдельных генов в геноме человека.

Таким образом, вычислительный эксперимент предстает в качестве новой технологии научных исследований, фундирующей перспективные стратегии научного поиска.

Использование вычислительного эксперимента, в частности, приводит к появлению в сфере теоретического знания новой формулировки научного закона. Наряду с лингвистической, модельной и процедурной формами закона появляется компьютерная форма научного знания. Она имеет место тогда, когда при отсутствии математической модели исследуемых явлений, последние удовлетворительным образом отслеживаются и контролируются в заданном диапазоне параметров с помощью компьютерных устройств, реализующих определенные программы и скрывающиеся за ними вычислительные алгоритмы. В подобных случаях система алгоритмов и составленных на их основе программ вычислений выступает в качестве одной из формулировок процедурной формы закона – компьютерной формулировки. В результате в современном физическом исследовании закладываются основы так называемой вычислительной физики, для которой формулировки законов в виде уравнений и их систем не являются необходимыми, а эволюция реальной системы, начиная от исходного состояния, моделируется как численный процесс обработки имеющейся информации о системе и ее начальном состоянии. Таким образом, информационные технологии в современном научном познании обеспечивают плюрализм методологических новаций и стратегий научного поиска.

Решение сложных задач научного исследования предполагает использование не только различных методов, но и стратегий научного поиска. К

числу важнейших из них, выполняющих роль общенаучных методологических программ современного научного познания, относится **системный подход**, в основе которого лежит исследование объектов как системных образований. Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что последний ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и фундирующих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую картину. Широкое использование системного подхода в современной исследовательской практике обусловлено рядом обстоятельств, и прежде всего интенсивным освоением в современном научном знании сложных объектов, состав, конфигурация и принципы функционирования которых далеко не очевидны и требуют специального анализа. Несомненным достоинством системного подхода является не только присущая ему возможность выявления более широкой области познания в сравнении с уже освоенной в науке, но и генерируемая им новая схема объяснения, в основе которой лежит поиск конкретных механизмов, определяющих целостность объекта, а также экспликация достаточно полной типологии его связей, требующая своего операционального представления. Одним из наиболее ярких воплощений системной методологии является **системный анализ**, представляющий собой особую отрасль прикладного знания, в рамках которой в отличие от других дисциплин прикладного характера практически отсутствует субстратная специфика: системный анализ применим к системам любой природы.

В последние десятилетия XX века происходит становление **нелинейной методологии** познания, связанной с разработкой междисциплинарных научных концепций – динамики неравновесных процессов и синергетики. В рамках данных концепций складываются новые ориентиры познавательной деятельности, задающие рассмотрение исследуемого объекта в качестве сложной самоорганизующейся и тем самым исторически развивающейся системы, воспроизводящей в динамике изменений основные характеристики целого как иерархии порядков. Утверждение нелинейной методологии познания в современной науке выступает в качестве одного из проявлений процесса становления постнеклассической научной рациональности, нацеленной на освоение уникальных открытых и саморазвивающихся систем, среди которых особое место занимают сложные природные комплексы, в качестве одного из компонентов включающие самого человека, с характерными для него формами познания и преобразования мира.

1.2.4. Логика, риторика и диалектика науки

Формальная логика Аристотеля сформировалась как антитеза софистическим диалогам, которые строились без опоры на критерии, позволившие бы мышлению правильно строить свои суждения, не впадая в противоречия, и выступать гарантами истины. Способы рассуждений софистов, по сути, не имели прямого отношения к логике, т.к. ими преследовалась цель

ввести человека в заблуждение и привести его к ложным выводам. В древнегреческой философии подлинным основателем логики как науки признан Аристотель на том основании, что он систематизировал имеющиеся правила рассуждений, диалектику понятий и во многом придал логике классический вид. В результате она стала изучать основные формы мышления и правила его организации и в последующем развивалась как формальная дисциплина, исследующая логические выводы и виды рассуждений, непосредственно выведенных из имеющегося знания, что придало ей дедуктивный и аксиоматический характер.

Таким образом, предметом формальной логики является изучение форм и приемов мышления людей, т.е. структура их мыслительного процесса. В качестве основных законов формальной логики, выступают закон тождества (любая мысль должна быть тождественна сама себе, а не любой другой); (не) противоречия (невозможно помыслить что-либо одновременно существующим и несуществующим); исключенного третьего (из двух противоречащих друг другу суждений одно является истинным, другое ложным, третьего – не дано). В Новое время Г. Лейбниц сформулировал дополнительно закон достаточного основания (обязательное требование приведения достаточного основания – причины или условия для установления истинности положения дел).

Что касается процесса становления диалектической логики, то Гегель считал, что творцом диалектики в античной философии являлся Платон, в учении которого она впервые встречается в форме диалогического движения мысли, когда идея воплощает себя в стихии интеллектуального мира диалогов. По Платону, диалектик «есть тот, кому доступно доказательство сущности каждой вещи» (Государство, 534b), кто Гегель считал, что творцом диалектики в античной философии являлся Платон, в учении которого она впервые встречается в форме диалогического движения мысли, когда идея воплощает себя в стихии интеллектуального мира диалогов. По Платону, диалектик «есть тот, кому доступно доказательство сущности каждой вещи» (Государство, 534b), кто «умеет ставить вопросы и давать ответы». Анализируя сущность диалектики, он уподоблял ее «карнизу, венчающему все знания, и было бы неправильно ставить какое-либо знание выше нее: ведь она вершина их всех» (534 e).

Но во времена Сократа и Платона смысл данного понятия приравнивался практически к значению слова «логика. В результате диалектика определялась как искусство доказательства и опровержения суждений в речах собеседников, умение в их рассуждениях отличать истинные посылки от ложных. В античности диалектика и стала трактоваться, прежде всего, как метод правильного мышления.

В философии Аристотеля диалектика впервые обретает статус целостного учения о категориях, в системной совокупности которых отражается взаимосвязь и внутренне противоречивая природа движения всего сущего. Средневековая мысль принимает этот смысл диалектики, понимая под ней логику вообще или искусство различения истины и лжи и т. п. В разных трактовках сохраняется традиция использования понятия «диалектика» как способа рационального,

логического мышления. В частности, Пьер Абеляр ставил знак тождества между логикой и диалектикой, в которой он видел инструмент, необходимый в ситуации диспута, устанавливающего правила научного дискурса, в ходе которого могла обсуждаться одна из важных проблем – отношение vox et rex, т.е. отношение имен к вещам.

В новоевропейской философии – это понятие приобретает новые смыслы, заданные немецкой классикой и марксистским учением. Диалектический метод выступает в качестве альтернативы метафизическому способу познания. Гегель в «Науке логики» писал, что «диалектика – это одна из тех древних наук, которая больше всего игнорировалась в метафизике Нового времени...». В его интерпретации диалектика исходит из понятия бытия, которое должно охватывать все сущее и одновременно распространяться на все существующее. Диалектикой он называет то, что осуществляется в развитии триады (тезис-антитезис-синтез) путем двойного отрицания.

Именно Гегель, по оценке Ф. Энгельса, «впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития».

Действительность для Гегеля уже не некая статичная данность, а процесс становления, порождающий нечто новое, источником развития которого является противоречие. Он рассматривал противоречие, лежащее в основе всего сущего, т.к. оно «есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения». Гегелевская логика основывается не на формально-логических законах Аристотеля (у последнего утверждение и отрицание находятся в статичном противостоянии между собой, в результате ничего не порождая), а является диалектической по своему характеру. Гегель исходит из существования реального процесса, который позволяет путем отрицания отрицания поднять противоречие на новый качественный уровень. Тем самым Гегель обосновывает идею становления бытия, идею реального онтологического процесса, что и приводит его к отказу от метафизического метода как не релевантного теоретическому естествознанию.

Таблица 1 – Сравнительный анализ диалектики Г.Гегеля и К.Маркса.

	Диалектика Г. Гегеля	Диалектика К. Маркса
Онтология	– объективно-идеалистическая, основанная на принципе тождества бытия и мышления; – объективное существование мышления (Абсолютной идеи); – саморазвитие Абсолютной идеи как субстанции (объекта) и субъекта всего сущего; – источник развития – противоречие; – отчуждение Абсолютной идеей форм инобытия: природы, культуры;	– материалистическая, основанная на принципе материального единства мира; – объективное существование природы и общества; – саморазвитие природы как субстанции самосущей; – источник развития – противоречие; – отчуждение и самоотчуждение в сфере социального;

	Диалектика Г. Гегеля	Диалектика К. Маркса
	– принципы всеобщей связи и развития.	– принципы всеобщей связи и развития.
Гносеология	– панлогизм: логика как средство познания и принцип конституирования мира; – онтологизация мышления; – диалектика понятий → диалектика вещей; – – познание как самопознание Абсолютной идеи; – – метод познания диалектический.	– теория отражения: сознание как субъективный образ объективного мира; – онтологизация бытия и гносеологизация мышления; – диалектика вещей → диалектика понятий; – познание как переход от чувственного к рациональному и от него к практике; – метод познания диалектический.

Таким образом, диалектика обосновывается Гегелем как теория развития и универсальный метод мышления, базирующийся на идеях развития, всеобщей связи, противоречивости бытия, и конкретизирована в двух фундаментальных пр

а) единства диалектики, логики и теории познания, в котором воплощался тезис о тождестве бытия и мышления;

б) телеологической природы развития, который был призван объяснить механизм начала развития Абсолютного духа.

Итак, на основе идеи всеобщего развития он формулирует общие принципы диалектического подхода к исследованию любого развивающегося феномена. Развитие трактуется как саморазвитие, источник которого, – противоречие. В результате Гегель встроил в центр своего панлогизма именно противоречие. Наряду с принципами, Гегель разрабатывает каталог категорий, диалектически связанных между собой и выражающих развитие бытия «внутри самого себя» от его абстрактного состояния к определенному и конкретному: противоречие, различие, противоположности, качество, количество, мера, скачок, отрицания отрицания, и др. На базе этих категорий, выражающих закономерные связи и отношения, Ф. Энгельсом будут сформулированы известные законы диалектики.

После Гегеля метафизике как методу стал противопоставляться диалектический метод, скоррелированный с идеей деятельностной природы познающего субъекта.

В философии марксизма диалектический метод Гегеля получил высокое признание как революционная сторона его философии. Вместе с тем у Гегеля, как пишет К. Маркс в «Капитале», диалектика «стоит на голове», а ее «надо поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно». Поскольку у Гегеля диалектика – это саморазвитие Абсолюта, поэтому для материалистической философии в такой интерпретации она не приемлема.

Преодоление недостатков гегелевской интерпретации диалектики связано, прежде всего, с тем, что марксизм переходит на позиции материалистической точки зрения, согласно которой в человеческих понятиях отражается действительный мир вещей. Вместе с этой позицией утверждается в начале

марксистская диалектика, а впоследствии на ее основе развивается дочерняя марксистско-ленинская диалектика. Тем самым, по признанию Ф. Энгельса, «гегелевская диалектика была перевернута» и «вновь поставлена на ноги».

Материалистическая диалектика основана на принципах материального единства мира, всеобщей связи и развития, поэтому философия марксизма идентифицируется как учение о всеобщей связи и развитии природы, человеческого общества и мышления. В философии марксизма диалектика разрабатывается в качестве всеобщей теории бытия и метода познания.

В XIX в. формируется неклассическое теоретическое естествознание, что актуализирует проблему его философских оснований. В связи с этим Маркс и Энгельс исходили из того, что продуктивная разработка методологических и гносеологических установок естествознания во многом зависит от развития общей теории объективной диалектики. При этом в качестве одной из важнейших предпосылок анализа теоретического знания выдвигается ими положение о том, что характер предмета исследования должен оказывать влияние на само исследование, и, следовательно, объективная диалектика самого предмета детерминирует диалектику его познания и превращает диалектическое мышление в наиболее важную форму мышления для естествознания. Именно диалектика, считает Энгельс, является самой правильной формой мышления.

Структуру диалектики как теоретической системы образуют принципы, законы и категории.

Ее основные принципы:

1) развития – любая вещь, явление мира постоянно развивается, т.е. переходит из одного качественного состояния в другое. Тем самым, данный принцип фиксирует динамику всех вещей и явлений реальности;

2) всеобщей связи - любое конкретное явление в мире находится в определенной зависимости от других явлений (т.е. связано с ними), оказывая, в свою очередь, влияние на них.

Связи, которые носят общий, существенный, необходимый и устойчивый характер, называют законами.

Традиционно законы диалектики подразделяют на:

- 1) основные (раскрывают сущность развития);
- 2) неосновные (дополняющие картину развития).

Основные законы диалектики:

- закон единства и борьбы противоположностей, или закон противоречия: внутренние противоречия, присущие вещи, являются источником развития вещи (закон определяет источник развития);
- закон перехода количественных и качественных изменений: количественные изменения, происходящие с вещью, нарушают ее меру, тем самым вызывают ее переход к новому качественному состоянию. Мера – это граница количественных и качественных изменений. Скачок – форма перехода количества в качество. Различают скачки по механизму: постепенные и «со взрывом»; по

времени: быстрые и медленные (этот закон раскрывает механизм развития);

- закон отрицания отрицания – развитие есть единство движения вещи к новым качествам и повторение на новой основе отдельных свойств прежних качеств, т. е. происходит «возврат якобы к старому» (закон указывает направление развития).

Ф.Энгельс в формулировке основных законов диалектики отсылает к Гегелю и указывает, что они «впервые развиты всеобъемлющим образом, но в мистифицирующей форме» (Анти-Дюринг). В варианте Энгельса («Диалектика природы») они сформулированы следующим образом:

- Закон перехода количества в качество и обратно.
- Закон взаимного проникновения противоположностей.
- Закон отрицания отрицания.

Недостаток гегелевской интерпретации законов, с точки зрения Ф.Энгельса, состоит в том, что он их рассматривал «на идеалистический манер как законы мышления» и «не выводит из природы и истории».

Неосновные законы диалектики выражаются в виде бинарных категорий, отражающих отношения противоположных сторон объекта, но находящихся в диалектическом единстве:

- закон единичного и общего: всякое общее присутствует в единичных свойствах и связях развивающегося явления;
- закон необходимости и случайности: необходимость осуществляется в развитии явлений через случайности и дополняется ими. Синергетика показала, что случайность имеет такой же онтологический статус, как и необходимость, поэтому способна порождать новую необходимость;
- закон причины и следствия: свойства и связи развивающегося явления есть следствие той или иной причины. Однако современная наука показала, что следствие не всегда напрямую связано с причиной, поскольку ее роль может выполнить повод, т.е. это говорит о том, что здесь нет жесткой детерминации причинно-следственных отношений;
- закон возможности и действительности: развитие явления представляет собой превращение, заложенных в нем возможностей в новую действительность с иными возможностями;
- закон сущности и явления: в свойствах и связях развивающегося явления раскрывается его сущность;
- закон содержания и формы: форма развития явления определяется его содержанием, но и форма способна влиять на содержание данного процесса;
- закон части и целого: развивающееся явление представляет собой целостное взаимодействие своих частей.

В XX в. достаточно серьезной критике диалектику подверг К. Поппер, придавая большое значение не только философским системам Гегеля и Маркса, но и роли противоречий в формальной логике и диалектике. Он считал, что теоретики диалектики приписывали ей две несовместимые функции: 1) быть эмпирической дескриптивной теорией, устанавливающей, что некоторые

события или некоторые исторические процессы происходят определенным образом – в соответствии с диалектической триадой тезис – антитезис – синтез; 2) быть фундаментальной теорией, подобной формальной логике и даже заменяющей ее.

Что касается статуса противоречий в диалектике, то Поппер был согласен с тем, что в каком-то смысле они плодотворны и способствуют прогрессу, однако, только до тех пор, пока мы полны решимости никогда не мириться с противоречиями. Только благодаря такой решимости, выявление противоречий побуждает нас к изменению теорий. Поэтому, по его мнению, единственной «силой», движущей диалектическое развитие, является решимость не мириться с противоречиями между тезисом и антитезисом. Попперовский остракизм прежде всего был направлен против статуса диалектики как универсального метода, способного объяснить и разрешить любую проблемную ситуацию в разных сферах бытия.

Вместе с тем диалектика интенсивно использовалась в качестве методологического основания для развивающегося естествознания XX в. и построения теории методологии, которая стала разрабатываться со второй половины XX в., что, в первую очередь, характерно для марксистско-ленинской традиции. В это время использовался уже новый – генетически-конструктивный методологический подход, позволивший рассматривать научную теорию как развивающуюся систему знания и выявивший существование более общих, чем теория, форм систематизации знаний (научная картина мира, идеалы и нормы научного исследования, философские основания). Решение данных проблем осуществлялось на материале дисциплинарного естествознания как идеологически менее ангажированного (работы Б.М.Кедрова, В.И.Кузнецова, Н.Ф.Овчинникова, В.С.Степина и др.). Несомненно, возникал и вопрос о соотношении диалектической и формальной логики, корифеями в которых были Э.В.Ильенков с его проектом диалектической логики, А.А.Зиновьев, Б.А.Грушин и др.

Диалектическая методология в советский период, после работ Гегеля, Маркса и Энгельса, стала своеобразным трендом в области анализа философских проблем и формирования диалектического мышления. Привлекательность позиции Гегеля связана не только с тем, что он обосновывал идею становления бытия, идею реального онтологического процесса, но и с тем, что, разрабатывая диалектическую логику, отказывает в господстве метафизической методологии. В результате диалектическая логика им утверждается в качестве средства познания и принципа конституирования мира, онтологизируется и само мышление. При всех похвалах стратегии Гегеля с его обоснованием диалектики понятий, идеи саморазвития, противоречия, как источника развития, принципов всеобщей связи и развития, марксизм пошел своим путем, кредо которого сформулировал К. Маркс в «Капитале»: диалектика «стоит на голове», а ее «надо поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно». Преимущество альтернативных подходов просматривается в

признании того факта, что диалектика, как ее определил Ф. Энгельс, является самой правильной формой мышления.

Диалектическая логика, как правило, отождествляется с диалектикой как философским учением о развитии мира, познания и мышления. В тоже время она имеет и более узкое знание, поскольку диалектическую логику определяют, как учение о законах, приемах, методах диалектического мышления, направленного на развитие знания.

Вся система марксизма, по В.И. Ленину, требует рассматривать каждое положение а) исторически; б) лишь в связи с другими; в) лишь в связи с конкретным опытом истории. На этом основании Ленин формулирует принципы диалектической логики:

- чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредования», т.е. требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления.
- диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении», изменении.
- вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.
- абстрактной истины нет, истина всегда конкретна.

В СССР диалектическая проблематика занимала в философских исследованиях приоритетное место, принципы диалектики широко использовались в онтологии, теории познания, историческом материализме, естественнонаучной методологии и т.д. Диалектика выступала универсальной методологией изучения любых типов объектов и анализа разнообразных сфер бытия. **Принцип развития и всеобщей взаимосвязи** играют роль методологической основы системного анализа в естествознании, проблема противоречия приобрела конкретный методологический смысл при изучении характера антиномий, выступающих механизмами развития современной математики, биологии, лингвистики и других наук. И. Пригожин и И. Стенгерс полагают, что уже в системе Гегеля предусмотрены возрастающие уровни сложности, а в философии природы он исходит из презумпции качественных различий между простым поведением, описываемым механикой, и поведением более сложных систем.

1.2.5. Наука как социальный институт и доминантная ценность в современной культуре

Развернутая характеристика науки как особого социального института позволяет существенно расширить представление о ней и зафиксировать её место и роль в системе общественного разделения труда. Такой ракурс исследования науки дает возможность охарактеризовать её как совокупность организаций и учреждений, функционирующих в соответствии с особыми правилами и императивами; как систему отношений и ролевых функций

возникающих в научных сообществах на различных стадиях исследовательского процесса; в форме фиксации и обоснования ее социального статуса, реализующегося в разнообразных взаимосвязях с конкретно-историческим типом общества; посредством анализа основных форм и методов профессиональной коммуникации в науке.

Процесс институализации науки начинается в XVII столетии в Западной Европе, в результате которого возникают первые академические учреждения. Так, в 1660 году организуется Лондонское королевское общество, в 1666 году – Парижская академия наук, в 1774 году – Петербургская академия наук и др. Затем начинают формироваться различные профессиональные ассоциации и объединения учёных, коммуникация и деятельность в которых определялись, в первую очередь, нормами и правилами научного поиска. К ним можно отнести «Французскую консерваторию (хранилище) технических искусств и ремесел» (1795), «Собрание немецких естествоиспытателей» (1822), «Британскую ассоциацию содействия прогрессу» (1831) и др. Так возникает особый тип сообщества (Республика учёных), утверждающий новые формы коммуникации как внутри этой профессиональной корпорации, так и на внешнем уровне в процессе взаимодействия с различными социальными институтами.

Институциональная интерпретация науки впервые обосновывается в рамках **социологии науки**, как одной из важнейших форм её дисциплинарного исследования. Формирование социологии науки происходит в 30-е годы XX столетия и обычно связывается с деятельностью таких ученых, как Дж. Бернал, П. Сорокин, Т. Парсонс и, в особенности, Р. Мертон. Однако необходимо отметить, что конституирование социологии науки, как специфической формы дисциплинарно организованного знания опиралось на значительную традицию социально-философских исследований науки и научного познания, которая была представлена в трудах Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, М. Шелера, К. Мангейма и др. философов и социологов.

И все же безусловный приоритет в разработке и обосновании социологии науки как относительно самостоятельной области исследования, имеющей свой предмет, специфический категориальный аппарат и особые методы познания принадлежит одному из крупнейших социологов XX века *Роберту Кингу Мертону* (1910–2003). Его принято считать основоположником «институциональной» социологии науки, поскольку главным в его концепции является обоснование особого статуса науки как социального института. Понятие «социальный институт» трактуется в западной социологии как устойчивый комплекс формальных и неформальных правил и норм, регулирующих человеческую деятельность и организующих её в систему ролей и статусов.

По мнению Р. Мертона, особенность науки как социального института определяется, в первую очередь, тем, что только она дает нам объективно-предметное и истинное знание. Основным механизмом, определяющим функционирование науки, является совокупность норм и императивов, регулирующих профессиональную деятельность учёных как членов научного

сообщества. Эти правила профессионального поведения обеспечивают своеобразие науки как социального института и гарантируют его стабильное функционирование, несмотря на то что учёные рассредоточены в пространстве и времени и включены в различные социокультурные системы. Обязательный для науки комплекс ценностей и норм, который Р. Мертон называет «научным этосом», включает в себя четыре основополагающих «институциональных императива»: универсализм, коллективизм или общность, бескорыстность и организованный скептицизм.

Универсализм – предполагает независимость результатов научной деятельности от субъективно-личностных контекстов научного познания, поскольку наука продуцирует объективно-личностное знание, являющееся инвариантным независимо от условий, места и времени. Согласно данному императиву, наука – это интернациональное и демократическое предприятие.

Коллективизм – предписывает учёному незамедлительно передавать плоды своих трудов в общее пользование, т. е. сразу же после тщательной проверки научных результатов знакомить с ними всех членов сообщества без каких бы то ни было предпочтений. Научные открытия образуют общее достояние и принадлежат исследовательскому коллективу. Учёный как автор открытия может претендовать только на право приоритета, но не собственности, что гарантирует ему лишь профессиональное признание и уважение.

Бескорыстность – означает такое требование к профессиональному поведению учёного, которое не предполагает учитывать никакие интересы, кроме достижения истины. Этот императив направлен на радикальный запрет любых действий с целью приобретения признания за пределами научного сообщества (финансовый успех, власть, слава, популярность и т. д.)

Организованный скептицизм – требует детальной и всесторонней проверки любого нового научного результата. Для науки не существует ничего «святого», огражденного от методологических сомнений и критического анализа.

Таким образом, согласно Р. Мертону, названная комбинация норм или императивов обеспечивает функциональную цель науки – продуцирование нового объективно-истинного знания и его дальнейшее развитие. Возникает вопрос, почему учёный поступает именно таким образом, в чём причина соблюдения им указанных норм профессионального поведения. Р. Мертон считает, что основополагающей мотивацией, в данном случае, является стремление учёного к профессиональному признанию в научном сообществе. Следовательно, действенность норм научного этоса основана на предположении о полной рациональности поведения учёного. Однако впоследствии, Р. Мертон отказывается от этого идеализированного представления о реальной практике научных исследований. Он анализирует такие явления в жизни науки, как конкуренция, подозрительность, зависть, скрытый плагиат и т. д. В результате обосновывается вывод о существовании так называемой «социологической амбивалентности», т.е. двойственности и противоречивости мотивов и, соответственно, профессионального поведения учёного. Исследуя приоритетные

конфликты и феномен многократных открытий, Р. Мертон заключает, что реальные отношения в науке существенно отличаются от их идеализированной модели, описываемой в рамках институционально-нормативной парадигмы. В работе «Амбивалентность учёного» он рассматривает целый ряд противоположно направленных нормативных требований, которые реально регулируют научно-исследовательскую деятельность. Так, например, учёный должен как можно быстрее сообщать о своих новых результатах членам научного сообщества. Вместе с тем, он обязан тщательно их проверять и не торопиться с публикацией. Далее, учёный обязан быть восприимчивым к новым идеям и концепциям. Однако, при этом он не должен поддаваться интеллектуальной моде и последовательно отстаивать свои научные взгляды и принципы и т.д. Развивая идею амбивалентности, Р. Мертон осуществляет комплексный анализ бытия науки и выделяет четыре основных роли, которые может выполнять учёный на разных стадиях его профессиональной карьеры: исследователь, учитель, администратор, эксперт.

Во второй половине XX столетия мертонианская нормативная парадигма в социологии науки подвергается систематической критике и в значительной мере уступает свои позиции социо-когнитивной парадигме (М. Малкей, У. Коллинз, К. Кун и др.) В рамках этого подхода наука всё более осязаемо лишается своего объективно-эпистемологического статуса и начинает интерпретироваться, прежде всего, как социокультурный феномен, детерминированный этнонациональными, коммуникационными и другими социальными и ценностными факторами.

Институциональный подход к науке позволил обосновать репрезентативную классификацию её организационных форм, доминирующих на различных этапах развития общества. Выделяют так называемую **«малую» и «большую» науку**. Малая наука представляет собой такую совокупность её организационных форм, которая преобладала в классический период её существования. В это время научная деятельность ещё не стала широко распространённой профессией и не выступала в функции основы технологий производства и социально значимых типов деятельности. Лишь в XX столетии, когда формируется развитая инфраструктура науки (широкая сеть научно-исследовательских и информационных центров; система высшего и постдипломного образования, включающая в свой состав различные научно-исследовательские учреждения; промышленные и производственные корпорации, интегрированные со структурами отраслевой науки и др.), возникает «большая» наука. Она приобретает статус одной из самых приоритетных форм деятельности, обеспечивающей современным обществам возможности устойчивого развития и высокого качества жизни. К концу XX столетия численность учёных в мире превысила 5 млн. человек, хотя, по некоторым экспертным оценкам, в структуре динамично развивающихся обществ постиндустриального типа количество профессионально занятых в науке может приближаться к 6–8 % трудоспособного населения страны. Сегодня мировая наука включает в свой состав более 15 тысяч научных дисциплин и

междисциплинарных исследовательских стратегий. Практически необозримые потоки научной информации ставят задачу глобальной инвентаризации фондов современного научного знания и оптимальной классификации нескольких сотен тысяч научных изданий, журналов и других форм трансляции знаний. В некоторых новейших направлениях и дисциплинах науки совокупный объём научной информации удваивается каждые 2–3 года. Таким образом, большая наука становится не только важнейшим фактором развития многих сфер производства, но и выступает в функции основополагающей социокультурной инстанции любого современного общества.

В середине XX века экспертами ЮНЕСКО была предложена иная классификация форм организации и проведения научных исследований. В рамках этой классификации выделялись: 1) фундаментальные научные исследования; 2) прикладные исследования; 3) опытно-конструкторские разработки. В отечественной традиции вся совокупность этих научно-исследовательских работ обозначалась аббревиатурой НИОКР (научные исследования и опытно-конструкторские разработки).

С развитием научно-технического прогресса и активным внедрением наукоёмких технологий в структуру основных типов деятельности данная типология всё более рельефно обнаруживает свою ограниченность и неадекватность. В современных обществах, когда научное сопровождение становится необходимым условием успешности и эффективности большинства форм и типов деятельности, нередко все три названных разновидности научных исследований пересекаются и взаимообуславливают друг друга. В таких случаях говорят о междисциплинарных или комплексных научных исследованиях. Примером этих ситуаций могут быть проекты и программы социально-экологического мониторинга городов и урбанизированных комплексов, научного сопровождения модернизации и реформирования экономической, социальной, культурной подсистем общества и др.

Реально функционирующая система научных исследований органично соединяет в себе две диалектически взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, она всегда ориентирована на генерацию нового знания и интеллектуальных инноваций. С другой – сама наука, как социальной институт, может существовать лишь при условии сохранения исследовательских традиций и преемственности в деятельности научных сообществ. Одной из форм такой преемственности в науке является формирование и развитие научных школ.

Научная школа – это интегрированный единой программой и общим стилем мышления коллектив исследователей возглавляемый, как правило, широко известным и признанным учёным, выполняющим в данном коллективе функции лидера и генератора идей. В науковедении различают классические и современные научные школы. К первым относят возникшие в XIX веке на базе крупнейших европейских университетов научно-исследовательские центры, которые наряду с образовательными задачами решали и проблемы научной сферы. Второй тип научных школ появляется уже в XX столетии, когда формируются адресные научные программы, выступающие как социальный

заказ, а их выполнение определяется уже не столько ролью и влиянием научного лидера школы, сколько базисными целевыми установками исследования.

В современной социологии науки принято различать «внутреннюю» и «внешнюю» социальность науки или её микроконтекст и макроконтекст.

Первый уровень социальности обычно интерпретируют как структурно-функциональную зависимость науки от характеристик научного сообщества или исследовательской группы. Второй – рассматривают как форму общей социокультурной детерминации научной деятельности и её взаимосвязей с экономикой, политикой, бизнесом, культурой и другими подсистемами социальной жизни.

Продуктивность такой дифференциации различных контекстов социокультурной природы науки подтверждается её использованием не только в социологических, но и в философско-методологических исследованиях научного познания. Так, например, один из широко известных представителей критического рационализма И. Лакатос в своём анализе структуры и динамики науки вычленяет «внешнюю» и «внутреннюю» её историю. В рамках первой реконструируются социальные и социально-психологические контексты существования и развития научных исследований. Вторая же предполагает рационально-логическую реконструкцию динамики основных идей и концепций науки, развивающихся в пространстве так называемого «третьего мира», по К. Попперу, в соответствии с имманентными для науки законами и правилами.

В социологии рассмотренная дифференциация различных контекстов бытия науки в конкретной социокультурной среде обнаруживает себя как разделение **когнитивной и социальной** её институализации. Согласно Р. Уитли, когнитивная институализация обнаруживает себя в форме интеллектуальной и социально-психологической или ментальной скоординированности членов дисциплинарного сообщества и возникающей в связи с этим приверженности к единым эталонам и нормам исследования, а также общему для всей группы учёных стандарту профессиональной корпоративности. При этом достигается достаточно высокая степень лингвистической и символической инвариантности совместной исследовательской деятельности, что весьма важно как для достижения эффективных и объективно значимых результатов в науке, так и для плодотворной коммуникации внутри научного сообщества. В этом смысле когнитивная институализация позволяет успешно идентифицировать предметную область исследования или формирующееся направление в науке и достаточно эксплицитно отличать их от конкурирующих стратегий научного поиска.

Социальная институализация – это степень интегрированности учёных в рамках формальных структур научной деятельности, таких как дисциплинарные сообщества, ведущие журналы, этические кодексы, социально-нормативные системы контроля и регуляции профессионального поведения. Этот тип институализации проявляется в формах социального признания той или иной научной корпорации, а также возможных её взаимосвязей с различными подсистемами общества. Наука является неотъемлемым и органичным

компонентом современных интенсивно развивающихся обществ. Причём многочисленные и многообразные формы взаимосвязи науки и социальной жизни могут быть, с известной долей упрощения, классифицированы по двум важнейшим основаниям:

1) использование научных знаний, средств и методов науки для решения актуальных проблем социально-экономического, политического и культурного развития современных обществ в условиях глобализации;

2) разработка эффективных и адекватных реально функционирующей науке форм, средств и методов социального контроля над ней, а также тщательно дифференцированной градации исследовательских приоритетов и критериев материально-инвестиционной, моральной и символической поддержки научного сообщества.

К важнейшим направлениям социальной институализации науки можно отнести следующие формы и уровни её взаимосвязи с обществом:

- наука и современные инновационные технологии в сфере экономики и бизнеса;

- наука и рационализация форм и технологий социального управления;

- наука и динамика социально-политических процессов на государственном и межгосударственном уровнях;

- сложная конфигурация отношений между наукой и властью, которая обнаруживает себя как в превращении научного знания в реальный властный ресурс, когда наука становится эффективной формой господства и социального контроля, так и в использовании современных научных достижений в интересах социального управления и манипулирования общественным и индивидуальным сознанием;

- наука и образование, в процессе взаимодействия которых становятся возможными не только передача и трансляция социально накопленного опыта, но и профессиональная социализация личности как субъекта конструктивно-творческого отношения к действительности.

Одним из актуальных направлений исследования науки как социального института является социокоммуникативный подход к её анализу и интерпретации.

Научная коммуникация – это совокупность видов и форм профессионального общения в научном сообществе, а также передачи информации от одного его компонента к другому. Хотя наличие коммуникации как формы интенсивного информационного обмена между членами научного сообщества всегда признавалось существенной характеристикой научной деятельности, объектом специального анализа она становится лишь в конце 50-х – начале 60-х годов XX века. Этот анализ был инициирован так называемым «информационным взрывом» и преследовал цель разработать оптимальные пропорции и структуры научного архива, а также массива публикаций и научно-технической информации в мировой и, в частности, американской науке в послевоенных условиях.

Благодаря деятельности известного американского науковеда Д. Дж. Прайса и его школы была развита особая область исследований науки, которая получила название **«наукометрия»**. Основной задачей наукометрических исследований считалось рассмотрение и анализ структуры и особенностей информационных фондов науки, а также основополагающих направлений профессиональной коммуникации в науке, специфики информационно-коммуникационных потоков в ней. При этом соответствующую интерпретацию получили практически все основные информационные процессы в науке, начиная с массива дисциплинарно ориентированных публикаций и важнейших информационных мероприятий (конференции, симпозиумы, конгрессы и др.), и кончая функционированием разветвлённой системы научно-технической информации, а также неформальными межличностными контактами учёных, интегрированных в рамках отдельных дисциплинарных сообществ и исследовательских групп.

Изучение коммуникаций в науке имело большое значение и позволило обосновать множество моделей их описания. Выделяют **познавательные модели** научной коммуникации, в которых акцентируется внимание на когнитивно-информационных аспектах научной деятельности, и основной задачей сообщества считается максимально возможное приращение фонда имеющейся научной информации. Наряду с познавательными существуют также **социально-организационные модели** научной коммуникации, выделяющие в качестве приоритетных стратификационные моменты в реальном общении учёных, решающих те или иные проблемы научных школ или профессиональных сообществ.

Обоснование указанных моделей научной коммуникации позволило выделить и проанализировать различные её виды и формы, представив, таким образом, науку как сложный тип духовного производства, интегрированный различными коммуникационными взаимодействиями учёных на всех стадиях научно-исследовательской деятельности. Различают следующие формы научной коммуникации:

1) **Формальная и неформальная коммуникация**; первая предполагает документальную фиксацию научного знания в виде статьи, монографии или иной публикации; вторая – базируется на таких технологиях общения, которые не требуют письменного оформления и последующего воспроизведения в научной литературе либо электронных средствах информации.

Средства формальной коммуникации, в свою очередь, могут быть разделены на *первичные и вторичные*. К первичным относятся научная статья, монография, опубликованные тезисы докладов на научных конференциях и др. Вторичные средства включают в себя рефераты различных научных публикаций, аналитические обзоры, рецензии, тематические библиографии и др. В последние десятилетия в качестве важного источника вторичной информации нередко используют издаваемый Филадельфийским институтом научной информации «Указатель научных ссылок» («Science Citation Index»), или индекс цитирования. Он представляет собой непрерывно пополняемую систему информационных баз

данных по всем областям современной науки, существующую в виде систематических ссылок на работы предшественников в той или иной сфере исследований.

Значительно труднее выделить и классифицировать средства неформальной коммуникации, к которым, как правило, относят различного рода беседы, обсуждения, дискуссии, а также совокупность допубликационных научных материалов (рукописи, препринты, научно-исследовательские отчёты и др.)

2) **Устная и письменная коммуникация.** В связи с этим разделением важно зафиксировать основные формы трансляции знаний в культуре, в значительной мере, определяющие исторически конкретные типы взаимодействия учёных как в структуре научных сообществ, так и в более широких социальных контекстах.

Начиная с XVI столетия в связи с изобретением книгопечатания главной формой закрепления и трансляции знаний в науке становится книга, в которой, как правило, излагались, не только определённые научные результаты, но и содержалось их развёрнутое и систематическое обоснование. В таких фолиантах были представлены как конкретные научные сведения о различных явлениях и процессах, так и их философская и мировоззренческая интерпретация, принципы и формы включения научных знаний в существующую картину мира. Так работали все выдающиеся учёные того времени (Галилей, Ньютон, Декарт, Лейбниц и др.)

Однако по мере развития науки и расширения её предметного поля возникала потребность в разработке новых средств информационного обмена и коммуникаций между отдельными учёными, которые бы позволяли обсуждать не только глобальные вопросы и проблемы философско-мировоззренческого уровня, но и локальные, текущие задачи. Именно в связи с этой потребностью формируется следующая форма научной коммуникации и передачи знаний – *систематическая переписка между учёными*, которая в основном осуществлялась на латинском языке и была посвящена обсуждению путей и результатов научных исследований.

Впоследствии переписка между учёными заменяется статьёй в научном журнале, которая становится следующей исторической формой трансляции знаний. По мнению Д. Дж. Прайса, уже к XVIII столетию научные журналы значительно потеснили книги и огромные фолианты, создавая предпосылки для обобщения и интеграции совокупного научного знания во втором эшелоне науки. Такая интеграция стала осуществляться через подготовку и издание учебников, хрестоматий, справочников и энциклопедий. К XIX веку статья приобретает статус основной информационной единицы научного архива и выполняет функции базисного элемента в профессиональной коммуникации учёных.

В современных условиях информационные технологии и глобальные коммуникационные сети существенно изменяют основные формы трансляции знаний и, соответственно, возможности для их хранения, обработки и передачи как внутри профессиональных сообществ, так и за их пределами. Эти

возможности радикально модифицируют структуру и целевые ориентации профессионального общения учёных, и всё более осязаемо погружают их в пространство виртуальной реальности с перспективой взаимодействовать в ней с системами искусственного или интегрального интеллекта.

3) Различают также **личностную и безличностную, непосредственную и опосредованную, планируемую и спонтанную** формы научной коммуникации. Выделение этих форм позволяет существенно дополнить представление о возможных способах и типах организационно-институциональной структуры современной науки. В частности, определённый интерес в связи с этим, представляет рассмотрение такой специфической формы профессионального объединения учёных, как **«невидимый колледж»**. Данный термин, введённый ещё Дж. Берналом, был впоследствии развёрнут Д. Дж. Прайсом в гипотезу о «невидимых колледжах» как особых научно-коммуникационных структурах, имеющих достаточно устойчивую конфигурацию и эффективно работающих, несмотря на то что они не опираются на формально организационные ресурсы.

Таким образом, анализ отмеченных аспектов и измерений науки как социального института позволяет значительно расширить информационное поле для её дальнейших исследований, обоснования более полных и комплексных моделей структуры, динамики и основных функций науки как одного из важнейших формообразований культуры, сущностно определяющих перспективы и стратегические приоритеты развития современной цивилизации.

Наука в системе социальных ценностей. Возникновение науки как специфической формы познавательной деятельности и ее институционализация в новоевропейской культуре были связаны с обоснованием особого аксиологического статуса научного знания. Начиная с Галилея и Бэкона в европейском сознании утвердилось мнение о ценностной нейтральности естественных наук, их беспристрастности и объективности в противоположность рефлексивным формам культуры и гуманитарному знанию. Считалось, что именно наука в отличие от философии, морали, религии способна отразить мир в его объективных и не зависящих от ценностных устремлений человека свойствах и характеристиках. Именно стремление к истине и объективному познанию мира составляли основу эпистемологического идеала науки и требовали обязательной элиминации из нее всего того, что было связано с субъектом и формами его духовно-чувственного опыта. Однако, как справедливо заметил выдающийся немецкий ученый М.Борн, это был прекрасный сон, от которого нас пробудили мировые события.

И действительно, развитие науки и активная ассимиляция новых научных знаний в структуре производства и социальных технологий убедительно продемонстрировали несостоятельность идеализированного представления о науке как аксиологически нейтральной форме познавательной деятельности. Сегодня уже никто не оспаривает того безусловного факта, что наука является социокультурным феноменом и самым активным образом влияет на формирование базовых установок образа жизни современных обществ,

способствует росту их благосостояния и устойчивому развитию как в региональном, так и глобальном его измерении.

Вместе с тем стратегические приоритеты техногенной цивилизации вызвали к жизни и негативные процессы, чреватые глобальными проблемами и возможной дестабилизацией различных подсистем социума. И опять же к этим процессам причастной оказалась наука, поскольку без нее становится практически невозможной стратегия перманентной экспансии человека во все новые и новые сферы бытия природы и общества. Таким образом, в современной культуре наука приобретает статус не только формально значимого для жизни человека социального фактора, но и становится безусловной ценностью, способной реализовать себя как в позитивном, так и в негативном смысле.

Говоря о науке как ценности, обычно выделяют два основных ее аксиологических измерения:

- 1) мировоззренческая ценность науки;
- 2) инструментальная ценность науки.

1. Мировоззренческая ценность науки определяется тем принципиальным обстоятельством, что, начиная с возникновения и утверждения гелиоцентрической системы мироздания, обоснованной Н. Коперником, и кончая самыми последними открытиями в области молекулярной биологии, космологии, когнитивной психологии и других дисциплин, наука выполняла и продолжает выполнять важнейшие функции в формировании современного мировоззрения. Такие вопросы, как устройство и эволюция Вселенной, возникновение и сущность жизни, природа человеческого мышления, способность биосферы к самоорганизации и прогрессивным изменениям и многие другие обладают безусловным мировоззренческим статусом. И совершенно очевидно, что их адекватная интерпретация немыслима без науки и ее познавательного потенциала.

По мере того, как обосновывалась ценность науки в качестве авторитетной культурно-мировоззренческой инстанции, в общественном сознании утверждалось представление о ней как своеобразном эталоне *рационального* отношения человека к действительности. Наиболее отчетливо эта интенция проявилась в культуре эпохи Просвещения, которая возвысила Разум до решающей инстанции во всех человеческих делах, а невежество, суеверия и предрассудки представила как подлинную причину социальной несправедливости. Однако последующее развитие основательно расшатывало веру в абсолютную рациональность науки как безусловного общественного блага. Все более отчетливо проявляющаяся экономическая и социальная эффективность научных исследований поставила в повестку дня вопрос о ее инструментальной ценности.

2. Наука, соединившаяся с технологией, стала могучей производительной силой, способной не только удовлетворять существующие человеческие потребности, но и порождать принципиально новые типы целей и мотивов человеческой деятельности. Инструментальная или прагматическая направленность науки нашла свое отражение еще в знаменитом афоризме Ф.

Бэкона, который утверждал, что «знание есть сила», сила преобразующая природу и социальное окружение человека. Наука создает предпосылки для удовлетворения возрастающих потребностей человека, выражает его стремление к безграничной власти над объектами природы и социальной действительности. Если использовать обоснованную американским психологом А. Маслоу типологию основных человеческих потребностей, то можно увидеть, что возможность удовлетворения практически каждой из них предполагает использование современных научных знаний и рационально-объяснительного потенциала науки в целом. Это относится к таким потребностям, как витальные, связанные с обеспечением биологического статуса человека и сохранением его здоровья. Наука вносит значительный вклад в обеспечение потребностей человека в безопасном существовании и создании для него комфортных условий жизнедеятельности в различных социоприродных средах. Потребности в познании, понимании, коммуникации и многие другие также предполагают для своего оптимального удовлетворения наличие все возрастающего объема естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.

Известно, что фундаментальная наука ориентирована на такой вид познавательной и конструктивно-исследовательской деятельности, который не содержит в себе никаких внешних оправданий и преследует лишь одну цель – достичь истинного знания об исследуемой реальности. В этом смысле теоретическое познание выглядит самодостаточным и самооценным. Инструментальный или прагматический эффект полученного нового знания, как правило, не является предметом специального осмысления в рамках фундаментальных научных исследований. Иное дело – прикладная наука, где этот эффект непосредственно планируется и достигается благодаря внедрению абстрактно-теоретических знаний в различные сферы деятельности общества и обслуживающие их технологии.

Отмеченная амбивалентность науки как целостной системы знаний и познавательных действий достаточно отчетливо обнаруживает себя в двойственной мировоззренческой оценке самой науки, а также ее социокультурных последствий. Выделяют два основных вида такой оценки: сциентизм и антисциентизм.

Сциентизм (от лат. *scientia* – «знание, наука») – философско-мировоззренческая ориентация в оценке науки, исходящая из абсолютизации ее позитивной роли в решении актуальных проблем познания и преобразования природной, социальной и духовно-психической реальности. Как правило, представители сциентизма (Г. Спенсер, Р. Карнап, Дж. Гэлбрэйт, Д. Белл и др.) в качестве эталона науки рассматривают естественнонаучные и технические дисциплины и полагают, что только они способны обеспечить человеку успешное разрешение важнейших проблем его индивидуального и социального бытия. В рамках сциентистской ориентации выделяют два ее типа: 1) аксиологический сциентизм и 2) методологический сциентизм. Согласно (1) наука есть высшая культурная ценность и ее прогресс является необходимой предпосылкой прогрессивного изменения общества в целом. В соответствии со

(2) методологический арсенал математических и естественных наук является универсальным и может обеспечить рациональное познание не только объектов природы, но и феноменов социокультурного мира.

В европейской традиции сциентизм связан с такими направлениями идейно-философской эволюции, которые ориентировались на принципы рационализма и прогрессизма, обосновывали приоритетность ценностей научных инноваций и социальных модернизаций. Сциентизму свойственна инструментальная трактовка науки как универсального средства решения социальных проблем. Он радикально противостоит ценностным формам культуры (философия, религия, искусство, мораль и др.) и рассматривает их в качестве сугубо символических средств интерпретации различных сегментов реальности. На практике сциентизм обычно сопрягается с технократизмом как идеологией бюрократически ориентированной элиты топ-менеджеров, научно-технической интеллигенции, экспертократии и др.

Антисциентизм – противоположная сциентизму философско-мировоззренческая ориентация в оценке науки, которая преуменьшает, либо полностью отрицает позитивную роль науки в развитии общества и культуры. Представители антисциентизма (М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Т. Роззак, П. Фейерабенд, Э. Фромм и др.) подчеркивают факт невозможности сведения социального мира к его научно-рациональным моделям и интерпретациям, настаивают на иррациональной природе общественной жизни и принципиальной ограниченности науки в делах познания и понимания человеческого бытия.

Различают три основных формы антисциентизма: 1) антропологическую; 2) гуманистическую; 3) иррационалистическую.

1. В рамках антропологически ориентированных версий антисциентизма обосновывается мысль о принципиальной невозможности постичь феномен человека и выразить особенности его бытия в мире средствами научно-рационального познания. Тайна человеческой экзистенции может быть предметом философско-метафизических размышлений о его месте и предназначении во Вселенной, выступать в качестве сакраментальной проблемы для рефлексивных форм культуры и гуманитарного знания.

2. Подчеркнуто критическое отношение к науке и ее конструктивно-созидательным возможностям в обеспечении социальной стабильности и духовно-нравственного развития личности в современном обществе свойственно для гуманистических версий антисциентизма. Истоки этого умонастроения и критической оценки научного познания как средства решения мировоззренческих проблем восходят еще к творчеству Ж.-Ж. Руссо, который полагал, что прогресс в научном постижении мира не обеспечивает очевидных гарантий нравственного совершенствования человека. Многочисленные проекты создания «гуманизированной», «экологизированной», «альтернативной» науки, в которых ставится задача ее комплексной социализации и разработки этически размерных версий научного познания – весьма характерны для представителей этой ветви антисциентистских умонастроений.

3. Иррационалистическая интерпретация антисциентизма позиционирует себя как наиболее радикальная форма критики науки и научного мировоззрения. Как правило, представители этой разновидности антисциентизма проповедуют идеи создания романтических утопий, в рамках которых провозглашается перспектива возврата к таким формам организации социальной жизни и культуры, в которых бы доминировали мифологические, религиозные, философские системы, ориентированные на принципы традиционализма и сохранения классических духовно-нравственных устоев человеческой цивилизации.

Дилемма сциентизма и антисциентизма – одна из отличительных особенностей современной духовной ситуации, в которой зримо проявилась внутренняя противоречивость науки и ее социально-антропологических импликаций. Амбивалентный характер феномена науки особенно ярко проявляется в современных условиях глобализирующегося мира, в котором постиндустриальные стандарты жизни, базирующиеся на перманентном развитии науки и высоких технологий, сопрягаются со все более опасными формами обострения глобальных проблем, выдвигающих императив выживания на уровень актуальной задачи для значительной части современного человечества. Антиномичность дилеммы сциентизма и антисциентизма зримо проявляется в том, что без науки и ее технологических инноваций невозможно обеспечить современное качество жизни и комфортные условия обитания человека в природной и социальной среде. С другой стороны, экспоненциальный рост научного знания и его овеществление в современных технологиях и потребительском образе жизни создает реальную угрозу устойчивости биосферы и лишает человека подлинно духовной перспективы его бытия в мире. Именно поэтому одной из фундаментальных задач современной цивилизации является, по мнению Э. Агацци, необходимость постоянно защищать науку и, в то же время, противостоять сциентизму.

Одной из актуальных проблем ценностного измерения современной науки является вопрос о взаимосвязи и опосредовании внутринаучных или когнитивных ценностей, разделяемых сообществом ученых, и социальными ценностями, которые задают фундаментальные приоритеты и цели развития общества на конкретном историческом этапе его существования.

Внутринаучные ценности – представляют собой совокупность нормативных предписаний и институциональных императивов, которые выполняют функции организационной интеграции различных научных сообществ и регулируют характерные для них формы исследовательской деятельности.

Этот тип ценностных ориентаций учёного нередко называют когнитивными ценностями, поскольку они в существенной степени определяют структурно-содержательные требования, предъявляемые к новым научным знаниям. К ним могут быть отнесены различные методологические императивы, задающие тот или иной тип научной рациональности в качестве необходимого нормативного образца для новой научной теории. Модели объяснения и обоснованности

знания, стандарты его организации и структурного оформления, логико-методологические требования объективности, непротиворечивости и многие другие – составляют пространство этих имманентных для науки норм и ценностей, определяющих intersubъективный и общезначимый статус новых научных результатов.

Внутринаучные ценности детерминируют не только логико-методологические и содержательные аспекты научного поиска. Не менее существенно их влияние на формы консолидации научных сообществ, их совместной деятельности, корпоративной этики, способов профессионального общения и трансляции знаний.

Та или иная совокупность внутринаучных ценностей предписывает ученому определенную модель профессионального поведения и профессиональной ответственности за достоверность и качество тех научных результатов, которые он считает возможным обнародовать перед лицом своих коллег и общества в целом. Эти ценности составляют основу **этоса науки** как комплекса нормативных правил и предписаний, свободно принимаемых сообществом ученых в качестве обязательных презумпций их совместной деятельности в сфере науки. Широкую известность получила разработанная Р. Мертоном модель этоса науки, которая органично соединяет в себе когнитивные и коммуникационно-деятельностные аспекты научного творчества. Однако в этой модели в должной мере не учитывалось влияние тех ценностных установок и социокультурных ориентаций, которые определяли отношение к науке за пределами научного сообщества и задавали видение и оценку науки с позиций доминирующих в обществе социальных ценностей и приоритетов развития.

Социальные ценности укоренены в культуре общества и детерминируют важнейшие императивы социальной жизни. Свои нормативно-регулирующие функции они реализуют в форме политических, религиозных, правовых, моральных, эстетических взглядов и убеждений, разделяемых членами данного сообщества. Отношение к науке, формы её оценки и интерпретации в различных социальных группах и конкретно-исторических типах социума всегда составляли важную часть аксиологического пространства культуры и конституировали различные модели взаимодействия общества и науки.

На протяжении последних четырёх столетий существования науки как базисного компонента в структуре техногенной цивилизации она оценивалась по-разному. В эпоху Просвещения и экспансии научного разума на многие сферы новоевропейской культуры она рассматривалась обществом как безусловное благо, гарант прогресса и социальной справедливости. Затем в связи с кризисными процессами в европейском обществе и разочарованием в программах его фронтальной модернизации на принципах научно-технической рациональности все более популярной становится идея ценностной нейтральности науки как чисто академической сферы деятельности, преследующей лишь цели постижения истины. Начиная со второй половины XX столетия, в европейской культуре оформляется сложная матрица аксиологических характеристик науки, в которой отчётливо просматривается

суперпозиция двух базовых ценностей, задающих основные параметры социального восприятия науки. Во-первых, это принцип **свободы научного исследования** как безусловный гарант конструктивно-творческих потенций науки и условие продуцирования в ней необходимых для развития общества интеллектуальных и технологических новаций. Во-вторых, это требование **социальной ответственности** научного сообщества не только за непосредственный результат исследовательского поиска, но и практическое его использование в различных подсистемах общества и социальной жизни.

Интенция на оценку науки в соответствии с принципом её социальной ответственности становится особо заметной тогда, когда осуществляется очередной этап в процессе ее институционализации и она обретает вид так называемой «большой науки». В этот период наука оказывает существенное влияние не только на разработку средств человеческой деятельности, но и определяет наиболее актуальные и приоритетные её цели. Именно научное сообщество устами наиболее выдающихся своих представителей (А. Эйнштейн, Б. Рассел, В. Вернадский, Д. Сахаров и др.) впервые заявило о необходимости эффективного социального контроля над наукой с тем, чтобы снизить риски научно-технического прогресса и скорректировать фундаментальные цели социального развития, сориентировав их прежде всего в область гармоничного диалога человека и природы, обеспечения перспектив выживания человечества в условиях перманентного роста знаний. Таким образом, сфера ценностной компетенции науки в этих условиях ещё более возрастает.

Интерес к проблемам социальной ответственности науки стимулировал развитие различных стратегий исследования её социокультурной детерминации. Одной из самых актуальных таких стратегий является разработка **этики науки** как нормативной системы принципов и регламентаций научно-познавательной деятельности, учитывающих специфику морального регулирования поведения и деятельности человека.

До середины XX века проблемы этики науки не являлись объектом особого внимания и систематического изучения. Этические вопросы науки и научного творчества, как правило, обсуждались в форме традиционного морализаторства и декларативных призывов к учёным учитывать в своей профессиональной деятельности требования и нормы нравственности. Этические оценки науки и её вклада в развитие современной цивилизации давались абстрактно без учёта конкретных научных направлений, дисциплин и специализаций. Ситуация радикально меняется, когда экспансия науки затрагивает сферу непосредственного человеческого существования и распространяет своё влияние на биофизиологические, психические и духовные аспекты жизнедеятельности человека. В предметное поле научных исследований вовлекаются так называемые «антропоразмерные» системы, в структуре которых в качестве атрибутивного элемента выступает сам человек во всём богатстве и конкретности его психофизиологических, социальных и духовно-нравственных характеристик. Именно в таких познавательных ситуациях актуализируется сфера нравственной компетенции и ответственности ученого не только за

полученный результат, но и за формы проведения научных экспериментов и использование эффективных техник манипулирования с объектами. Здесь отчетливо проступает принципиальная граница возможностей науки и научного метода освоения сложных человекообразных систем. Ведь еще И. Кант утверждал, что в соответствии с фундаментальными этическими принципами человек никогда не может рассматриваться как средство, а должен оцениваться только как цель. Этот гуманистический пафос этики Канта все более осязаемо обнаруживает себя при планировании и проведении научных исследований в таких предметных областях, как экология, молекулярная биология, биомедицина, генетика и генетическая инженерия, психология и другие.

В качестве примера, демонстрирующего необходимость этической регуляции научных исследований на одном из самых актуальных и проблемных направлений развития биологической науки, можно указать на феномен клонирования. В строго научном смысле слова клонирование – это сложная экспериментальная технология, позволяющая осуществлять точное воспроизведение той или иной биологической системы с сохранением ее наследственной информации, закодированной в полном наборе генов. Принципиальная возможность клонирования живых организмов появилась в результате развития генной инженерии или генных технологий извлечения из клеток организмов гена или группы генов, кодирующих необходимый продукт, и соединения их с молекулами ДНК, способными проникать в клетки другого организма и размножаться в них.

Не случайно, сегодня так популярны различные формы **этической экспертизы** планируемых научных исследований и инновационных проектов. Так, например, в США существует закон, согласно которому все биомедицинские исследования, финансируемые из федерального бюджета, должны быть подвергнуты соответствующей этической экспертизе. Она проводится независимым этическим комитетом в соответствии с тщательно разработанными нравственными кодексами и процедурами.

Этические комитеты как специально созданные структуры для осуществления социального контроля над наукой впервые возникают во второй половине XX столетия в США. Затем они появляются в ряде европейских стран при больницах и научно-исследовательских центрах. Причем в состав этих комитетов входят не только ученые и специалисты, но и независимые эксперты из других областей знания и даже представители общественности, не имеющие специального образования и профессиональной подготовки в рассматриваемой области науки. Безусловно, деятельность таких этических комитетов не всегда соответствует профессиональным критериям оценки новых научных результатов и возможных перспектив их широкого социально-практического использования. Именно поэтому они нередко подвергаются серьезной критике. Тем не менее, их появление и активная деятельность в последние десятилетия на многих магистральных направлениях развития современной науки убедительно свидетельствует о том, что среди множества форм социального контроля над

наукой этическое регулирование научных исследований обретает все более устойчивый статус и высокий гуманистический смысл.

1.3. Философско-методологические проблемы дисциплинарно и междисциплинарно-организованной науки

Вариативный модуль для естественнонаучных специальностей:

1.3.1. Модуль А. Философия естествознания и техники

Основные парадигмы в развитии естественнонаучного знания. Естествознание – совокупность наук о природе как единой целостности. Естествознанием изучаются природные объекты и происходящие в них процессы. Многие из них существуют относительно автономно и не связаны с человеческой деятельностью. Но в настоящее время естествознание включает в предмет своего познания и объекты, созданные человеком. Так, химиками синтезируются вещества, которые не встречаются в природе. На основе достижений физики, химии и биологии создаются технические средства и технологии современных материальных производств. Всё это также является предметом исследования естествознания. В него включается анализ понятий и положений, касающихся отмеченных предметов и процессов, обоснование теорий их функционирования и развития. В силу этого в естествознании выделяются эмпирический и теоретический уровни научного исследования и знания. Каждый из этих уровней имеет свои познавательные методы. Используя их, естественные науки дают объективные знания о природе. Это знание может подвергаться проверке. Оно не зависит от субъективных желаний и ценностных установок человека, его нравственных ориентаций.

Природный мир представлен живыми и неживыми объектами. В силу этого естествознание с момента своего возникновения развивалось по пути дифференциации и обоснования различных предметных областей исследования. Каждая из них была ориентирована на изучение относительно изолированных природных явлений. Эта особенность естествознания характерна прежде всего для этапа классической науки. В данный период формировались отдельные естественнонаучные дисциплины. Становление дисциплинарной структуры естествознания – одна из закономерностей классического этапа его развития. Ее проявление типично и для современного естествознания. Но определяющей особенностью современного этапа развития науки является ориентация на исследование развивающихся системных объектов, «человекоразмерных» комплексов, системы «общество-природа» и т.д. Всё это приводит к усилению межпредметных взаимодействий между естественными науками, углублению связей между естествознанием и гуманитарным знанием, утверждению в современной науке универсальных методологических установок (детерминистской, системной, эволюционной, коэволюционной, экологической, синергетической и др.)

В своем развитии научное познание природы проходит ряд этапов. Становление первых научных программ в классическом естествознании в ходе первой научной революции относится к XVII - XVIII вв. Лидирующее положение в этом процессе принадлежало физике, и прежде всего классической механике, в русле развития которой происходило формирование и развертывание не только понятийного аппарата, методологического инструментария специального исследования, но и научной рациональности в целом, расценивавшейся в качестве одной из важнейших ценностей человеческой жизнедеятельности. Успехи механики, явившейся единственной математизированной областью естествознания, в немалой степени способствовали утверждению ее методов и принципов познания в качестве эталонов научного исследования природы.

Доминирование механики в системе научного знания данной эпохи обусловило ряд особенностей стиля мышления классической науки. Так, идеалы и нормы научного исследования предполагали исключение из процедур описания и объяснения всего того, что относится к субъекту и специфике его познавательной деятельности. Объяснение сводилось к поиску механических причин и носителей сил, детерминирующих изучаемые явления, а обоснование предполагало редукцию знаний из любой области естественнонаучного исследования к фундаментальным принципам и идеям классической механики. Идеалом построения научного знания, фундированном представлениями о каузальности в духе лапласовского детерминизма, служили закономерности динамического типа.

В результате синтеза знаний на основе вышеуказанных установок сформировалась первая физическая картина мира, представлявшая собой механическую картину природы. До середины XIX века она к тому же выступала в роли общенаучной картины мира, оказывая существенное влияние на исследовательские стратегии в других отраслях естествознания, прежде всего в химии и биологии.

Исследовательские программы классического естествознания, заданные механической картиной мира как дисциплинарной онтологией, и эвристический потенциал методологического инструментария классической науки позволяли ей осваивать в качестве объектов познания лишь малые системы, включавшие в свой состав сравнительно небольшое количество элементов, внутренними отношениями между которыми можно было пренебречь, игнорируя тем самым системные характеристики изучаемых предметов. В силу указанных обстоятельств важнейшим методом специальных научных исследований выступал анализ – математический анализ в физическом познании, количественный анализ в химии, аналитические представления в развитии других отраслей классического естествознания.

Появление дисциплинарно организованной науки к середине XIX в. привело к значительным изменениям в области общенаучной дисциплинарной онтологии, которая стремительно дифференцировалась на специальные картины природы, возникшие на базе развития не только физики, но и других отраслей естествознания (прежде всего химии, биологии), несводимых к механической

картине мира. В русле развития специализированных отраслей естественнонаучного исследования произошли значительные изменения в частнонаучной методологии этого исторического периода, выразившиеся в дифференциации дисциплинарных идеалов и норм исследования, нередуцируемых к тем, что имелись в арсенале классической механики.

Возникновение дисциплинарно организованной науки, разнообразие дисциплинарных онтологий, появление новых нормативных структур, фундирующих специальное научное исследование в разных областях естествознания – все это обострило интерес к проблемам методологического характера, в частности к соотношению разнообразных методов науки, классификации наук и синтезу знаний в процессе научного поиска.

Радикальные изменения в содержании научного знания и его методологической оснащенности, а также сопутствовавшая им перестройка элементов метатеоретических оснований научного поиска могут быть расценены в качестве второй глобальной научной революции в развитии естествознания, произошедшей в середине XIX в.

На рубеже XIX и XX вв. наука вплотную приступила к освоению качественно новых областей реальности: мега- и микромира, – что повлекло за собой свершение третьей научной революции, начало которой было положено в сфере физического исследования. Первая половина XX столетия ознаменовалась становлением и развитием квантовой и релятивистской теории, релятивистской космологии, квантовой химии, генетики, кибернетики и общей теории систем. В совокупности эти дисциплины составили основу неклассической науки XX в., с присущими ей содержательными и методологическими особенностями.

На протяжении первой половины XX столетия разные отрасли неклассической науки успешно осваивали сложные системные образования, отличающиеся значительным числом входящих в них стохастически взаимодействующих элементов, уровневой организацией, наличием автономных и переменных подсистем. Наличие обратных связей и управляющего уровня обеспечивали функционирование этих систем в режиме саморегуляции. Качественно новая природа изучаемых объектов потребовала кардинального обновления не только содержания естественнонаучных представлений о природе, но и перестройки идеалов и норм исследования, что обусловило становление нового типа научной рациональности, реализующегося в принципиально иных процедурах описания, объяснения, доказательности и обоснования научного знания, а также эталонах его построения. Особенно интенсивно эти процессы протекали в сфере физического познания (прежде всего в специальной и общей теории относительности, квантовой механике), наглядно продемонстрировавшего обновление идеалов и норм научного познания и вызвавшего тем самым многочисленные и продолжительные дискуссии не только частнонаучного, но и философско-методологического характера.

Становление стиля мышления неклассической науки, инициируемое прежде всего проблемами, возникшими в сфере квантовомеханического

исследования, предполагало отказ от абсолютизации и онтологизации научных абстракций любого ранга – от идеальных конструкторов и собранных из них частных и фундаментальных теоретических схем, до научных картин природы, выработанных на тех или иных этапах развития естествознания. В силу этого обстоятельства неклассическая научная рациональность, реализующая деятельностный подход в качестве своей методологической основы, покончила со стремлением получить неизменную картину изучаемого объекта, существующего независимо от других объектов, с объяснением и описанием его безотносительно к средствам концептуального освоения. Она потребовала четкой фиксации средств наблюдения, взаимодействующих с объектом, отказавшись в практике эксперимента от построения теории погрешностей как некорректно поставленной задачи.

Обоснование новых результатов исследования в неклассической физике стало осуществляться на базе экспликации операционального содержания вводимой теоретической модели изучаемых явлений и процессов, задаваемой принципом наблюдаемости, а также на основе соотнесения вновь полученных результатов с уже имеющимся в распоряжении науки теоретическим знанием, что вытекает из требований принципа соответствия как методологического регулятива научного поиска.

Особые дискуссии в процессе развития квантовомеханических исследований вызвала проблема выработки идеалов построения научной теории, во многом благодаря которой была признана объективная необходимость использования в научном познании закономерностей не только динамического, но и статистического типа.

Развитие естественных наук на рубеже 1920-30-х гг. особенно ярко продемонстрировало процессы синтеза научных знаний внутри отдельных его областей. Именно в это время начался интенсивный процесс взаимодействия между генетикой и эволюционной теорией Ч. Дарвина, которые до этого развивались обособленно. Рядом исследователей было выявлено, что эволюционный процесс хотя и основывается на мутациях, протекающих в отдельных организмах, но к ним не сводится. Материалом для эволюции являются изменения генетического состава не отдельной особи, а совокупности определенным образом связанных между собой особей данного вида – популяции. Закономерное изменение структуры популяции соответственно историческим изменениям ее соотношений с внешней средой биологами было названо эволюцией.

Качественный сдвиг в трактовке исходной единицы эволюционного процесса привел к изменению стиля мышления в биологии. Вместо классического организмоцентрического стиля в биологии получил признание популяционный стиль. Эта замена стиля мышления явилась революционным событием в развитии биологии. Его особенности были связаны с тем, что утверждение популяционного стиля мышления в биологии способствовало вычленению популяций и изменений их генотипического состава в качестве элементарных эволюционных структур и элементарных эволюционных

изменений. Все это открывало возможности для использования статических закономерностей и математических методов исследования сущности эволюционного процесса. Популяционные представления легли в основу современного варианта дарвинизма - синтетической теории эволюции.

В 1930-40-е гг. во всей полноте обнаружили себя синтетические тенденции в развитии неклассического естествознания. Так, например, в силу начавшегося в это время взаимодействия с физикой и химией биология сумела перейти к исследованию молекулярных основ жизни. Под влиянием познавательных установок, возникших в физико-химическом исследовании, основное внимание в молекулярно-биологическом познании было обращено на изучение пространственной трехмерной организации макромолекул живого, что позволило установить структуру молекул ДНК. Это открытие в свою очередь привело к утверждению в биологии новой картины реальности – молекулярного уровня осуществления процессов жизни. Их закономерности стали предметом исследования молекулярной биологии и молекулярной генетики. Переход на новый уровень познания живого и формирование отмеченных научных дисциплин положили начало современной революции в биологии.

Сторонами этой революции следует считать раскрытие несостоятельности господствующей установки предшествующей хромосомной теории наследственности о материальном носителе наследственных свойств живого. Биологи первой половины XX века считали, что им является белок. Но оказалось, что таким носителем выступают молекулы ДНК. Данное положение считается одним из теоретических оснований современной генетики и всей биологии.

В свете этого открытия обнаружилась и ошибочность прежних представлений о характере репликации, воспроизведении генов. В рамках хромосомной теории наследственности это явление трактовалось как процесс саморепродуцирования молекул белка. К тому же данное положение было всего лишь гипотетическим предположением. На основе модели молекулы ДНК был раскрыт матричный принцип её воспроизведения. Благодаря этому открытию биологи получили возможность дать научное объяснение такому атрибуту живого, как размножение. Столь же значимым для биологии явилось обоснование специфичности гена, раскрытие его сложной структуры, сущности генетического кода и становление генетической инженерии. Отмеченные и другие открытия в области генетики привели к качественным перестройкам практически всех традиционных областей биологии, изменили её место в системе современного естествознания и характер взаимоотношений с социальной практикой.

На основе достижений неклассического естествознания сформировалась общенаучная картина природы как сложной, иерархически организованной и динамичной целостности. Особый вклад в формирование картины природного мира в качестве самоорганизующейся системы внесли общая теория систем и кибернетика. Картины отдельных областей природы, фундируемые разными отраслями развивающегося естествознания, предстали в виде относительно самостоятельных образований в рамках общенаучной картины мира, постоянно

уточняющейся и эволюционирующей благодаря успехам естествознания в получении относительно истинных знаний об изучаемой реальности.

В последние десятилетия XX века начинается развертывание новой, четвертой по счету, глобальной научной революции, ведущей к утверждению в культуре современного общества нового феномена – постнеклассической науки, основные усилия которой сконцентрированы на освоении уникальных систем, отличающихся открытостью и самоорганизацией. В конце XX в. к изучению таких исторически развивающихся объектов наряду с биологией, космологией и науками о Земле, приступила в лице теории эволюционного катализа и физика, в русле развития которой сформировались термодинамика неравновесных процессов и синергетика,

Благодаря синтезу различных картин реальности, создаваемых в рамках отдельных научных дисциплин, формируется современная общенаучная картина природы, базирующаяся на принципе глобального эволюционизма и воссоздающая целостную картину исторического развития природы и человека.

Специфика изучаемых объектов, в том числе и человекоразмерных природных комплексов, включающих в себя человека, фундирует перестройку норм научной рациональности и обновление методологического арсенала современной науки. Исторический характер системного комплексного объекта, с которым имеет дело постнеклассическая наука, стимулирует выработку теоретических средств, позволяющих применить метод исторической реконструкции, посредством которого можно воспроизвести основные этапы его эволюции и тем самым решить задачу описания объекта в теоретическом исследовании. Особую роль при этом приобретает эвристический потенциал категориального и математического аппарата синергетики, выступающей в современном научном познании в качестве теории самоорганизации системных образований любой природы.

Идеал научной теории как развернутой аксиоматически-дедуктивной системы знания все чаще приходит в противоречие с методологическими ориентирами интенсивно формирующихся новых разделов науки – компьютерной математики, вычислительной физики и вычислительной информатики, с использованием теоретических схем, включающих компьютерные формы научных законов.

При исследовании человекоразмерных комплексов, включающих самого человека, наука сталкивается с неотвратимостью отказа от ценностно нейтральных ориентиров в научной деятельности, с необходимостью учета ряда аксиологических факторов, гуманизации всей системы научного поиска, включая нормативные структуры научного познания, что ставит перед ней весьма сложные проблемы как методологического, так и этического характера.

Существенные изменения стали происходить в современном естествознании и в связи с его ориентацией на исследование глобальных проблем и, прежде всего, экологической. Глобальная выраженность этой проблемы существенно повлияла и на характер научного знания, его организацию. Оказалось, что данная проблема не может решаться только одной

экологией. Она становится предметом исследования многих естественных и гуманитарных наук. Подобную тенденцию развития науки предвидел ещё В.И.Вернадский. Он отмечал, что рост научного знания в XX в. приводит к стиранию граней между отдельными науками. Вот почему и ученые будут специализироваться не по наукам, а по проблемам. Результатами такой специализации ученых станет получение и обоснование более глубокого знания об изучаемой действительности. Ориентация современного научного знания на решение экологической проблемы и обеспечение коэволюции общества и природы сопровождается и его экологизацией, использованием в нем экологической парадигмы. Именно проблема коэволюции общества и природы становится центром интеграции экологии с другими областями знания и современных междисциплинарных исследований. Многие из них стали научными и учебными дисциплинами. Физическая экология, экологическая химия, экологическая география, социальная экология, экологическое право и многие другие утвердившиеся области знания – свидетельство осуществляющейся экологизации современной науки. Все это приводит к изменению места и роли экологии в системе научного знания. Она входит в число лидеров современного естествознания, а ее идеи и принципы – включаться в содержание и исследовательские установки других областей знания.

Положения современной экологии становятся и важнейшим элементом культуры. Глобальная выраженность экологической проблемы требует не только коренного изменения стратегии экономического развития общества, но и ставит вопросы перестройки сознания и культуры людей, их нравственности. В настоящее время все большее число исследователей приходят к выводу, что без учета социокультурных и нравственных императивов экологическая проблема не может быть успешно решена. Вот почему вопросы формирования экологического сознания и экологической культуры, как у отдельной личности, так и всего общества, занимают первостепенное значение. Принципиальную значимость приобретает формирование у них этического и эстетического отношения к природе. Решение таких вопросов приводит к формированию экологической этики, экологической эстетики, повышению роли художественной литературы в экологическом образовании и экологическом воспитании личности и т.д.

Включение идей и представлений экологии в естественные и многие гуманитарные области знания будет способствовать и гуманизации научно-технического прогресса, осуществлению экологических экспертиз функционирующих и вновь строящихся производственных объектов. Их включение в обменные процессы биосферы – одно из условий ее сохранения. На решение данной проблемы и ориентируется современное научное знание. Но сохранение биосферы – это и цель деятельности человека. Ведь его дальнейшее существование находится в прямой связи с сохранением биосферы. Как видим, цели научного познания и цели человека оказываются взаимосвязанными и совпадающими. В данном совпадении следует видеть и особенность развития современного научного знания. В нем все более заметной становится

аксиологическая компонента и этическая нагруженность. Все это и отличает современную стадию развития естествознания от предшествующих периодов его существования.

Философия техники и техническая рациональность. Современная цивилизация, если отвлечься от ее внутреннего многообразия, может быть определена как техногенная. Эта характеристика относится не только к пути развития Запада, но отражает и общую тенденцию развития всего человеческого общества. Именно современность обнаруживает роль науки и техники как ведущих детерминант современной жизни общества.

Техника – исторически развивающаяся совокупность создаваемых людьми средств (орудий, устройств, знаний, навыков), которые позволяют людям преобразовывать и использовать естественные и искусственные материалы, явления и процессы для удовлетворения своих потребностей. Техническая деятельность людей и технические изделия возникают практически одновременно с появлением человека разумного. Техника с момента своего возникновения являлась уникальным средством преобразования окружающей человека среды в ее природном и социальном проявлениях.

Истоки интереса к технике обнаруживаются еще в древности. Тем не менее, люди долго не осознавали преобразовательный характер искусственных продуктов, создаваемых их трудом, наделяли их божественной силой. В этом смысле вся древняя техника была магической, она позволяла человеку, в свою очередь, влиять на природные силы.

В античности появилось понятие «техника», которое обозначало все, что человек сделал руками – оружие, игрушки и т.д. Однако античные философы уже осмысливали технику как проблему, ставя вопросы о происхождении дара творения техники, о цели технической деятельности, о природе сотворенных человеком предметов. Мыслителей, в основном, интересовали те стороны технических (искусственных) предметов, которые гармонично «встраивали» их в единый космический порядок. Античные философы сравнивали процесс производства вещей по аналогии с их естественным возникновением в природе.

В XVII в. в эпоху разворачивания научной революции и постепенного развития промышленного производства «техника» означала совокупность всех тех средств, процедур и действий, которые относились, прежде всего, к производству орудий труда и машин. Развитие ремесла и мануфактурного производства стали одной из предпосылок развития экспериментального математизированного естествознания.

В XVIII – XIX вв. произошел «скачок» в развитии техники – развилось крупное машинное производство, вытеснившее ремесленный труд. Развернувшаяся промышленная революция производит глобальные изменения во всей общественной системе.

Разнообразные масштабные последствия развития техники обращают на нее внимание теоретиков. В это время начинает развиваться техническое знание. Его основатели – т.н. «философствующие инженеры» – Э. Гартиг, И. Бекманн, Ф. Рело и др. Выдающиеся организаторы промышленности, практические

инженеры, они пытались показать особенности инженерного мышления, концептуализировали современные им технологические и технические знания.

В области философской и общественной мысли формируется комплекс идей, который впоследствии был охарактеризован как «технологический детерминизм». Основателями его в XIX в. были А. де Сен-Симон, О. Конт и др. Они считали, что развитие техники не зависит от социального контекста. Например, в марксизме техника – нейтральный элемент в системе социальных отношений, но активный в преобразовании природы, как элемент производительных сил. Кроме того, развитие техники понимается ими только прогрессивно и во многом обуславливает социальный прогресс. Эту идею в середине XX в. развивают технократические концепции индустриализма, постиндустриализма, информационного общества. Основные идеи этого направления в социально-гуманитарной мысли стали исходным методологическим основанием философии техники. В целом, в рамках классической философии, в силу ее созерцательности и недооценки преобразовательной стороны человеческой деятельности, техника не вычленялась как самостоятельная социальная сила и самостоятельный объект исследования.

Лишь на рубеже XIX и XX вв., когда происходит бурное развитие технических наук, начинается профессиональное изучение теоретических и философских аспектов техники усилиями Э. Каппа и Ф. Бона в Германии, П.К. Энгельмейера в России, Дюркгейма и отчасти А. Бергсона во Франции. В контексте становления неклассической философии постепенно складывается особое направление философской рефлексии – **философия техники**. Ее появление было подготовлено как социальными изменениями – научной, промышленной, социальной революциями, так и теоретическими достижениями – развитием естествознания, технического и гуманитарного знания, поворотом неклассической философии к проблемам конкретного развития социума и человека.

Проблемное поле и структура философии техники интенсивно формировались по мере выявления особенностей развития и функционирования техники и технологий в социально-культурном пространстве. Современные исследователи отмечают концептуальную и методологическую разнородность философских знаний в этой области, что говорит о «молодости» философской традиции исследования техники.

В XX в. исследования в этой области продолжают Ф.Дессауэр, Л. Мэмфорд, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Сколимовски, Ф. Эллюль и др.

М. Хайдеггер, К. Ясперс, Л. Мэмфорд, Н. Бердяев и др., наряду с разработкой онтологических проблем, акцентировали аксиологическую и антропологическую проблематику, поставив вопрос о связи технического прогресса с судьбой и кризисом современной цивилизации и культуры. К. Ясперс считал, что техника – принципиально новый фактор человеческой истории, она обладает огромными материальными и духовными возможностями,

но в условиях технической цивилизации человек становится одним из видов сырья, подлежащего обработке, и не может освободиться из-под ее власти, утрачивает личностное начало. Х. Ортега-и-Гассет связывал с развитием техники появление в XX в. «массового», усредненного человека-потребителя.

Идеи М. Хайдеггера были очень влиятельными в этом направлении развития философии. В противовес классической натуралистической традиции, он считал, что философия должна рассматривать скрытую от нас сущность техники, которая выявляется им как «понуждение» природы, как свободное использование ее сил и энергий в форме технических средств. Техника – это универсальная ценность. Она вырастает из природного материала, но входит в круг бытия человека и дает человеку возможность познать «истину» о себе, а также проникнуться заботой о ней. Главная опасность для современной культуры – не в самой технике, а в фетишистском отношении к ней, в непонимании ее онтологической сущности.

Предметом систематического философского исследования техника становится лишь в послевоенный период, с развитием НТР – в 1960-1970-е гг. Именно в это время особенно отчетливо выявилась обусловленность развития науки, экономики, экологии, политики, социальной сферы успехами и возможностями техники. **Современная философия техники** – область философских исследований, направленных на осмысление природы техники и оценку ее воздействий на общество, человека, культуру. В центре внимания философии техники стоят вопросы: что такое техника? какова ее природа и истоки? угрожает ли она будущему человечества? можно ли управлять развитием техники? в чем специфика научно-технического знания? и многие другие.

Философию техники в это время представляют такие мыслители, как Г.Сколимовски, Ф. Эллюль, Г. Йонас, Ф. Рапп, Х. Ленк, Т. Бек и др. Их усилиями активно развиваются методологические проблемы технoзнания и инженерии, технической рациональности, структуры технического мышления, соотношения философии техники с философией науки, концептуального и понятийного инструментария самой философии техники. Становление сложных «человекообразных» технических систем, неоднозначные социальные и культурные последствия развития техники и техносферы ориентировали философов на глубокую разработку социально-антропологических и этических проблем.

Ф. Эллюль предложил широкое толкование техники как новой среды существования человека, которая включает все социальные, экономические, культурные реалии. В этом контексте он критически и во многом с пессимистических позиций представляет человека как носителя особого, подчиненного техническим ценностям, сознания; социальную и культурную жизнь как предельно рационализированные техникой, «расколдованные» ею; развитие техники конца XX века – потерявшим человеческий смысл. Г. Йонас отмечает иррациональный характер современного технического прогресса,

поскольку современная цивилизация утратила «точку технического насыщения», а значит и возможность управлять техникой и технологией.

В целом, в современной философии техники с известной долей условности можно выделить несколько социально-философских программ исследования и оценки техники: **технизм, антитехнизм и синтетические программы.**

Технизм опирается на традиции технологического детерминизма, наиболее ярко выражается в ряде т.н. технократических концепций (индустриализма, постиндустриализма, теории информационного общества), которые некритически оценивают технику и считают, что препятствовать или вмешиваться в технический прогресс нерационально.

Антитехнизм (антропологическое, аксиологическое направление) опирается на идеи философии жизни, экзистенциализма. Антитехнизм отрицает возможность гуманистического влияния техники на человека.

Современный антитехнизм широко представляют феминизм, экологические концепции, идеи представителей социально-критической стратегии в философии. Его крайняя форма – **«технофобия»**: позиция крайней враждебности по отношению к роли техносферы в социальных отношениях. Современная технологическая цивилизация и культура определяются как враждебные человеку за силовое (мужское, активистское) отношение к природе; за предельную рационализацию жизни и «инструментализацию» мышления и поведения человека; за вытеснение эмоционально-чувственных, игровых элементов культуры и т.д.

Синтетическая программа, представленная творчеством Л. Мэмфорда, Ф.Эллюля, Г.Йонаса, Х. Ленка и др., утверждает необходимость гуманизации и гуманитаризации техники. Техника в этой программе получает более многостороннюю, а, значит, и реалистичную оценку. С одной стороны, она признается одновременно и как детерминанта его развития, и как условие сохранения жизни и поддержания ее на достойном уровне, и как объект человеческого творчества. С другой стороны, формулируется идея о том, что невозможно сделать технику нерепрессивной по отношению к человеку, ибо она – социальное следствие отношения к миру как к объекту потребления. Проект гуманизации, гуманитаризации и социализации техники должен коснуться не внешнего инструментария техники, а самих основ человеческой культуры, потребностей и мировоззрения, ставшего «технологическим».

В современной философии техника осмысливается во взаимосвязи тех аспектов, которые обнаруживаются по мере ее развития. Прежде всего, техника – артефакт (искусственное образование), который создается человеком. Техника как артефакт подчиняется и природным законам, и законам социальной практики, но при этом часто обнаруживает преимущества перед объектами и силами природы. Она полностью соответствует целям человеческой деятельности, прочна, легко обслуживается, экономит ресурсы, контролируется и управляется человеком. Технические системы образуют «техносферу» как мир созданных человеком искусственных систем. **Техносфера** – это системная многоуровневая искусственно созданная реальность, включающая человека и

определяющая, и меняющая его образ жизни. Развитие техногенной цивилизации в значительной степени определялось становлением и прогрессом техносферы, использованием ее преобразовательных возможностей.

Техника – это инструмент, который всегда используется (потребляется) как средство, удовлетворяющее человеческие потребности. Инструментальная функция техники заставляет отнести к ней как простые орудия, так и техносферу, включая, например, современные здания или инженерные коммуникации. Возрастание потребностей ведет к росту техносферы, зависимость от которой все более усиливается. Техника, выступая как «посредник» между человеком и природой, «подчиняет» их отношениям логике потребления.

Техника – одна из важнейших объективных предпосылок человеческой деятельности. Преобразовательный характер техники можно определить как ее философскую и историческую суть, ее культурное призвание. Техника выступает посредником между человеком и природой и в этом значении она преобразует предметную среду человеческой деятельности. Эволюция техники от ручных орудий к ремесленно-мануфактурному производству, машинной технике, автоматизированным и компьютеризированным системам отражает процесс все более глубокого освоения природы. При этом меняется и характер труда, и структура производства.

Развитие техники как элемента производительных сил общества включает несколько качественных переходов. Неолитическая революция содействовала превращению мускульной силы в орудия труда через преобразование вещества (сырья); промышленная революция явилась переходом к крупному машинному производству за счет овладения энергией; современная научно-техническая революция НТР – это начало овладения и использования информационных процессов.

Содержание НТР – интеграция науки и техники при опережающем развитии науки по отношению к технике и технологии. Этот процесс превратил науку в непосредственную производительную силу общества и стал ведущим фактором экономического и социального прогресса для ряда стран.

Начало НТР относят к 1950-60 гг. и выделяют в ней два этапа. Первый разворачивается в 1960-70 гг. – это эпоха развития теории систем и кибернетики, создание автоматизированных производственных процессов и самоуправляемой техники на их основе; в 1980-х гг. качественное изменение информационно-телекоммуникационных технологий привели к т. н. **«информационной революции»** – второму этапу НТР. Важными результатами первого этапа НТР стали новый качественный синтез науки и техники, а также появление таких инновационных форм научно-технической интеграции, как регионы науки, технополисы, научные парки, инкубаторы и др.

Современный синтез науки и техники имеет длительную предисторию. В философии техники широко распространены различные варианты линейной и нелинейной (эволюционной) модели взаимосвязи науки и техники. **Линейная**, особенно популярная в 1950-60-е гг., рассматривает технику в качестве прямого применения результатов научного познания, а технические науки – как

прикладные науки. Линейная логика их связи через движение от научного знания к техническому открытию и научно-технической инновации большинством специалистов сегодня признается как слишком упрощенная.

Эволюционная модель предполагает нелинейные взаимосвязи между наукой и техникой и реализуется в многообразии вариантов. Г. Сколимовски, например, рассматривает развитие науки и техники как относительно автономные, но и скоординированные процессы, причем технический прогресс руководствуется прежде всего эмпирическим знанием, полученным в процессе имманентного развития самой техники. С. Тулмин подчеркивает роль социально-экономических факторов как детерминант технических нововведений: выявляет профессиональные ориентации инженеров и техников или на науку, или на коммерческие цели в зависимости от этнокультурных традиций. Ряд исследователей (например, А. Койре) утверждают, что техническое оснащение научного измерения и эксперимента во все времена обгоняет и определяет развитие иных видов техники.

Одной из наиболее обоснованных является версия о том, что вплоть до конца XIX века регулярного применения научных знаний в технической практике не было. Развивались практико-методические и технологические знания, происходило зарождение технических наук. Однако в течение XIX века их отношения меняются: с одной стороны, дисциплинарно оформляются технические науки и появляются фундаментальные технические теории. С другой стороны, наука все больше реагирует на технические запросы бурно развивающейся промышленности. Процесс «сциентизации техники» развивается коррелятивно «технизации науки». Эти процессы привели в середине XX века к НТР как качественно новому союзу науки и техники, в котором наука становится источником новой техники и технологий; причем она испытывает влияние не только со стороны естествознания, но и общественных наук. В последние десятилетия технические знания приобрели новый статус в системе научного знания, однако в рамках методологической проблематики философии техники вопрос о специфике технического знания остается по-прежнему дискуссионным.

Отличие технических наук от естественных состоит в том, что они детерминированы не столько природными объектами, сколько характеристиками «второй», искусственной природы – технической основы цивилизации. Объект описания, объяснения и прогнозирования технических наук – особый объект, системный, специально созданный для определенных целей, имеющий конкретные функции в сложной системе человеческой деятельности. Цель технико-познавательной деятельности – не столько достижение истины, сколько выработка инструментального знания, эффективного в инженерно-конструкторском творчестве и ориентированного на создание новой реальности, соответствующей человеческим запросам. Фундаментом такого знания выступают комплексные по характеру законы, которым подчиняются искусственные объекты, например, законы композитных материалов, законы порошковой металлургии и др. Условием создания новейших типов техники выступают комбинационно-синтезирующие методы

наряду с традиционными для естествознания методами. Формой прогресса естествознания являются научные открытия, технических – принципиально новые изобретения.

Научно-технический прогресс разворачивается в контексте генезиса новых элементов техносферы, характерных и для XX, и для XXI века. **Регион науки** — это одна или несколько административно-территориальных единиц, в экономике которых главную роль играют научно-производственные комплексы, включающие как исследовательские центры, разрабатывающие новые технологии, так и производства, основанные на применении этих новых технологий и расположенные на одной территории. Пример – Силиконовая долина в США, Коридор М4 в Великобритании, р-н Цукубы в Японии и т.д. Основными элементами региона науки являются технополисы и научные парки разных типов.

Технополис – это город или несколько сливающихся небольших городков, в экономике которых ведущую роль играют исследовательские центры новых технологий и использующие эти технологии предприятия. Впервые, стихийно, процесс создания технополисов начался в США, в Японии он стал основой научно-технической политики. Здесь в 1970-е годы была разработана «стратегия технополисов» – стратегическая линия развития, в основе которой лежит государственно-организованный процесс создания своеобразных «центров роста», научно-технологических комплексов, способных воспринимать основные открытия, превращать их в научно-технические разработки прикладного характера и обеспечивать конкурентоспособное производство. Этапами создания технополисов стали такие формы научно-производственной интеграции, как исследовательский парк, технологический парк, грюндерный центр, промышленный парк, инкубаторы. Научные парки – это коммерческие комплексы при каком-либо исследовательском центре, располагающие зданиями и территорией, где на условиях аренды размещаются наукоемкие фирмы. Парки занимаются разработкой высоких и прикладных технологий; технологий внедрения; поиском партнеров; комплексом социально-культурных, бытовых, информационных услуг; финансированием; обучением и переподготовкой персонала для работы в условиях НТП и т.д.

Феномен научных парков возник в 1950-х гг. как результат стихийного образования множества новых наукоемких фирм вокруг крупных исследовательских центров типа Массачусетского технологического института в США или Кембриджского университета в Англии. В 1980-е гг. в связи с перераспределением полномочий между центральными и местными органами власти по дальнейшему углублению интеграции науки и техники (т.н. «новый федерализм») сложились объективные условия для широкого распространения этой формы взаимодействия науки и производства. Частью научного парка, его начальной ступенью является инкубатор.

Инкубатор – это кооперация вновь создаваемых малых наукоемких фирм-клиентов, обычно располагающихся на одной территории. Задача инкубатора – помочь новой фирме найти свое место на рынке. Например, американский

концерн Control Data Corporation (сложная вычислительная техника) владеет 18 инкубаторами, где размещается более 700 малых фирм-клиентов.

Все новые формы научно-технической и научно-производственной интеграции обнаруживают характер принципиально нового социально-культурного, социально-психологического, политического, экономического феномена. Становление новых элементов техносферы стало одним из важнейших условий развертывания «информационной революции» – второго этапа НТР.

Фундаментальными направлениями второго этапа НТР, которые во многом определяют сегодня стратегические приоритеты развития социума и культуры, являются **процессы информатизации и медиатизации общества**, минимизации техники, появление новых технологий (нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, космические технологии и др.), создание новых материалов с заданными свойствами (композиты) и др.

Информатизацией можно назвать быстрый и всеобъемлющий процесс становления и распространения информационно-телекоммуникационных технологий, который становится объективной основой современных цивилизационных изменений общества, культуры и человека. Информатизация – объективная предпосылка формирования информационного, постиндустриального, общества.

Теоретическое осмысление процесса информатизации общества и особенно его социальных и культурных последствий нашло свое отражение в ряде таких понятий, как «информационный взрыв», «информационная революция», «информационное общество» «информатизация» и «медиатизация» общества и др., вошедших в концептуальный аппарат многих теорий, в том числе и в философию техники. Отмечаются несколько основных тенденций, характеризующих процесс информатизации: глобальный характер социальных и культурных изменений; стремительное формирование информационной среды, которая выступает и как внешнее условие функционирования техники, и как средство культурной коммуникации; стремительное расширение проблемного поля для философской и методологической рефлексии (проблема искусственного интеллекта, создания баз знаний и соответствующих машинных систем и т.д.). Особое значение приобретает проблема определения национальных социальных и культурных приоритетов в области информатизации.

Мощным импульсом для развития общества становится «информационный взрыв», который сопровождается новым витком развития «4-й» власти - средств массовой информации и коммуникации – **масс-медиа**. Бесспорные преимущества новой информационной техники и технологий – это оперативность, высокая скорость коммуникации, достаточно широкая база данных практически по всем сферам жизни общества и уникальная возможность построения бесцензурной культурной среды. Масс-медиа приобретают все более явный культуротворческий характер, становятся одним из факторов

политической, экономической, социальной и культурной интеграции мирового сообщества.

Вместе с тем процесс информатизации и медиатизации общества и культуры сопровождается появлением новых неоднозначных процессов. Их адекватная интерпретация – актуальнейшая задача современной философии техники и других разделов философского знания.

Вариативный модуль для гуманитарных специальностей

1.3.2. Философия социально-гуманитарного познания

В учебной литературе освещение проблем теории познания, философии и методологии науки традиционно выстраивается с ориентацией на образцы естествознания, которое достаточно прозрачно для философско-методологической рефлексии. Но как только мы приступаем к рассмотрению проблематики социально-гуманитарного познания, оказывается, что многое из, казалось бы, установленного и ясного в отношении регулятивов, закономерностей и форм познавательной деятельности требует уточнения, дополнения, а то и существенного переосмысления. Поэтому можно говорить об особом поле философско-методологических проблем гуманитарного познания или о «философии социально-гуманитарного познания».

Прежде всего, обратим внимание на специфику социально-гуманитарного познания, которая оттеняется в сравнении с естественнонаучным познанием.

Первая специфическая черта социогуманитарного познания проступает при сопоставлении самих названий: социально-гуманитарное и естественнонаучное познание, из которого следует полифоничность социогуманитарного познания и его несводимость к системе наук об обществе. С тех пор, как в XVIII – XIX веках возникли и институционализировались естественнонаучные дисциплины, характерные для них представления о природе приобрели прерогативный характер.

В социогуманитарном познании наука не имеет привилегированного положения в системе взглядов на общество. Спектр типов социально-гуманитарного познания весьма широк, что нашло выражение в существовании двух основных типологий. В первой из них выделяют социально-философское, социальное и гуманитарное познание. Не вдаваясь в их характеристику (об этом речь пойдет ниже) отметим принципиальный момент – каждый из типов познания обладает самостоятельным статусом в структуре обществоведения и выполняет особую функцию в системе нормативных ориентаций человеческой деятельности.

Поэтому, во-вторых, не удивителен полиформизм социогуманитарного знания, включающего философские категории, понятия социологии, нормы этики, правовые квалификации, экономические модели, исторические факты, мифы, символические структуры религиозного опыта, типические образы художественного сознания, суждения здравого смысла и т.п.

В третьих, это многовекторность ориентаций социально-гуманитарного познания, направленного не только на достижение истинного (когнитивная ориентация) и практически значимого (праксеологическая ориентация), но и соответствующего принятой в обществе системе ценностей нормативного знания. Если результат не будет соответствовать такой ориентации, что характерно для оторванной от жизни т.н. академической кабинетной науки, он не только будет бесполезен для общественной практики, но и может стать основой для проектов, имеющих социально-утопический характер.

В-четвертых, качественным своеобразием отличается объект социогуманитарного познания, который, как отмечалось ранее, обладает субъективно-объективной природой и, вследствие этого, весьма полиметричен. Объектом, в широком смысле слова, выступает общество и его феномены: социальные отношения и функционирование социальных институтов, социальные действия и взаимодействия людей, и их результаты, представленные в различного рода объективациях – памятниках материальной и духовной культуры, событиях, исторических фактах, знаково-символических структурах и др.

В-пятых, специфичен субъект социально-гуманитарного познания, в роли которого может выступать сообщество ученых, если имеется в виду коллективная научно-познавательная деятельность, или отдельный индивид. Если обыденное (донаучное) социогуманитарное познание не требует специальной подготовки, то научное социогуманитарное познание осуществляется специалистами, обладающими профессиональными знаниями и владеющими навыками использования характерного для социально-гуманитарных наук методологического инструментария – тем, что составляет культуру научно-гуманитарного мышления, которая, как показал в концепции «двух культур» Ч.Сноу, существенно отличается от культуры естественнонаучного мышления.

В частности, следует обратить внимание на статус вненаучного интереса познающего субъекта в общественном знании и его влияние на результаты познания. Как отмечал еще в XVII веке Т. Гоббс: «Люди отступают от обычая, когда это требуют их интересы, и действуют вопреки разуму, когда он против них... Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть и интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии».

Поскольку в реальном познавательном процессе участвует не некий трансцендентальный субъект – чистое познающее сознание, а реальный человек, занимающий определенное место в системе общественных отношений и выражающий интересы определенной социальной группы, социальные интересы с необходимостью сказываются на интерпретации им итогов познания. В этом смысле говорят о социально-культурной ангажированности познания общества и его истории, в истолковании событий которой эта ангажированность наиболее

очевидна. Но если подобная ситуация понятна и естественна в исторической мемуаристике, то она совершенно неприемлема для научной историографии. Поэтому ученый-гуманитарий должен четко понимать возможность влияния вненаучных факторов на ход исследования и быть ориентированным на достижение объективно истинного результата. Совмещение в одном лице функций исследователя и публициста, как правило, ведет к субъективизации социогуманитарного познания, в котором оценочная деятельность довлеет над исследовательской.

В-шестых, специфичен сам процесс социально-гуманитарного познания, в котором субъект-объектное отношение претерпевает существенную трансформацию. В литературе можно встретить несколько моделей социогуманитарного познания. Первая из них настаивает на правомочности его интерпретации как обычного субъект-объектного отношения. Это относится прежде всего к социальному (социологическому, экономическому, политологическому), познанию, связанному с раскрытием закономерностей функционирования социальных институтов и взаимодействия больших социальных общностей. При этом, как и в естественнонаучном познании, артикулируется роль процедуры объяснения. Вторая модель, стремясь учесть специфику объекта, интерпретирует социогуманитарное познание как субъект-субъектное отношение. Однако приводимое в качестве аргумента утверждение, что в нем стороны познают друг друга неправомерно и только водит нас в заблуждение. Познание, как и любая иная деятельность предполагает инициацию познавательной активности (наличие потребности и осознание интереса, выбор объекта и формирование предмета познания, разработку плана, постановку цели и задач познания и т.д.). Именно данные функции отличают субъект познания от его объекта.

Однако субъект-субъектная модель социогуманитарного познания имеет и другой смысл, если исходить из существования познающего субъекта (гносеологический субъект, в роли которого в науке выступает исследователь) и субъекта социального действия (актора, действия которого познает исследователь). При этом социогуманитарное познание приобретает диалогический характер в том смысле, что исследователь стремится понять смысл поступков актора, постигнуть его ценностные ориентации, «войти» в мир значений, существенных для субъекта социального действия, с тем чтобы затем интерпретировать поступки и события в системе характерных для него и его эпохи ценностей и значений. В итоге, как отмечал М.К. Мамардашвили, достигается отстранение (дистанцирование) и остранение объекта, – его огранка – явления и события проявляют новые свойства в новых условиях.

Данная (третья) модель $[S_{\text{гн}} - O_{\text{гн}} (S_{\text{соц. действия}})]$ конкретизирует специфику социально-гуманитарного познания, проясняя при всей метафоричности данного выражения, его диалогическую природу.

Среди других, специфических черт социогуманитарного познания необходимо обратить специальное внимание на роль ценностей в постижении истины и, в этой связи, на соотношение понятий истины и правды.

Проблема ценностей составляет предмет особого раздела философии, именуемого аксиологией, возникшего в античном мире и представленного рядом концепций ценности. В философию социогуманитарного познания проблематика ценностей была введена неокантианцами и М. Вебером, исходившими из того, что постижение социальных действий возможно лишь в соотношении с ценностями, задающими нормы поведения и цели деятельности человека.

В отечественной традиции ценность выступает как проявляющаяся в социальной деятельности и социокультурных отношениях значимость для человека и общества объективных свойств предметов, явлений и событий действительности. Ценности не гипостазированы субъектом. Ценностью могут обладать как природные объекты, представляющие для человеческой деятельности интерес, а потому являющиеся для него социально значимым явлением, так и сами результаты его созидательной деятельности – таковыми являются артефакты – феномены материальной и духовной культуры, создаваемые с определенной целью и наделяемые в процессе создания смыслами и значениями.

Ценности выполняют регулятивную и нормативную функции, определяя деятельность человека и задавая ее ориентиры. Касательно познания социального бытия чаще всего выделяют объекты, имеющие жизненную, практическую ценность и по этой причине представляющие познавательный интерес. В этом смысле можно говорить о единстве и взаимодополнительности трех основных ориентаций социально-гуманитарного познания: во-первых, на достижение объективно-истинного знания (когнитивная ориентация), во-вторых, на получение практически значимого результата (праксеологическая ориентация) и, в-третьих, на получение знания, которое соответствует принятой в обществе системе социокультурных ценностей и норм (аксиологическая ориентация).

Влияние ценностей на социогуманитарное познание отличается в зависимости от типа познавательной деятельности. Особую роль социокультурные ценности играют во вненаучном социогуманитарном познании, которое, в отличие от научного (теоретического), иногда характеризуют как духовно-практическое познание, подчеркивая, тем самым, его служебную роль по отношению к сферам практической жизни общества. Среди основных форм вненаучного знания – мифологическое и религиозное, художественное и моральное, правовое и экономико-практическое и др. Этот тип знания соотносится с соответствующими формами общественного сознания и определяется потребностями решения задач в конкретных сферах общественной жизни. В экономической или политической практике при всей значимости научно-теоретических разработок все-таки предпочитают опираться на функциональное экономическое и политическое знание, учитывающее принятую в данном обществе систему ценностей, традиции, наконец, политическую конъюнктуру.

Если для научного познания все же основной ценностной ориентацией является достижение истины, а его результаты обладают самоценностью (они могут быть востребованы практикой позже), то вненаучное, да и донаучное (обыденное) социогуманитарное познание непосредственно включены в решение задач практической деятельности и имея в этом смысле служебную роль, прямо соотносятся с ценностями общественного бытия и существующими в обществе социальными идеалами. Поэтому характерная для научного познания квалификация достоверного знания как истины, в донаучном (обыденном) и вненаучном социогуманитарном познании дополняется, а то и вытесняется его квалификацией как правды.

Напомним, что существуют различные концепции истины (когерентная, конвенциональная, прагматическая, корреспондентская и др.), в которых истина определяется по-разному, но наиболее популярной и фундированной является последняя. Не случайно она и близкие к ней варианты получили обобщающее название классической концепции истины. Согласно этой концепции, истинное знание – это знание, которое соответствует действительности (отсюда название концепции: адекватное отображение объекта в сознании субъекта, «точная» связь (корреспонденция) между ними). На этом понимании истины «стоит» вся официальная философия науки.

Серьезная проблема философии социально-гуманитарного познания – проблема соотношения в ней истины и правды. Можно согласиться с мнением того же автора, что истина – прерогатива научного познания, а правда – вненаучного (правда жизни, художественная или историческая правда) и что истина – это гносеологический феномен, а правда – его мировоззренческий аналог, но данные констатации все равно оставляют чувство неудовлетворенности, отлучая истину от правды, разделяя их. Суть проблемы, вытекающей из характерной для науки интерпретации истины в социогуманитарном познании и уравнивающей ее с естественнонаучным пониманием истины рельефно выразил русский философ Л.И. Шестов, приводя в качестве истинного утверждения тот факт, что в 399 году до Р.Х. в Афинах отравили Сократа и в то же время возмущаясь бездушностью этой формальной истины и ее принудительным характером: «ведь не собаку отравили, а Сократа, лучшего из людей, мудрейшего из людей, праведника».

Следует признать, что современное социогуманитарное познание постепенно начинает избавляться от академизма, осознавая тесную связь с социальными идеалами и интересами и отыскивая точки соприкосновения с донаучным (обыденным) и вненаучным социогуманитарным познанием.

Подобно тому, как социальная философия является одной из подсистем современного обществознания, так и социально-философское познание выступает одним из типов социально-гуманитарного познания, коррелирующим с конкретными науками об обществе и его феноменах. Эта связь имеет двусторонний характер: не только социальная философия «подпитывается» за счет новационных теоретико-методологических разработок, новых концептуальных подходов и эмпирического материала корпуса социально-

гуманитарных наук, но и способствует развитию их эвристического потенциала, саморефлексии и осмыслению их статуса в системе интегрированного научного обществознания.

Важную роль в этом процессе играют исследовательские программы, способствующие формированию философских оснований научного познания, задавая самые общие предпосылки для построения научной теории и давая средство для перехода от общемировоззренческого принципа, заявленного в философской системе к раскрытию связи явлений эмпирического мира. Тем самым, исследовательская (научная) программа является посредником между философским мировоззрением и культурой, с одной стороны, и наукой – с другой.

Обладая эвристическим характером, исследовательские программы позволяют осуществить рефлексию над самим обществознанием, выделить в его развитии основные традиции постижения социума, ценностные ориентации и приоритеты в становлении социально-гуманитарных наук, артикулировать системный и междисциплинарный характер современного обществознания.

Отмечая возможность существования различных классификаций исследовательских программ в обществознании, обратим внимание на классификацию, в качестве оснований которой принимаются специфика предмета познания, уровень его концептуализации, возможности экстраполяции рассматриваемых социальных феноменов на общество в целом, наконец, широта применения и вариативность исследовательской программы. Последнее основание означает, что программа не исчерпывается созданием одной, пусть и фундаментальной научной теории, а при тактическом разнообразии, теоретико-методологических нюансах, определяет стратегический путь осмысления социума.

Исторически первой сложилась **натуралистическая исследовательская программа**, допускающая возможность рассмотрения общества по аналогии с природой и признающая правомерность экстраполяции методологического потенциала естествознания на область социально-гуманитарных наук. Натурализм в обществознании представлен тремя основными версиями – редукционистской, органицистской и этноцентристской.

Методологический редукционизм (от лат. *reducere* – возвращение назад, восстановление, сведение) предполагает использование теоретических конструктов, модельных систем и эмпирических схем естественных наук при изучении общества и его явлений. Вариантов методологического редукционизма достаточно много, причем выбор базисной естественнонаучной дисциплины определялся ее статусом в естествознании и ценностными ориентациями исследователя. Возникнув в форме классического механицизма, истолковывавшего общество как механический агрегат (Т. Гоббс, Л. Кетле, Г. Кэрри, В. Парето), он в дальнейшем нашел выражение в химизме (М. Шевраль), географизме (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Л. Мечников), квантовом механицизме (Э. Шредингер). Современной формой методологического редукционизма является популярный в обществознании синергетизм, использующий в интерпретации

исторического развития общества модели нелинейной термодинамики, что, тем не менее, позволяет по-новому взглянуть на некоторые особенности развития социума как самоорганизующейся системы.

Особенно широкое распространение в обществознании получил биологический редукционизм, заложивший основы социологии как науки. Это обстоятельство сыграло свою роль, ибо О. Конт считал последнюю продолжением биологии, а методы естественных наук рассматривал в качестве образца научности. Первое направление биологического редукционизма представлено классическим социал-дарвинизмом (У. Беджгот, К. Руайе, В. Шальмайер, А. Вакаро, Г. Ратценхофер), пытавшимся интерпретировать общественное развитие исходя из биологических закономерностей естественного отбора, а затем наследственности, и современным социальным неозолуционизмом, в котором ведущее место принадлежит социобиологии, рассматривающей культурные новации в обществе как явления, аналогичные генетическим мутациям.

Второе направление биологического редукционизма развивалось в рамках расово-антропологической школы (А. де Гобино, Х. Чемберлен, М. Грант, О. Аммон, Ж.В. де Ляпуж), которая пыталась объяснить явления общества и его динамику действием расово-антропологических факторов, однако уже в начале XX века было подвергнуто жесткой критике.

Формально в качестве третьего направления биологического редукционизма можно назвать органицизм, поскольку отправным для рассмотрения общества в нем служит аналогия с живым организмом, причем некоторые его представители считали эту аналогию достаточно полной.

Так русский социолог П. Лилиенфельд соотносил торговые связи в обществе с ролью кровообращения в организме, а роль государственного управления с функциями головного мозга, а немецкий экономист и социолог А. Шеффле, признавая наличие у общества как духа, так и «социального тела», признавал экономическую жизнь последнего как своего рода обмен веществ в организме.

Тем не менее, органицизм можно рассматривать как самостоятельную, выходящую за рамки биологического редукционизма версию натуралистической исследовательской программы в обществознании. Придя на смену социальному механизму, артикулировавшему статику общества и сводившему его сущность к взаимодействию реализующих свои интересы индивидов – «социальных атомов», органицизм, во-первых, направлен на рассмотрение общества в динамике, и во-вторых, на репрезентацию социума как самоорганизующегося и неразложимого целого, в основе которого лежит некоторое объединяющее духовное начало (народный дух, национальная идея, дух эпохи). Подобного рода органицизм, далёкий от простого уподобления общества живому организму присутствует в работах Ж.-Ж. Руссо, Шеллинга, Г. Гегеля, И. Гердера, политических философов консервативного направления.

В обществознании XX века органические аналогии в значительной мере приобрели скорее метафорический характер, способствуя становлению

современных системных подходов в изучении социума и развитию междисциплинарных методологий. Показательным в этом отношении является плодотворность использования органицизма Т. Парсонсом в создании получившей популярность и признание научной общественности структурно-функциональной модели общества.

Третья из обозначенных версий натурализма в обществознании – этноцентризм. Происхождение термина этноцентризм обычно связывают с работой Л. Гумпловича «Расовая борьба», но авторство концептуальной разработки и введения данного понятия в категориальный аппарат социально-гуманитарных наук принадлежит американскому экономисту и социологу У. Самнеру. В работе «Народные обычаи» (1906 г.), опираясь на анализ значительного этнографического материала, он попытался связать обычаи, а, соответственно, и культурные традиции народов, с выработкой у этносов механизмов защиты от действия четырех биопсихических факторов – голода, сексуальной страсти, честолубия и страха. В итоге У. Самнер редуцирует общественные отношения к механическим и внутриэтническим отношениям, вводя понятия «мы-группа» («внутренняя группа») и «они-группа» («внешняя группа»). Отношения в первом случае, согласно автору, отличаются сплоченностью, в то время как отношения во втором – враждебностью. При этом собственная группа в условиях этноцентрического подхода представляется центром социума, а другие этносы оцениваются по характерным для нее стандартам.

В русской философии истории XX века, пожалуй, наиболее ярким выражением этноцентризма является концепция Л.Н. Гумилева, само название установочной работы которого «Этногенез и биосфера Земли» имеет программный характер и указывает на важную роль природно-космических факторов обеспечения социодинамики этнических общностей. Для Л.Н. Гумилёва общество воплощается в этносах, а историческое развитие социума – в процессах их становления и развития, причем сам этнос ученый понимает не столько как социальную, сколько как природно-культурную общность людей, формирующуюся под влиянием в первую очередь природно-космических факторов, задающих состояние пассионарности – своего рода психоэнергетической заряженности на творчество. Этногенез соотносится с освоением данной общностью ландшафтных особенностей природного региона проживания. Действие этих факторов дополняется влиянием фактора культурного самоопределения общности, становления у нее чувства комплиментарности, позволяющего осознать единство этноса на фоне противопоставления его другим этническим сообществам. Как видим, методология классического этноцентризма фактически воспроизводится в концепции Л.Н.Гумилева, что, впрочем, не принижает эвристического значения остающейся и в наше время популярной, хотя и дискуссионной философско-исторической концепции.

После того, как в XIX веке возникла и самоопределилась в качестве самостоятельной науки об обществе социология, естественно было ожидать

появления оппозиционирующей натурализму новой исследовательской программы в обществознании. В основе **социологической программы** лежит установка на признание органической включенности общества в природный Универсум и подчинение его действию определенных законов и, в то же время, признание качественного своеобразия социальной реальности, ее несводимости к другим видам реальности.

Эта установка прежде всего означала примат социально реальности по отношению к индивидуальному существованию людей – общество надиндивидуально (позиция социального реализма), а потому в раскрытии закономерностей его существования и объяснении общественных явлений должны использоваться специальные социологические методы. Так, согласно Дюркгейму, хотя исторически общество возникает в результате взаимодействия индивидов, но, возникнув, существует по своим собственным законам. Отсюда следует известный методологический принцип реификации Э. Дюркгейма, гласящий: «социальные факты нужно рассматривать как вещи», и ориентирующий на исследование в обществе устойчивых причинно-следственных связей и закономерностей.

По мере становления социологии, данный способ объяснения общественных явлений в работах Л. Гупмловича, О. Шпана, Э. Дюркгейма наделяется универсальным для социогуманитарных наук значением, а последний из названных авторов начинает рассматривать социологию даже как систему социальных наук, придавая ей статус новой «науки наук» об обществе. Эта позиция в рядах самих социологов была расценена как социологический экспансионизм или социологизм.

Применение социологической программы в познании общества несомненно позитивно сказалось на развитии обществознания. В XX веке после возникновения «понимающей» (М. Вебер) и «феноменологической» социологии расширилась предметная область применения данной исследовательской программы. Но присущая социологии тенденция сведения индивидуального к социальному, а познания к объяснению все же задает границы использованию социологической программы в обществознании, делая, как признают сами социологи, актуальным призыв: «Вернуть человека в социологию».

В какой-то мере эту методологическую особенность социологической программы можно объяснить стремлением ее сторонников избежать характерного, как они считали, для возникшей в XIX веке и быстро приобретшей популярность психологической исследовательской программы.

Психологическая, а затем появившаяся на ее основе социопсихологическая исследовательские программы исходят из признания влияния психических феноменов на общество и стремятся исходя из них объяснить социальную жизнь. Их объединяет общая методологическая ориентация – сведение социального к психическому, которую можно охарактеризовать как психологический редукционизм. Различает же их предмет редукции. Психологическая исследовательская программа берет за основу объяснения общественных

явлений особенности психики индивида, а социопсихологическая – особенности групповой и социальной психологии.

Психологическая программа в обществознании нашла выражение в психологическом эволюционизме (Л. Уорд, Ф. Гиддингс), инстинктивизме (У. Мак-Дугал, У. Джеймс, Л. Бернард), теории подражания (Г. Тард, Дж. Болдуин), концепциях школы психологии народов (Г. Лебон, М. Лацарус, Х. Штейнталь), классическом психоанализе З.Фрейда.

В частности З. Фрейд, рассматривая структуру психики индивида, абсолютизирует роль бессознательных влечений в качестве мотивов деятельности человека и затем экстраполирует действие механизмов психологической защиты на социальные процессы. Механизмы вытеснения (бессознательное устранение индивидом из памяти мотивов своих поступков), рационализации (бессознательное стремление индивида обосновать «задним числом» свои поступки), регрессии (бессознательное желание примитивизировать в определенных ситуациях свой образ в восприятии другого человека), проекции (бессознательный перенос на оппонента собственных желаний и замыслов) и ряд других приобретают у З.Фрейда характер объяснительных схем, с помощью которых интерпретируются исторические события и социальные явления.

Следует отметить, что использование психологической программы З. Фрейдом позволило раскрыть новые аспекты социального бытия, а созданная им в 1932 г. совместно с американским дипломатом У. Буллитом первая в истории психобиография президента Вудро Вильсона положила начало целому направлению в обществознании – политическому психоанализу, что свидетельствует об эвристичности данной исследовательской программы.

В практике использования социопсихологической программы интересные результаты связаны с использованием ее неофрейдистской версии. Многие последователи З.Фрейда, подвергнув критике его пансексуалистские методологические установки, акцентировали внимание на роли социальных факторов в поведении человека и его деятельности в обществе. В частности, по мнению К. Хорни, чувство беспокойства, с которым человек появляется на этом, непривычном для него свете, сопровождает его на протяжении всей жизни и является основным побудительным мотивом социальных действий. В зависимости от того, как человек пытается, если не устранить, то, по крайней мере, снизить степень этого чувства беспокойства и сопровождающих его чувств небезопасности, беспомощности и одиночества, К. Хорни выделяет три типа личности с характерными для них моделями поведения:

- 1) устойчивый, конструктивный (стремление к людям с тем, чтобы в диалогической форме устранить причины возможного конфликта и прояснить ситуацию);
- 2) отстраненный (стремление уйти от людей как источника опасности, «забиться в свою нишу»);
- 3) деструктивный, разрушительный (стремление пойти против людей с тем, чтобы уничтожить источник возможной опасности).

Использование социопсихологической исследовательской программы оказалось продуктивным для творчества А.Адлера (анализ механизмов компенсации чувства неполноценности и их влияния на поведение человека в обществе), К.-Г. Юнга (анализ коллективного бессознательного и роли архетипов в социокультурных процессах, классификация регионально-цивилизационных типов личности), Э. Фромма (определение влияния исторических и экзистенциальных дихотомий человеческого существования на противоречивый характер развития общества, выявление сдерживающего влияния социального характера на динамику социума) и др.

Наконец, еще одна исследовательская программа, широко используемая в обществознании – культур-центристская или, как ее еще называют, учитывая широкое применение при рассмотрении особенностей цивилизационной динамики общества, **культурно-историческая программа**. У истоков данной программы стояли В. Дильтей и представители Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт, высказывавшиеся за различие наук о природе и наук о духе, наук о культуре.

Первоначально разработка этой программы осуществлялась преимущественно в русле анализа специфики методологических средств социогуманитарного познания и их отличия от методологического инструментария естествознания. В этой связи В. Дильтей пришел к выводу, что общественные науки должны не объяснять, а понимать социальные явления, поскольку понимание основывается на изучении и постижении мотивов человеческой деятельности, обусловившей эти события. При этом, в отличие от приверженцев психологической программы, он настаивал на необходимости обращения к объективным памятникам человеческой деятельности, в письменной форме фиксирующих явления духовной жизни как основы жизни общества в целом. В. Виндельбанд в отличие от наук о природе, которые он характеризует как номотетические, ориентированные на выведение законов, оценивает науки о культуре как идеографические, связанные с описанием конкретных социальных явлений и событий. Его дополняет Г. Риккерт, определяя основной метод наук о природе как генерализирующий, обобщающий, типизирующий, а основным методом наук о культуре у него выступает индивидуализирующий метод, позволяющий отразить неповторимость и своеобразие социальных явлений. Правда, при этом Г. Риккерт стремится избежать категоризма своей классификации, отмечая, что в конечном счете выбор метода в социогуманитарном познании определяется его конкретной предметной областью и теми задачами, которые ставит перед собой исследователь.

Действительно, современные социальные науки (экономические, социологические, политические) успешно используют генерализирующий метод, позволяющий раскрывать закономерности в изучаемых сферах общественной жизни; даже в исторической науке, которую немецкий философ считал образцом гуманитарного знания, объяснение и генерализация используются достаточно широко.

Главное же, что смогли закрепить в сознании обществоведов неокантианцы, это признание культуры самостоятельной, наряду с природой, онтологической реальностью, составляющей основу бытия общества. Мир культурных ценностей – артефактов культуры – стал рассматриваться как выражение сущности общественной жизни, а понимание механизмов динамики культуры – как условие познания общества в его историческом развитии.

С утверждением представлений о культуре как онтологической реальности прерогативы культурно-исторической программы значительно расширились. В XX веке использование данной программы способствовало созданию таких оригинальных философско-исторических концепций как концепция морфологии культуры О. Шпенглера, локальных цивилизаций А. Дж. Тойнби, общества как суперсистемы П. Сорокина и многих других. Вместе с тем, культур-центризм породил особое явление в интерпретации исторического развития общества – **историцизм**. Последний не следует смешивать с историзмом как развитым в работах Г. Гегеля, К. Маркса и ряда других мыслителей XIX в. принципом рассмотрения общества в его развитии. Историцизм исходит из признания самоценности и неповторимости культуры каждой исторической эпохи, делая отсюда вывод о фактической несопоставимости исторических эпох в развитии общества. Это создает предпосылки для релятивизации исторического познания и, тем самым, представляет серьезную опасность для объективности исследования.

Становится очевидным, что каждая из рассмотренных исследовательских программ в обществознании имеет как свои достоинства, так и недостатки. Поэтому понятно существующее в среде методологов желание создать синтетическую исследовательскую программу, которая вбирала бы в себя эвристические компоненты существующих программ. Основанием для подобного синтеза близость, а иногда и взаимодополнительность этих программ: натуралистической и социологической, социологической и социопсихологической, социопсихологической и культурно-исторической. Как считают специалисты, эта взаимодополнительность, приближающая авторские версии исследовательской программы к идеалу синтетической программы, характерна для создания теоретических моделей общества М. Вебера, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса. Но существует и другая точка зрения, согласно которой создание такой программы, учитывая многогранность общества и его феноменов, а также многообразие теоретико-методологических подходов к их изучению в современных социально-гуманитарных науках, в принципе невозможно и не нужно. Синтез социогуманитарного знания, согласно этой точке зрения, должен осуществляться в рамках создания единой социально-научной картины мира, а не путем создания универсального методологического средства постижения социума.

Одна из важнейших функций исследовательских программ в социально-гуманитарном познании – это содействие сближению социально-гуманитарных дисциплин, обеспечение теоретико-методологического единства обществознания и, что особенно актуально для современной науки,

использование в разработке и освоении междисциплинарных методологий исследовательской деятельности.

Научная дисциплина – это институционально оформленная область исследовательской деятельности, характеризующаяся особым предметом, традициями развития, системой научных коммуникаций, методологией познания и упорядоченным, отвечающим канонам научной рациональности знанием. Формирование социально-гуманитарных дисциплин произошло сравнительно недавно. Еще в XVII век, например у Т. Гоббса, можно встретить разделение наук на натуральные (о природе) и моральные (об обществе), причем первые, в частности классическая механика, являлись образцом, методологическим стандартом. Возникновение и оформление социально-гуманитарных наук происходит во второй половине XVIII-XIX веках – во время возникновения дисциплинарно организованного знания. В это же время, наряду с самоопределением социально-гуманитарных наук происходит их дифференциация на социальные и гуманитарные. Большая часть XX века прошла под знаком специализации социальных и гуманитарных наук, наращивания их внутридисциплинарного потенциала, а последняя четверть XX и начало XXI века отмечены стремлением возродить единство научного знания, осуществить его теоретико-методологический синтез, свидетельством чего является отчетливо выраженная тенденция использования междисциплинарных методологий, созданных на основе социальных, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

В современном социогуманитарном познании наиболее перспективными и востребованными общественной практикой оказываются как раз исследования осуществляемые «на стыке» наук: в экономических науках – с психологией, социологией, социальной экологией, правоведением и этикой; в исторических – с культурологией, социологией, психологией, религиоведением; в юридических – с этикой и социологией, в политических – с социологией, психологией, теорией социальной коммуникации; филологических – с нейролингвистикой и т.д.

Философское знание, в силу присущих ему мировоззренческих, общеметодологических, аксиологических и интегративных возможностей, оказывается востребованным современным обществознанием. Единство философского знания и в то же время наличие в нем специализированных областей – экономической и политической философии, философии права, философии истории, философии культуры и т.д. делает философию эффективным посредником в освоении междисциплинарных методологий, например таких перспективных, как методология психоистории, этнометодология, методология гендерных исследований, нейролингвистики, экзистенциального менеджмента, социобиологии, синергетического подхода и др.

Конечно, использование междисциплинарных методологий несет опасность редукционизма, тем более что многие дисциплины в своем генезисе и развитии ориентировались на теоретико-методологические образцы смежных наук о человеке и обществе со свойственным им проблемным полем и

методологическим арсеналом: социология – на естественнонаучные дисциплины, в частности, биологию; психология – на физиологию высшей нервной деятельности; история – на социологию. Но как показывает опыт развития социально-гуманитарных наук, позитивные результаты подобного междисциплинарного синтеза оправдывают риск. Именно поэтому освоение и использование междисциплинарных методологий исследования является характерной особенностью современного социально-гуманитарного познания.

1.4. Философия, наука, человек в XXI столетии

1.4.1. Философия в начале XXI века: проблемы и перспективы

Формирование нового образа философии, скоррелированного с наиболее актуальными процессами социокультурной динамики на рубеже XX – XXI столетия, осуществляется в процессе постоянного диалога между философским и научным сознанием. Этот диалог позволяет существенно расширить смысловое пространство интерпретаций важнейших проблем современного мира и придать им статус основополагающих векторов цивилизационной динамики в условиях кардинальных изменений в структуре материального и духовного производства.

В последние десятилетия XX в. в культуре современных западных обществ оформляются и заявляют о себе тенденции и течения, инициирующие становление приоритетов философии как социокультурного феномена XXI в. К этим тенденциям можно отнести кризис техногенной цивилизации и глобальные проблемы современности; противоречия социодинамики, обнаруживающие себя в потенциально-возможном конфликте различных типов социума и цивилизационных структур; феномен информационной революции и становление нелинейных и виртуальных моделей жизни сознания. Данные тенденции в развитии современных обществ инициируют активные философские дискуссии и поиски новых образцов и парадигм философствования. При этом акцент переносится на такие сферы и области философского знания, как философия и общество: границы и возможности коммуникативной компетенции; философское обоснование постнеклассической научной рациональности; новые образы знания и реальности в эпоху информационной революции; феминистский поворот в культуре и философии; социокультурный статус философии эпохи модерна и постмодернизма и другие.

Одной из актуальных проблем, определяющих приоритеты современных философских дискуссий является вопрос о судьбе самой философии как атрибутивном компоненте в структуре классических версий западноевропейской культуры. Он неоднократно становился предметом акцентированных дискуссий, порождая самые разные проекты трансформации языка и целей философствования в условиях радикальной смены аксиологического строя культуры. В XX столетии нередко эти проекты приобретали характер

откровенно пессимистических констатаций «конца философии» и «смерти метафизики» как реальных референтов духа и ценностей эпохи Просвещения. Одна из последних версий этого умонастроения связана с критическим анализом «проекта модерна» и развитием постмодернистского стиля философствования.

Постмодернизм в литературе трактуется весьма широко и зачастую его семантика определяется не столько фиксированным набором сущностных признаков, сколько контекстом и условиями использования данного понятия. Вместе с тем наиболее обоснованной и часто встречающейся интерпретацией постмодернизма выступает его понимание как своеобразной «идеологии» постиндустриальной эпохи. Именно в этом значении он противостоит эпохе и культуре **«модерна»**. В искусствоведении слово «модерн» чаще всего употребляется для обозначения особого художественного стиля в культуре XX века. В философских дискуссиях последних десятилетий понятие «модерн» закрепилось за исторической эпохой нового и новейшего времени с характерными для нее особенностями социального и культурного развития. Важнейшей из этих особенностей считается непрерывная модернизация и стремление к нововведениям в противоположность традиционным культурам с их установками на консервацию и сохранение ценностей и стилей жизни. Чаще всего началом эпохи модерна считают «век Просвещения», а конец ее связывают с социокультурными изменениями последних десятилетий XX века и процессами глобализации в современном мире. В чем же усматривают важнейшие черты **«проекта модерна»** как социокультурного феномена. Обычно к ним относят следующие его особенности:

1. Провозглашение модернизации магистральной стратегией развития общества. При этом она трактуется как нерасторжимое единство дифференциации социальной деятельности и ее всеобщей рационализации и инструментализации. Происходит отделение знания от религии, наука дистанцируется от философии, морали и искусства.

2. Субъект, познающий мир в соответствии с требованиями теоретического разума, провозглашается исходным пунктом философии. Индивид выступает как потенциальный носитель рациональности, которую он привносит в производство, в политику, общение, культуру, повседневную жизнь.

3. Для модерна характерны культ науки и «сциентизация» любого знания, а также проистекающая отсюда вера в социальный и научно-технический прогресс.

4. Развитие и обоснование идеи господствующей и контролирующей рациональности, которая понимается как инструмент тотального господства человека над природой, эффективного контроля и власти общества над индивидуальной волей и желаниями субъекта.

Эти характеристики эпохи модерна обнаруживали себя в политике, праве, религии, литературе, искусстве. Однако именно философия выразила их в обобщенной и универсально значимой форме.

Постмодернистские дискуссии начались с резких и решительных обвинений в адрес эпохи модерна и ее базовых ценностей, с критики идеи рациональности жизни и мышления.

В широком философском и социально-культурологическом смысле термин «постмодернизм» впервые употребляет А. Тойнби в 1947 году в своей книге «Изучение истории» для выражения идеи конца западного господства в религии и культуре. В 1980-х гг. французский философ Ф. Лиотар определил постмодернизм как «скептицизм по отношению к метанарративам». При этом метанарративы он понимает как любые идеи и концепции, претендующие на объяснительную силу и истинность в духе традиций Просвещения с его установками на демократию, прогресс и рациональность.

Следует отметить, что подобный скептицизм и критика философских претензий разума не являются чем-то принципиально новым в философии. Достаточно упомянуть имена Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Г. Зиммеля и многих других мыслителей не столь далекого прошлого, чтобы убедиться, что критика рационалистически-просветительской парадигмы мышления была нередко востребована в философском познании. Однако к последней трети XX века она вспыхнула с новой силой.

Поворот от модернизма к постмодернизму в этот исторический период связан прежде всего с переходом от европоцентризма к глобальному полицентризму, разрушением колониальных империй и возникновением глобальных проблем современности. Ценности науки, техники, индустрии и либеральной демократии утрачивают свой абсолютный характер. Им на смену приходят иные ценностные приоритеты: производство информации вместо производства вещей; утверждение пригородного, а не городского стиля жизни; индивидуальная значимость биологического и психологического, а не физического времени; доминирование нелинейных процессов и темпоральных структур над линейными. Существенные изменения происходят в сфере искусства, которое все в большей мере ориентируется на массовую аудиторию, переходя от вербальности к телесности, используя жест, ритуал, шоу-технологии. Постмодернистская культура в целом акцентированно ориентируется на воображение и иллюзии, мир бессознательного, который наиболее соответствует хаотичности и эфемерности современной социальной реальности.

Борьба за новые ценности началась в конце 1950-х гг. в дискуссиях о новейших тенденциях в литературном творчестве. Впоследствии, в 1960-70-х гг., дискуссии о постмодернизме перенеслись в сферу архитектуры, живописи и других видов творчества. При этом искусство модерна объявлялось элитарным, в то время как постмодернистское искусство ориентировалось на массовую аудиторию и преодолевало барьеры между элитой и широкой публикой. В 1960-70-е гг. заметно оживились и собственно философские дискуссии на тему постмодернизма.

В литературе, посвященной проблемам формирования философской доктрины постмодернизма, обычно выделяют два этапа. Первый этап – связан с

развитием базовых идей постмодернистской философии на основе реинтерпретации концепций постструктурализма и постфрейдизма: идеи Ж. Лакана о воображаемом и символическом; теория деконструкции Ж. Деррида и ее применение в эстетике; концепция «ризомы» Ж. Делеза и Ф. Гваттари; концепция «симулякра» Ж. Бодрийяра и др.

Второй этап – развитие философии постмодернизма в собственном смысле слова. Хотя следует оговориться насчет того, что в современной культуре постмодернизм присутствует не столько в форме завершенной эстетической концепции или сложившегося философского направления, сколько как интегральная фиксация постнеклассических тенденций в духовной жизни западной цивилизации конца XX века. К наиболее известным представителям постмодернистской философии обычно относят следующих авторов: Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ю. Кристева (Франция); Дж. Ваттимо (Италия); Х. Кюнг, Д. Кампер (Германия), Ф. Джеймисон, Р. Рорти, И. Хассан (США) и др.

Каждый из указанных представителей философии постмодернизма прошел достаточно сложный и индивидуальный путь формирования собственных представлений о роли и функциях философской рефлексии в современной социокультурной ситуации Запада. Каждый из них является автором весьма оригинальных идей и концепций (теория «номадического мышления»; «шизоанализ»; «деконструкция»; идея «нарративности»; феномен «интертекстуальности» и др.). Вместе с тем, следуя известному теоретику постмодернизма И. Хассану, можно выделить некоторые типичные для большинства авторов идеи и философско-методологические ориентации. К ним относятся:

1. Установка на анализ и осмысление маргинального материала культуры в формах не монологического мышления, а «диалогического воображения».
2. Принципиальный фрагментаризм философского анализа, который имманентно связан с недоверием к любому «тотализирующему синтезу»; склонность к методам «коллажа», «вырезок» и «врезок», парадоксам и мозаичности мышления.
3. Утверждение идеи «смерти автора», означающее, что отвергаются все каноны и авторитеты, а также отрицается сама возможность интеллектуальной власти над читателем.
4. Возвращение к «смерти субъекта», который уже не трактуется как основополагающий принцип философствования и своеобразный центр мысли и переживания.
5. Принципиальное сомнение в гносеологических презумпциях реализма, предполагающее, что далеко не все может быть «показано», «изображено», «иконизировано».
6. Утверждение «иронии» как одной из важнейших установок мыслительного творчества, предполагающей использование языковой игры, аллегорий, парадоксальных суждений и т.д.

7. «Гибридизация» и смешение различных жанров и форм творческой деятельности, растворение философского мышления в стихии художественно-литературных дискурсов.

Перечисляя эти и другие признаки постмодернистского мышления, И. Хассан заключает, что взятые вместе они образуют нечто иррациональное, абсурдное, незавершенное.

Постмодернистская философия олицетворяет принципиальный мировоззренческий переход с позиций классического антропоцентризма и гуманизма на платформу экокосмоцентричного гуманизма, в котором прокламируется установка на идеи культурного релятивизма и отражения самобытности и равноценности всех возможных граней и измерений современной культуры.

Проблематика постмодернистской философии весьма разнородна и плюралистична. Вместе с тем с определенной долей условности в ней можно выделить несколько доминирующих тем. Первая из них – **эклектическая**. Поскольку познание (в том числе и философское) не ставит перед собой задачу достижения истины, а лишь интерпретирует конкретную, частную ситуацию, постольку допустимо использование различных познавательных средств и самых экзотических их комбинаций, «культурных коллажей». Когнитивным символом постмодернизма становится не «метанарратив» как органичная взаимосвязь традиций, методологий, познавательных стилей, а «музей», как случайная совокупность разных фактов, реликвий, образов, деталей и пр.

Вторая тема – **прагматическая**. Суть ее состоит в том, что постмодернизм в целом разделяет инструментальную установку познания, согласно которой оценка идеи или интеллектуальной новации осуществляется не на основе истинности ее интерпретации, а в соответствии с критериями успеха и достижения задуманного. По мнению Р. Рорти, еще со времен Ницше стало ясно, что истина есть вовсе не соответствие наших знаний действительности, а представляет собой лишь «стремление к власти над множеством ощущений», т.е. к их упорядочиванию для достижения необходимой цели.

Третья тема – **агностическая**. Она выражается в принципиальной констатации истины как сугубо лингвистического феномена. Ни одно значение, говорит Ж. Деррида, не существует вне языка. Знание распадается на вербальные конструкции, используемые различными субъектами, которые преследуют свои познавательные и социокультурные цели. Эти конструкции можно только интерпретировать, но не оценивать по неким всеобщим и универсальным стандартам. Познание, таким образом, превращается в «гибкие сети языковых игр».

Четвертая тема – **анархо-демократическая**. Постмодернизм отвергает любые метанарративы еще и потому, что они – есть проявление власти над индивидом, они унифицируют, упорядочивают, подавляют и ограничивают. Поэтому, необходимо выступать против них, поддерживать любую «инаковость», многообразие, различие, плюрализм. Отсюда, эпатажные версии демократии, выражающейся в солидарности с любыми формами оппозиции

привычному и традиционному (движения феминизма, нетрадиционные ориентации в отношении полов, рас, профессиональных групп и т.д.). Принципиальный плюрализм, горизонтальные связи между индивидами и в противовес вертикальным, сотрудничество и координация, но не власть и принуждение – таковы социальные лозунги постмодернизма.

Таким образом, постмодернистский философский дискурс заменяет рациональную деятельность – игрой, порядок и иерархию – анархией, централизацию – рассеиванием и произвольным комбинированием, этику – эстетикой, метафизику – иронией.

Было бы слишком просто и наивно расценивать эти постмодернистские идеи только как проявление экзотической экстравагантности современного философского мышления. Их возникновение отнюдь не случайно. Оно связано с новыми познавательными и социокультурными феноменами, которые принесла с собой постиндустриальная эпоха. Своеобразным символом этой эпохи является проблема фронтальной критики разума, которая породила феномен своеобразной антиинтеллектуальной моды. Постмодернизм весьма преуспел в следовании этой моде. Его представители произнесли немало обвинительных речей в адрес разума, якобы «тоталитарно» подчинившего себе тело, чувства и действия человека. Логос, наука, закон – эти и многие другие понятия, выражающие традицию рационального отношения к действительности, ответственны за «диктаторское влияние» на общество, человека и историю. Именно поэтому они должны подвергнуться критике, деконструкции и замене иными понятиями и ценностями. Эти и подобные им суждения о тоталитарной природе разума не могут не вызывать обоснованных сомнений. Сегодня, как и раньше, весьма непросто опровергнуть утверждение Гегеля о том, что человеком и обществом правят скорее неразумие и недомыслие, а вовсе не разум и научная обоснованность.

Чем же предлагает постмодернизм заменить традиционные для эпохи классической философии познавательные ориентиры и ценности? Как правило, это весьма экзотические, периферийные и маргинальные образования культуры. Они зыбки, неустойчивы и ненадежны. М. Хайдеггер связывает их с некими архаическими «первоистоками» метафизики. М. Фуко – изысканиями «археологии» гуманитарных наук. Ж. Деррида – едва уловимой «техникой прочтения письма» и т.д. При этом почти всегда провозглашается особая роль, принадлежащая «сверхавангардному» искусству, которое символизирует собой наиболее суверенную форму бытия свободы. В итоге позитивная программа постмодернизма оказывается весьма уязвимой для критики, неконструктивной и ориентированной на маргинальные общественные явления и социальные силы. И как только речь заходит о необходимости поиска и обоснования реальных решений научных, технологических, социальных проблем, эвристические возможности символов деконструкции и клиповой культуры оказываются более, чем скромными. В таких ситуациях, по-прежнему, востребуются научно и рационально обоснованные методологии решения указанных проблем. Причем это относится не только к сфере теоретического познания, но и к области

современных социальных технологий. Поэтому инициированные постмодернизмом феномены радикальной критики научного разума и размывания философской рациональности в формах художественно-дискурсивных практик следует рассматривать и оценивать как кризисные и транзитивные явления в современной культуре.

1.4.2. Глобализация как цивилизационный феномен и предмет социально-философского осмысления

Одной из характерных особенностей современной эпохи, активно исследуемых как в науке, так и в различных направлениях социальной философии, является феномен **глобализации**. Корни и предпосылки глобализационных процессов уходят в глубину истории, однако реальное их влияние на темпы и характер социокультурного развития мирового сообщества начинает обнаруживаться лишь к концу XX столетия. К этому времени складывается такая система ценностей и императивов развития, в которой доминируют следующие установления:

- права человека имеют основополагающее значение;
- демократия сильнее и предпочтительнее тирании;
- рынок эффективнее плановой командной экономики;
- открытость перспективней национальной изоляции и др.

Эта совокупность ценностей и социальных установок, активным генератором и пропагандистом которых выступил Запад, призвана была утвердить в мировом общественном мнении безусловную приоритетность неолиберальной стратегии развития. В определенном смысле глобализация явилась формой осуществления основных идей и целевых установок данной стратегии.

Термин «глобализация», эпизодически применявшийся с конца 60-х годов, впервые был использован американским социологом Дж. Маклиным в 1981 году как концептуально-теоретический конструкт, призванный выразить характерные особенности социодинамики мирового сообщества в последней четверти XX столетия. В этот же период основные терминологические аспекты теории глобализации были разработаны Р. Робертсоном, который в 1983 году в одной из своих статей дает толкование термина «globality», а в 1992 году излагает основы своей концепции в специальной исследовании.

Еще не получив системного обоснования и концептуально-теоретической разработки идея глобализации приобрела статус широко распространенной объяснительной модели, призванной оправдать экспансию западных стандартов развития и унифицированных социальных форм жизнедеятельности в ареалы обитания иных культур и цивилизационных общностей. Интенсивность и методы этой экспансии позволили М. Уотерсу сделать вывод о том, что на смену постмодернизму, который был ключевым понятием в культуре 80-х годов, приходит идея глобализации, призванная артикулировать особенности процесса перехода человечества в третье тысячелетие.

Глобализация понимается Р. Робертсоном как становление мира в виде единого или общего социального пространства, обнаруживающего себя в различных культурно-идеологических конструкциях или дискурсах. Поясняя это достаточно случайное определение, Р. Робертсон утверждает, что процесс становления глобального мира достаточно явно обнаруживает себя со II половины XV столетия, когда складываются базисные предпосылки капиталистической системы и происходит распад традиционных социальных общностей (церковь, империи и др.). На втором этапе этого процесса (начиная с 1870 года до середины XX века) происходит цивилизационный прорыв, в результате которого возникают национальные государства и вырабатываются юридически закрепленные принципы международных отношений. Наконец, третий этап, символизирующий стадию глобализации в точном смысле этого термина, характерен тем, что национальные системы и идентичности вынуждены приспособливаться к глобальным обстоятельствам, незападные общества – интегрироваться в структуру мировых отношений и взаимодействий. На этой третьей стадии формирования социальной «глобальности» резко возрастают экологические риски и опасности социальной дезинтеграции, распадается биполярная структура мирового сообщества, размываются экономические и политические компетенции государств и национальных структур управления.

Глобализация, понятая как исторически длительный и хронологически значимый процесс центрирует многие современные концепции и теоретические модели социодинамики. Так, например, П. Бродель и Д. Дельфюс трактуют глобализацию как один из этапов развития именно капиталистической системы. И. Валлерстайн полагает, что она длится уже 500 лет и охватывает историю всей «капиталистической мир-экономики». П. Друкер, Т. Левит связывают начало процессов глобализации с возникновением транснациональных компаний и финансовых рынков 30-40 лет назад.

Большинство исследователей разделяют точку зрения относительно многомерности и хронологической длительности процесса глобализации, который только на исходе XX века проявляется наиболее полно и зримо. В качестве важнейших этапов этого процесса обычно выделяют следующие периоды исторического развития европейского и мирового сообщества:

- эпоха Возрождения, как этап своеобразной протоглобализации, обусловивший становление международного рынка, основ правовых отношений между народами, идей гуманизма, способствовавших утверждению единого секуляризированного представления о человеке;
- рубеж XIX-XX веков, когда капиталистическая система хозяйствования происходит в империалистическую фазу и осуществляется реальная интернационализация капиталов;
- середина XX столетия, когда итоги второй мировой войны закрепляются в ряде важнейших политико-правовых документов и соглашений, обусловивших фронтальную интеграцию усилий различных стран и регионов мира в политической, экономической и социокультурной сферах (создание ООН

в 1944 году, международного валютного фонда – в 1944 году, принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 году и др.);

– последняя треть XX века знаменует собой эпоху подлинной глобализации мирового развития, для которой характерны процессы фронтальной транснационализации экономики, создания глобальных финансовых и торговых сетей и корпораций, интенсивного развития информационных и коммуникационных технологий, тотальной массовизации и унификации культуры, регионализации мирового сообщества и образования различных союзов и международных объединений.

Следует признать, что дефицит четких и эксплицитных определений глобализации в подавляющем большинстве современных работ – одна из характерных особенностей нынешнего этапа анализа этого феномена в жанре социально-философских, культурологических и политических исследований. В них, скорее доминирует, описательный, феноменологический подход, в рамках которого в лучшем случае предлагаются некоторые первичные классификации и типологии. Возможно, это связано с безусловной сложностью феномена глобализации и понятной в связи с этим осторожностью исследователей при попытках дать ее категориальное определение. Тем не менее большинство экспертов согласны в том, что важнейшими предпосылками глобализации в ее современном варианте явились:

- информационная революция, обеспечившая техническую базу для создания глобальных коммуникационных сетей;
- интернационализация капитала и ужесточение конкурентной борьбы на мировых рынках;
- дефицит природных ресурсов и обострение экологической ситуации во всем мире;
- демографические проблемы и хаотическая урбанизация;
- интенсивное развитие высоких технологий и антропологические рынки постиндустриальной цивилизации.

Исходя из этого, сущность глобализации обычно трактуется как процесс формирования мирового рынка капиталов, товаров, услуг и рабочей силы, планетарного информационного пространства, единого для большинства стран и регионов мира.

В качестве характерного примера одного из типичных определений глобализации можно привести дефиницию, которая предлагается экспертами МВФ. Глобализация – это растущая экономическая взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных транзакций товаров, услуг и международных потоков капитала, а также благодаря все более быстрой и широкой диффузии технологий.

Для того, чтобы эксплицировать феномен глобализации и осуществить его комплексный, системный анализ в традиции категориально-методологической реконструкции сущности и функциональных характеристик данного явления, необходимо, хотя бы на уровне первичной аппроксимации, зафиксировать наиболее значимые его параметры. Речь идет о вычленении основных измерений

или граней глобализации, в совокупности которых проявляется ее сложная и диалектически противоречивая природа.

Прежде всего, необходимо различать глобализацию как объективное явление, обусловленное реальной трансформацией информационно-технологических и производственных процессов в современном обществе, и политику неолиберального глобализма, которая базируется на принципах «Вашингтонского консенсуса» и ориентирована на универсализацию практики рыночной экспансии поверх национальных границ и государственных интересов. Идеологи неолиберализма охотно используют понятие глобализации в целях доказательства естественности и безальтернативности тех социальных изменений, которые реализуются в рамках неолиберальной трансформации сложившихся технологий и форм производственной деятельности. Однако эта стратегия социодинамики все более осязаемо обнаруживает свою глубинную противоречивость и цивилизационную бесперспективность. Она не только консервирует глобальное неравенство как атрибут современного мира, но и стимулирует его прогрессивную динамику.

Чудовищная поляризация богатства и бедности, непримиримая борьба за ресурсы и рынки сбыта, невиданная по своим масштабам и цинизму культурная экспансия с Запада – эти и другие атрибуты политики неолиберального глобализма вызывают вполне объяснимый протест в различных странах и регионах современного мира, способствуя разрастанию самых радикальных форм социального экстремизма и фундаментализма.

И все-таки глобализация – это, прежде всего, объективный процесс формирования кардинально новой человеческой общности, базирующейся на интеграции и транснационализации экономической, информационной, политической и социокультурной деятельности различных стран и этнотерриториальных комплексов современного мирового сообщества. Сегодня последствия этого процесса обнаруживают себя даже в осязаемых трансформациях социальной структуры различных обществ и национально интегрированных государственных образований. Так рождается общество второго порядка, или мегаобщество, которое, сохраняя формальные характеристики национальных объединений, вместе с тем создает наднациональные корпоративные системы и формы личностной идентификации в них. Транснациональные корпорации с их полиэтническим персоналом, международные профессиональные сообщества, неправительственные организации, неформальные группы по интересам, возникающие на базе Интернета – начинают играть все возрастающую роль в мировой политике и экономике.

Объективное измерение глобализации наиболее рельефно и убедительно обнаруживает себя в развитии мировой экономики. Сегодня едва ли кому нужны особые аргументы, чтобы доказать приоритетность глобальной экономики на пространстве постиндустриального мира.

Не менее очевидным и впечатляющим является и феномен политической глобализации, обнаруживающий себя в совокупности кардинальных изменений

институциональной сферы современных обществ. Как известно, в двадцатом столетии страны Запада вступают в фазу «Зрелого Модерна», одной из отличительных характеристик которого является демократизация основ социальной жизни. В этот период существенные изменения претерпевают различные институты национальных гражданских обществ и государственных формирований. Две волны демократизации, завершающиеся к 1970-м гг., создают необходимые предпосылки для перехода от биполярной структуры международных отношений к становлению целостного мирового порядка с отчетливой доминантой в нем децентрализованных институтов как органичных компонентов глобальной публичной сферы или универсальных гражданских обществ. В этот период существенно усложняется сфера внегосударственной публичности. Широкое развитие получают так называемые гражданские инициативы, которые берут на себя ответственность за многие глобальные проблемы и межрегиональные конфликты. Появляется слой «новых космополитов», демонстрирующих радикально новые формы межличностных коммуникаций, неподверженных акцентированному влиянию национальных традиций и задающих ценностные ориентации нового образа жизни (Интернет, международный туризм, межнациональные творческие корпорации и др.).

Специфическим измерением глобализации является ее социально-антропологический контекст. Активизация этого контекста задается все более очевидным доминированием связей глобального масштаба, которые приходят на смену традиционных и, как правило, локальных связей и взаимодействий между членами конкретных сообществ (community). Поскольку связи глобального масштаба являются жестко предметными, функциональными и безличными, постольку они инициируют отказ от системы традиционных ценностей, цементирующих лично значимые символы веры и социокультурной идентичности в локальных сообществах. На смену высшим моральным ценностям приходят инструментально эффективные программы деятельности и общения, схемы и ориентации поведенческой активности личности, гарантирующие ей успех и эффективное разрешение возникающих проблемных ситуаций. Наступает эпоха постмодерна с органично присущей ей интенцией на распад ценностей и отказ от классических трансцендентальных иллюзий.

Можно фиксировать и другие не менее важные измерения феномена глобализации, позволяющие представить его как сложный, многофакторный процесс реальной трансформации мирового сообщества в эпоху постсовременности. Однако, при всем многообразии зафиксированных измерений или граней глобализации, необходимо констатировать принципиальную специфичность и концептуальную значимость именно социокультурного аспекта ее анализа и реконструкции.

Акцент на культурном аспекте глобализации позволяет нам зафиксировать ряд весьма важных и нетривиальных утверждений.

Прежде всего, едва ли возможно сегодня трактовать процессы глобализации социокультурного пространства как закономерное следствие модернизации традиционных обществ и архаических социальных структур за пределами

западной цивилизации. Чаще всего в рамках модернизационных сценариев воздействие Запада на различные сферы культурной жизни иных цивилизационных образований воспроизводилось в терминах «культурной экспансии», «декультурации», «культурного империализма» и т.д.

Начиная с 70-х годов XX столетия, идеология модернизации в различных ее версиях становится объектом критики и конструктивной трансформации. К концу XX века представляется все более очевидным, что отношения между центром и множеством периферийных и полупериферийных социальных систем в области культуры носят гораздо более сложный и диалектический характер, нежели линейная зависимость традиционных культур от техногенной западной цивилизации.

Конечно, говоря об этом феномене, трудно удержаться от соблазна воспроизвести уже ставшие стереотипными оценки глобализации в сфере культуры как процессы распада и деструкции традиционных моральных ценностей; возникновение пугающих диспропорций между так называемой «высокой культурой» и «популярной, или массовой» культурой, карнавализации культуры, которая благодаря техническим возможностям глобальной коммуникации утрачивает индивидуальное содержание и смысл и превращается в перманентную мозаику визуальных образов и символов клипового сознания.

Однако такая картина культурной глобализации едва ли будет адекватной и системно обоснованной. В работах М.Элброу, Э.Гидденса, И.Тирикьяна, Р.Робертсона и многих других современных исследователей данного феномена подчеркивается, что сущностными характеристиками процесса глобализации в сфере культуры являются следующие ее особенности.

1. Пространственно-географическая акцентуация социокультурных изменений, раскрытие механизмов взаимопроникновения и диалога различных культурных традиций. Эта акцентуация приводит к тому, что время начинает все меньше и меньше значить в постсовременной цивилизации. В некоторых сферах жизни оно настолько сжато, что перестает восприниматься даже как символическая аллегория.

2. Взаимосвязь макро- и микроуровней в происходящих культурных изменениях. Здесь речь идет о том, что глобализация проникает в самые глубины социальных структур и кардинально трансформирует их сущностные основания на уровне семьи, обычаев, стереотипов поведения, эстетических предпочтений и т.д. Эти трансформации, происходящие на микроуровне человеческого бытия, приобретают статус важнейших социокультурных мутаций, инициирующих глобальные изменения в мировом сообществе благодаря современным системам коммуникации.

3. Активное продуцирование «социокультурных гибридов», в которых ситуативно и механически сочленяются различные традиции, жанры, стили и т.д. Как правило, для них характерны нестабильность, эпатажирующая экзотичность, поточные формы производства и короткий период существования (например, в сфере образования, туризма, труда все ощутимее проявляются влияния рекламы, масс-медиа, шоу-бизнеса и т.д.).

4. Процесс интернационализации ценностей и жизненных стратегий поведения и деятельности, предполагающий акцентированное неприятие национально-государственных ориентации в сфере культуры и культурной политики.

5. Подчеркнутый интерес к проблемам пола, телесности, гендерных отношений, т.е. тем феноменам, которые получили название «примордиальных», и, как правило, вытеснялись обществом на периферию культурного пространства, находились под моральным контролем и цензурой.

6. Формирование новой концепции рациональности, в которой в качестве доминирующих утверждаются принципы социокультурного плюрализма, релятивизма и комплиментарности.

Несмотря на то, что глобальная цивилизация, на первый взгляд, интенсивно вытесняет ценности локальных культур на периферию современного социокультурного пространства, в последние годы очевидно заявляет о себе и альтернативная тенденция этнокультурной автономизации и акцентированного стремления народов любой ценой сохранить свою национально-культурную идентичность. В этих условиях весьма актуальной становится проблема поиска и обоснования адекватных форм межнациональных и даже межкультурных отношений в современном мире.

Многомерный характер и неоднозначность социокультурных последствий глобализации порождают обилие точек зрения и концептуальных интерпретаций данного феномена в западной и отечественной литературе.

Одни исследователи особое внимание обращают на определяющий статус объективных трансформаций глобализирующегося мира в сфере материально-экономических и финансовых отношений, основанных на институализации мирового рынка, неуклонно возрастающем влиянии транснационального капитала и ТНК (И. Валлерстайн, К. Омаэ, Дж. Нэбитт, Д. Розенау, В. Иноземцев и др.)

Другие, отдавая предпочтение социокультурным аспектам глобальных изменений, указывают на значимость формирования транснациональных культурных и цивилизационных пространств, которые кардинально изменяют процессы индивидуальной и коллективной социализации (Р. Робертсон, К. Уайт, А. Аппадурай, С. Хантингтон, У. Бек, А. Панарин, А. Уткин, Ю. Яковец, И. Кефели и др.)

Третьи подчеркивают приоритетность глобальных изменений в сфере социально-политических, институциональных и информационно-коммуникативных отношений в современном мировом сообществе (Д. Хельд, Ф. Фукуяма, М. Кастельс, З. Бжезинский и др.)

Четвертые полагают, что глобализация приводит к качественным изменениям всех сфер и сторон современной жизни и поэтому она радикально инициирует разработку принципиально новых концепций и объяснительных моделей в социологии, политологии, философии (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, Н. Луман и др.)

В пространстве современных дискуссий о проблемах и перспективах глобализации можно выделить несколько значимых концепций, которые активно влияют на содержание и направленность идеологических и научных дебатов относительно доминирующих тенденций и перспектив мирового развития в XXI веке. К ним обычно относят:

- теорию «открытого общества» К. Поппера;
- концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы;
- «мир-системную» концепцию И. Валлерстайна;
- теорию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона;
- геополитическую концепцию З. Бжезинского;
- теорию «глобализации» Р. Робертсона и У. Бека;
- концепцию глобализма А. Панарина;
- теорию «постэкономического общества» В. Иноземцева;
- «мультифакторную концепцию глобализации» А. Уткина и многие другие.

Результаты и последствия глобализационных изменений в современном мире весьма противоречивы и неоднозначны. Сегодня уже совершенно очевидно, что они могут не только способствовать позитивной интеграции мирового сообщества с целью преодоления вызовов и угроз техногенной цивилизации, но и создавать предпосылки для их дальнейшего обострения.

Своеобразной реакцией на возможность такой глобальной социокультурной мутации стало антиглобалистическое движение, которое сформировалось в середине 90-х годов XX века и с этого времени активно развивается в США, Германии, Англии, Франции и других странах Запада и Востока.

Одна из проблем, которая повсеместно привлекает внимание антиглобалистов, связана с обостряющимися противоречиями в сфере взаимодействий человека и природы, с необходимостью формирования адекватного современности экологического сознания на принципах коэволюции человека и биосферы. В связи с этим особую актуальность в современной науке и философии приобрела проблема устойчивого развития, непосредственно связанная с поиском и обоснованием конструктивной стратегии дальнейшего развития техногенной цивилизации и преодоления тех социально-экологических аномалий, которые она инициировала и породила на предшествующих этапах своего формирования и развертывания.

Разработке стратегий устойчивого развития в последние годы было посвящено немало исследовательских проектов. Эта проблема находится в центре внимания влиятельных международных форумов, ставящих своей целью информирование общественности о масштабах и характере катастрофических изменений на планете, о реальных экологических угрозах, источниках нестабильности и противоречий в международном сообществе, нарастающей неравномерности мирового хозяйственно-экономического и культурного развития, чреватой новыми конфликтами и даже военными столкновениями. Эти форумы поставили перед человечеством и, в первую очередь, перед политическими лидерами стран и регионов задачу по созданию международных

координационных центров, правовых и политических норм, общественных институтов и объединений, которые могли бы реально инициировать и контролировать переход современной цивилизации к новому типу социальной динамики в целях создания сбалансированного, равноправного мирового сообщества, рационально и эффективно решающего глобальные проблемы.

В июне 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, в которой принимали участие главы государств и их представители из почти 180 стран мира, идея устойчивого развития была из области теоретических дискуссий переведена в плоскость практических решений. Началась разработка национальных стратегий исторического развития отдельных государств. При этом основными проблемами, на решение которых ориентировала народы данная конференция, были названы проблемы неконтролируемого роста народонаселения, неравномерности экономического развития различных регионов, голода и нищеты в афро-азиатских странах, углубление экологического кризиса вследствие экспоненциального роста промышленного производства и потребления в индустриально развитых государствах мира.

С этого времени экологические приоритеты социальной динамики становятся неперенным компонентом любой национальной стратегии развития, основанием для определения целей и направлений как внутренней, так и внешней политики. Параметры, отражающие степень экологизации производства и качество природных экосистем, становятся обязательными компонентами различных индексов развития, оценивающих объективный научно-технический, социально-экономический и политический потенциал общества.

Термин «устойчивое развитие» был заимствован из лесоведения. Первоначально он использовался для обозначения вырубки зрелого леса в масштабах, позволяющих удовлетворять текущую потребность в древесине без ущерба для продуктивности леса в будущем. В 1960-е гг. термин «устойчивое развитие» стал активно использоваться в экологии, а в 1987 г. Комиссия Брундланд при ООН придала этому термину совершенно новый социокультурный статус, отражающий особую форму поддержания устойчивого соотношения между социальной структурой и благосостоянием человечества, с одной стороны, и природными процессами с другой. Именно такое значение закрепилось за английским термином «sustainable development» после Второй конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. Кстати, по мнению некоторых экспертов, перевод этого английского термина на русский язык как «устойчивое развитие» не совсем корректен. Более точным по смыслу и содержанию будет перевод «поддерживаемое развитие». Однако суть не в этих лингвистических тонкостях. Главное состояло в том, что после саммита в Рио-де-Жанейро стало ясно, что наша технократическая цивилизация вплотную подошла к «запретной черте» и с нарастающей скоростью движется к катастрофе. Многочисленные исследования и расчеты показывают, что, если существующие тенденции развития не претерпят кардинального изменения, то коллапс неизбежен и наступит он не позднее середины XXI века.

Следует отметить, что современное понимание термина «устойчивое развитие» («sustainable development») не означает, что общество должно впасть в некий гомеостаз, превратившись в статичную бюрократическую систему традиционалистского типа. Напротив, развитие мировой цивилизации должно стать более динамичным, интенсивным, переменным. Речь идет о ряде ключевых требований к направлению, механизмам и формам, а также качеству развития.

Во-первых, оно должно быть сбалансированным, учитывать не только ресурсные параметры, материально-технические и экономические факторы роста, но также социально-политические и ценностно-мировоззренческие составляющие социальной динамики. Современный цивилизационный процесс представляет собой взаимосвязанное и многоаспектное развитие, в котором прогрессивные изменения одного региона имеют смысл только в том случае, если им соответствуют прогрессивные изменения в других. Динамика мировой системы как целого должна отвечать потребностям ее различных частей. Качественная трансформация материальных и идеологических подсистем общества должна быть согласованной. Поливариантность развития рассматривается сегодня как важнейшее условие устойчивости мировой цивилизации.

Во-вторых, «**sustainable development**» предполагает не количественный рост материальных, финансовых, демографических и информационных ресурсов, не пространственно-структурную экспансию человечества в биосферу, а переход к новому качеству роста. Это означает ориентацию развития на коэволюционный идеал отношений человечества с природным миром Земли и космическим окружением планеты. Рациональное природопользование должно опираться на научные знания о закономерностях функционирования и эволюции биосферы, основываться на научно обоснованных моделях управления биосферными процессами. Экологическая составляющая «качественного» развития предполагает создание на основе современной науки механизмов и технологий искусственного поддержания равновесия в экосистемах Земли, обеспечения прогрессивного развития биогеоценозов, поскольку количество антропогенных экосистем будет неизбежно нарастать, а естественные будут продолжать деградировать. Коэволюционная стратегия развития предусматривает комплексное решение глобальной экологической проблемы. Она направлена на обеспечение благосостояния и здоровья людей, на расширение возможностей реализации сущностных сил человека.

В-третьих, устойчивое развитие предполагает создание условий для справедливого распределения мирового ресурсного потенциала между процветающими странами Севера и бедными странами Юга для преодоления разрыва в уровне дохода между различными слоями населения и повышения качества жизни. Однако, речь не идет о простом перераспределении доходов, или о наращивании объема «гуманитарной помощи» народам «третьего мира». Подразумевается, что удовлетворение основных потребностей населения развивающихся стран будет осуществляться за счет внедрения новых,

постиндустриальных технологий, финансовое обеспечение которых станет возможным благодаря рациональному потреблению и оптимизации развития богатых стран Запада.

Таким образом, экономическое и экологическое благополучие мировой цивилизации при устойчивом развитии должно опираться не столько на увеличение объема ресурсных циклов, сколько на интенсификацию духовной, интеллектуальной составляющей общественного бытия. Благополучие предполагает интенсификацию научного прогресса, рост инноваций в области информационных систем и технологий, высвобождение духовно-творческого потенциала личности и переориентацию социально значимых ценностей на духовно-интеллектуальные формы обретения престижа.

Концепция устойчивого развития, провозглашающая программу эволюционного перехода мирового сообщества к стабильному и сбалансированному развитию с учетом не только задач социоэкономической динамики, но и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала планеты, по праву претендует сегодня на то, чтобы она рассматривалась и оценивалась как реальная конструктивная альтернатива техногенным стратегиям развития. Именно поэтому программы обоснования оптимальных сценариев развития не только в глобальном, но и региональном и даже национальном масштабах как правило, органически увязываются с идеей устойчивого развития.

Вместе с тем нельзя не признать, что отношение к этой идее не является однозначным и порождает ситуации острейшей идеологической конфронтации. Существует достаточно мощная оппозиция этой идее, базирующейся на утверждении, что концепция устойчивого развития призвана санкционировать стабилизацию и консервацию современного миропорядка, который никак нельзя признать справедливым и социально перспективным. И действительно, о какой справедливости можно говорить, когда речь идет о противостоянии, которое условно называют конфликтом «Севера и Юга». С одной стороны, относительно небольшая группа высокоразвитых стран с устойчивой политической системой, современными технологиями и высоким уровнем жизни, с другой – основная масса стран, живущих в рамках индустриальной и даже прединдустриальной технологии. В них господствует массовая бедность, бурный рост народонаселения, нестабильность политических и экономических процессов. О состоянии этого конфликта между так называемым «Золотым миллиардом» и остальным населением мира можно судить хотя бы по таким данным. На долю 20% наиболее богатых стран приходится 85% мирового валового дохода, а на долю остальных 80% населения Земли – всего лишь 15%. Индия дает миру около 30% всех неграмотных, а в США и Канаде на образование тратится почти в 100 раз больше, чем во всех африканских странах.

Эти цифры недвусмысленно свидетельствуют о том, что идея устойчивого развития не должна интерпретироваться и пониматься как призыв к консервации сложившегося миропорядка и характерных для него аномалий в важнейших сферах производства, потребления, социокультурной деятельности.

И все же идея устойчивого развития, задающая современному человечеству радикально новые приоритеты социодинамики на принципах гармонизации отношений между человеком и природой, а также установления справедливых и равноценных отношений между представителями различных культур и цивилизаций, должна быть оценена как одна из фундаментальных новаций в социокультурном пространстве постсовременности.

Таким образом, в современном философском дискурсе вырисовывается новое пространство идей и смыслов, которые призваны сформировать приоритеты философии и науки в культуре XXI в. Некоторые из этих приоритетов уже достаточно отчетливо артикулированы в философских дискуссиях последних десятилетий, некоторые же еще только обозначают свои концептуальные и тематические очертания, способствуя, таким образом, все более осязаемому вычленению нового этапа в развитии современной постклассической философии.

2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1. Практикумы по курсу «Философия и методология науки»

Примерная тематика семинарских занятий

1. Философия и ценности современной цивилизации

Семинар № 1. Тема 1.1 Статус и предназначение философии в жизни современного общества (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, участие в дискуссии

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Философия и мировоззрение Многомерность феномена философии. Философия и мировоззрение.
2. Природа философских проблем. Структура философского знания.
3. Социокультурный статус философии в современном мире.
4. Основные исследовательские стратегии в современной философии.
5. Философия и национальное самосознание.

Семинар № 2. Тема 1.2 Философия природы в эпоху экологических вызовов современности (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Понятие природы и его полисемантический характер.
2. Природа как среда обитания человека. Естественная и искусственная среда обитания.
3. Взаимодействие природы и общества на различных этапах исторического процесса.
4. Концепция биосферы и современная теория эволюции. Понятие ноосферы.
5. Козволюционный императив и экологические ценности современной цивилизации.

Семинар № 3. Тема 1.3 Философия глобального эволюционизма (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, коллоквиум, решение кейсов

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Постнеклассическое естествознание и проблема поиска нового типа рациональности.
2. Динамизм бытия: движение и развитие. Эвристический потенциал глобального эволюционизма.
3. Системно-эволюционная парадигма в современной философии.
4. Проблема развития как предмет философской рефлексии. Диалектика как философская теория развития.
5. Междисциплинарный статус синергетики. Роль синергетики в понимании эволюционных процессов.

Семинар № 4. Тема 1.4 Проблема человека и антропологический поворот в современной философии (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме, эссе, участие в дискуссии

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Философская антропология и основные стратегии познания человека в философии и науке.
2. Многомерность феномена человека. Образы человека в истории философии и культуры.
3. Антропологический кризис как явление современной техногенной цивилизации.
4. Трансгуманизм и перспективы развития человеческой цивилизации.

Семинар № 5. Тема 1.5 Актуальные проблемы социальной философии (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме, выполнение теста

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Основные стратегии исследования общества в современной философии.
2. Понятие и виды социальной структуры общества. Современные концепции социальной стратификации.
3. Проблема источника социодинамики и варианты ее философской интерпретации.
4. Основные понятия и этапы развития философии истории. Понятие и критерии социального прогресса. Критерии прогресса.
5. Феномен цивилизации, типы цивилизаций и проблема классификации цивилизационных систем.
6. Проблема исторического самоопределения Беларуси и цивилизационные приоритеты развития современного белорусского общества.

Семинар № 6. Тема 1.6 Философия культуры (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, контрольная работа

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Понятие культуры. Основные направления философского анализа культуры.
2. Структурное разнообразие культуры и ее основные функции.
3. Типология культуры. Феномены элитарной и массовой культуры.
4. Культура и ценностные формы сознания. Мораль, искусство, религия.
5. Личность в условиях массовой культуры.

Раздел 2. Философско-методологический анализ науки

Семинар № 7. Тема 2.1 Наука как важнейшая форма познания в современном мире (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме, участие в дискуссии

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Понятие науки. Наука как деятельность, социальный институт и система знания.
2. Отличительные особенности научного познания. Основные функции науки.
3. Формы рефлексивного осмысления научного познания: Проблемное поле философии науки.
4. Наука в ее историческом развитии. Классический, неклассический и постнеклассический этапы развития науки.
5. Понятие научной рациональности. Феномен паранауки, условия его возникновения и развития.

Семинар № 8. Тема 2.2 Структура и динамика научного познания (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме, участие в дискуссии

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Эмпирический и теоретический уровни научного познания, их единство и различие.
2. Структура эмпирического исследования. Факт как форма научного знания.

3. Специфика теоретического уровня исследования. Понятие научной теории.

4. Метатеоретические основания науки. Научная картина мира. Идеалы и нормы науки. Философские основания науки.

5. Динамика развивающейся науки. Кумулятивные и антикумулятивные теории научного прогресса.

6. Природа научной революции. Типы научных революций.

Семинар № 9, 10. Тема 2.3 Методологический инструментарий современной науки (4 часа)

Форма контроля: устный опрос, решение кейсов

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Понятие метода и методологии. Специфика философско-методологического анализа науки.

2. Сущность системного подхода как общенаучной методологической программы.

3. Плюрализм современных методологических стратегий и методологические новации в научном познании.

4. Методы эмпирического исследования: наблюдение, описание, измерение, эксперимент.

5. Методы теоретического исследования: идеализация, формализация, мысленный эксперимент, гипотетико-дедуктивный метод, метод математической гипотезы.

Семинар № 11. Тема 2.4 Логика, риторика и диалектика науки (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, коллоквиум

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Формальная и неформальная логика в науке. Современная формальная логика.

2. Сущность диалектической логики. Принципы диалектической логики.

3. Категории диалектической логики.

4. Риторика науки. Научный дискурс и текст.

5. Специфика аргументации в естественных, социально-гуманитарных и технических науках.

Семинар № 12. Тема 2.5 Наука как социальный институт и доминантная ценность в современной культуре (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, контрольная работа

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Наука как социальный институт. Феномен социального заказа и стратегия научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.
2. Основные организационные формы развивающейся науки.
3. Особенности научной коммуникации в условиях информационного общества. Полемика и дискуссия как формы коммуникации в науке.
4. Инструментальная и мировоззренческая ценность науки. Сциентизм и антисциентизм в оценке настоящего и будущего науки.
5. Этнос науки. Творческая свобода и социальная ответственность ученого.

Раздел 3. Философско-методологические проблемы дисциплинарно и междисциплинарно организованной науки

Вариативный компонент для магистрантов, аспирантов, соискателей естественнонаучных специальностей:

Семинар № 13, 14. Тема 3.1 Модуль А. Философия естествознания и техники (4 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме, участие в дискуссии

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Кибернетика и общая теория систем, их роль в изменении стиля научного мышления.
2. Междисциплинарный статус синергетики и ее место в постнеклассической науке.
3. Постнеклассическое естествознание и поиск нового типа рациональности.
4. Информационно-компьютерная революция в ракурсе философско-методологического анализа.
5. Социокультурное измерение техносферы. Человек в техносфере.
6. Виртуальная реальность как феномен информационного общества.

Вариативный компонент для магистрантов, аспирантов, соискателей гуманитарных специальностей:

Семинар № 13, 14. Тема 3.1 Модуль Б. Философия социально-гуманитарного познания (4 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме, участие в дискуссии

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Специфика социально-гуманитарного познания. Общество как предмет социально-гуманитарного познания.
2. Проблема классификации социальных и гуманитарных наук.
3. Проблема объективности социально-гуманитарного знания.
4. Проблема истины в социально-гуманитарном познании: сущность и специфика.
5. Проблемы и перспективы освоения междисциплинарных методологий в социально-гуманитарном познании.

Раздел 4. Философия, наука, человек в XXI столетии

Семинар № 15. Тема 4.1 Философия в начале XXI века: проблемы и перспективы (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, анализ текста (первоисточника) по теме, эссе

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Философия постмодернизма: духовно-теоретические истоки и основные этапы становления.
2. Проблема «конца философии» в прошлом и настоящем.
3. Экологический алармизм и доклады Римского клуба.
4. Искусственный интеллект и перспективы «постчеловеческой» цивилизации.
5. Человек в современном медиапространстве и мире виртуальных коммуникаций.

Семинар № 16. Тема 4.2 Глобализация как цивилизационный феномен и предмет социально-философского осмысления (2 часа)

Форма контроля: устный опрос, коллоквиум, выполнение теста

Вопросы для обсуждения в группе:

1. Основные этапы в становлении глобального мира. Системная природа глобализации.
2. Парадоксы социодинамики современных обществ и глобальные проблемы человечества.
3. Феномен глокализации: сущность и тенденции развития.
4. Современный антиглобализм как теоретическая доктрина и практика общественных движений.
5. «Эпоха глобализма» и проблема развития белорусской национальной культуры и государственности.

2.2. Примерный перечень тем рефератов для магистрантов, аспирантов и соискателей естественнонаучных и гуманитарных специальностей

1. Философия и мировоззренческие основания культуры.
2. Философия в духовном опыте современного общества.
3. Философия и национальное самосознание.
4. Философия и идеология.
5. Философы о философии: классические и постклассические интерпретации.
6. Ф. Скаррына как мыслитель и философ.
7. С. Будный в белорусской культуре и философии.
8. Философия и развитие белорусского национального самосознания.
9. Беларусь и Россия в пространстве восточнославянской цивилизации.
10. Аналитика человеческого существования в творчестве Ф.М. Достоевского.
11. Л.Н. Толстой о проблемах и антиномиях нравственного выбора.
12. Философия русского космизма.
13. Бытие как проблема философии.
14. Феномен нигилизма в европейской философии и культуре: от Ницше к Хайдеггеру.
15. Философия постмодернизма: духовно-теоретические истоки и основные этапы развития.
16. Пространство и время как категории философии и культуры.
17. Философия природы и экологические ценности современной цивилизации.
18. Становление и развитие экологической этики в современной культуре.
19. Принцип глобального эволюционизма в современной научной картине мира.
20. Диалектика как философская теория развития и метод мышления.
21. Диалектическая логика как философско-методологический проект.
22. Синергетика и становление нелинейной методологии познания.
23. Философия человека в культурных традициях Запада и Востока.
24. Аналитика человеческого бытия в философии экзистенциализма.
25. Свобода и ответственность как экзистенциальная оппозиция бытия человека.
26. Проблема смысла жизни человека в классической и современной философии.
27. Проблема жизни и смерти в духовном опыте человечества.
28. Игра как феномен человеческого бытия.
29. Образ «человека массы» в современной философии и культуре.
30. Человек в системе социальных коммуникаций.
31. Проблема «диалога» человека и компьютера.
32. Феномен «одномерного человека» в философии Г. Маркузе.

33. Концепция сознания в философии Э. Гуссерля.
34. Сознание и самосознание. Проблема «Я».
35. Учение З. Фрейда и концепция бессознательного в классическом психоанализе.
36. Проблема человека в философии неопрейдизма.
37. Проблема «искусственного интеллекта» в современной философии и науке.
38. Проблема человека в философии марксизма.
39. Анализ процесса познания в когнитивной психологии.
40. Интернет как форма коммуникации и познания мира.
41. Знание и вера в структуре познавательного процесса.
42. Что есть истина? Версии Аристотеля и Пилата.
43. Истина и релятивизм в современной философии науки.
44. Истина и ценность в современной науке.
45. Место и роль социальной философии в системе современного философского знания.
46. Проблема социальной стратификации в современной философии.
47. Марксистская концепция социума.
48. Концепция этногенеза Л. Гумилева.
49. Концепция целерациональности М. Вебера и аксиологические основания европейской культуры.
50. Общество как суперсистема в социальной философии П. Сорокина.
51. Теория социального действия Т. Парсонса.
52. Проблема социальных девиаций в структурном функционализме Р. Мертона.
53. Концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса.
54. Социальный конфликт: его статус и роль в современном историческом процессе.
55. Феномен терроризма в современном обществе: социально-философский анализ.
56. Проблема социального прогресса как предмет осмысления в современной философии истории.
57. Концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.
58. Философия истории Г.В.Ф. Гегеля.
59. Материалистическое понимание истории К. Маркса.
60. Идея «морфологии культуры» в концепции истории О. Шпенглера.
61. Идея локальных цивилизаций в концепции А. Тойнби.
62. Смысл и назначение истории в философии К. Ясперса.
63. Философская концепция истории Н. Бердяева.
64. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и современный исторический процесс.
65. Идея «конца истории» в социальной философии Ф. Фукуямы.
66. Феномен «информационного общества»: основные понятия и методологические подходы.

67. «Пределы роста» техногенной цивилизации в футурологических моделях Римского клуба.
68. Философия и футурология.
69. Социально-философский смысл евразийства.
70. Феномен глобализации в современном мире: проблемы и перспективы.
71. Белорусская модель социально-экономического развития и цивилизационные вызовы современности.
72. Устойчивое развитие как императив современной цивилизационной динамики.
73. Техника как объект социально-философского осмысления
74. Человек в техносфере. Проблемы становления техноструктуры XXI столетия.
75. Современные технологии и «высокое напряжение» в структуре постиндустриальных обществ.
76. Интернет как инструмент новых социальных технологий
77. Виртуальная реальность как социокультурный феномен современного общества.
78. Роль информационных технологий в социальной коммуникации: сетевое общество и виртуальная реальность.
79. Феномен власти как предмет осмысления в современной социальной философии.
80. Власть и насилие. Феномен тоталитаризма в социальной практике XX века.
81. Политическая власть и социальный интерес.
82. Государство и гражданское общество: возможные формы взаимодействия.
83. Культура как предмет осмысления в современной философии.
84. Культура и контркультура в социальной философии Франкфуртской школы.
85. Ф. Ницше о дионисийском и аполлониистическом началах в европейской культуре.
86. Традиции и новации в динамике культуры.
87. Глобализация культуры и этнокультурный полицентризм.
88. Современное искусство и философия: грани взаимодействия.
89. Природа нравственного сознания и антиномии морального выбора.
90. Феномен современного религиозного ренессанса в постсоветских обществах.
91. Современный религиозный фундаментализм: истоки и направления эволюции.
92. Наука и религия: возможности и границы диалога.
93. Наука как предмет философско-методологического исследования.
94. Философия и наука: исторические формы взаимосвязи.
95. Философия науки: становление и основные этапы развития.

96. Наука и вненаучное знание в современной культуре.
97. Феномен антинауки и критика классического рационализма.
98. Проблема научной рациональности как предмет философско-методологического исследования.
99. Методологические новации в современной философии науки.
100. Неклассический и постнеклассический этапы в развитии современной науки.
101. Наука в постиндустриальном обществе.
102. Проблема метатеоретических оснований науки в современном философско-методологическом исследовании.
103. Научная картина мира нового тысячелетия.
104. Феномен научной революции как предмет философско-методологического анализа.
105. Научный прогресс: единство когнитивных и социокультурных параметров.
106. Дифференциация и интеграция научного знания как закономерности развития современной науки.
107. Философия природы и экологизация современного естествознания.
108. Постнеклассическое естествознание и поиски нового типа научной рациональности.
109. Проблема аргументации в современной науке.
110. Системный подход как общенаучная методологическая программа.
111. Эволюционно-синергетическая парадигма в современном естествознании.
112. Математизация и компьютеризация современного естествознания.
113. Социально-психологические проблемы компьютеризации познания и деятельности в современном обществе.
114. Эволюция организационных форм научного познания и институализация науки.
115. Феномен сетевой науки XXI века.
116. Научное сообщество и школы в науке.
117. Проблема коммуникации в современной науке.
118. Этика науки и нормы научного этоса.
119. Наука и власть: возможность и границы диалога.
120. Наука и нравственность: свобода и социальная ответственность ученого.
121. Наука как ценность в современной культуре. Дилемма сциентизма и антисциентизма.

Примерный перечень тем рефератов, ориентированных на исследование и анализ методологических идей и концепций крупнейших представителей современной философии и естествознания

1. А. Пуанкаре о ценности науки в современной культуре.

2. М. Вебер о призвании ученого и ценности науки.
3. В. Гейзенберг о роли традиций в развитии науки.
4. Концепция логического атомизма Б. Рассела.
5. Концепция теоретического знания в творчестве Р. Карнапа.
6. Философия нового научного духа Г. Башляра.
7. Концепция науки в «философии нестабильности» И. Пригожина.
8. Концепция роста знания в философии науки К. Поппера.
9. Образ развивающейся науки в работе Т. Куна «Структура научных революций».
10. Концепция научно-исследовательских программ в философии науки И. Лакатоса.
11. Методология тематического анализа науки Дж. Холтона.
12. Концепция эпистемологического анархизма П. Фейерабенда.
13. В.И. Вернадский о науке и научных революциях.
14. Феномен единства научного знания в творчестве П.В. Копнина.
15. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Э.Г. Юдина.
16. Проблема гуманизации науки в работах И.Т. Фролова.
17. Концепция современного рационализма в работах Н.Н. Моисеева.
18. Концепция метатеоретических оснований науки в творчестве В.С. Степина.
19. Концепция социального призвания науки А.Н. Уайтхеда.
20. Физика и философия в творчестве А. Эйнштейна.
21. Н. Бор о методологии дополненности.
22. Луи де Бройль о революции в физике.
23. Биогеохимия В.И. Вернадского и ее роль в развитии современной экологии.
24. Проблемы методологии познания в творчестве Д.И. Менделеева.
25. Русский космизм и творчество К. Циолковского.
26. Философия биологии в творчестве В. Энгельгардта.

Примерный перечень тем рефератов по философско-методологическим проблемам естественных наук

1. Естествознание в современной культуре: эпистемологический и ценностный статус.
2. Философия природы и экологизация современного естествознания.
3. Основные направления математизации современной науки.
4. Роль математической гипотезы в развитии современной науки.
5. Методология современной физики и стиль мышления постнеклассической науки.
6. Проблема объективности знания в современном физическом исследовании.
7. Концепция детерминизма в неклассической и постнеклассической физике.

8. Эволюция физического знания и принцип соответствия.
9. Концептуальные трудности стандартной модели фундаментальных частиц и взаимодействий.
10. Эволюционный стиль мышления в современной космологии.
11. Антропный принцип как методологический регулятив в современном научном познании.
12. Коэволюция человека и Вселенной. Космические факторы биологических и социальных процессов.
13. Копенгагенская интерпретация квантовой механики: научные предпосылки и философские основания.
14. Методология редукционизма в классической и современной науке.
15. Философско-методологические проблемы внедрения нанотехнологий в жизнь современного общества.
16. Роль физики в становлении и развитии техносферы: история и современность.
17. Природа математического мышления.
18. Философские проблемы генезиса и эволюции математики в культурном контексте.
19. Место математики в культуре современного общества
20. Философско-методологические проблемы обоснования математики.
21. Парадоксы теории множеств и их философская интерпретация.
22. Проблема бесконечности в философии и математике.
23. Логика и интуиция в математике.
24. Философские проблемы теории вероятностей.
25. Биология в контексте философии и методологии науки XX века
26. Место и роль биологии в структуре современного естествознания.
27. Синтетическая теория эволюции как предмет философско-методологического осмысления.
28. Проблема системной организации и системный подход в биологическом исследовании.
29. Этические проблемы современной биологии.
30. Биотехнологии и будущее цивилизации.
31. Мировоззренческие и социально-этические проблемы генетики человека.
32. Химия в современной научной картине мира.
33. Методологический потенциал системно-структурного подхода в современной химии.
34. Идея развития в химии. Проблема химической эволюции.
35. Химия и междисциплинарные методологии познания.
36. Социокультурный аспект эволюции концептуальных систем химии.
37. Философско-методологические проблемы физикализации химии.
38. Современные химические технологии и охрана окружающей среды.
39. Место и роль географии в системе современного научного знания.

40. Структура и основные направления развития современного географического знания.
41. Методологические основы единства физической и социально-экономической географии.
42. Философско-методологические проблемы формирования географической картины мира.
43. Философско-методологические проблемы математизации современной географии.
44. Проблема пространства и времени в географии.
45. Формирование и развитие географической среды в современном обществе.
46. Географический детерминизм и геополитика.
47. Место географии в решении экологических проблем современности.
48. Предмет и структура социальной экологии.
49. Биологическая парадигма в современной экологии.
50. Становление системной парадигмы в экологии. Экосистема как интегральный природный комплекс.
51. Экология человека в структуре социально-экологического знания.
52. Философско-методологические проблемы развития современной урбоэкологии.
53. Экологические императивы современной культуры.
54. Экологические приоритеты национальной стратегии устойчивого развития Беларуси.

Примерный перечень тем рефератов, ориентированных на исследование и анализ методологических идей и концепций крупнейших представителей современной философии и социально-гуманитарного знания

1. В. Дильтей о методологии гуманитарного познания.
2. Х.-Г. Гадамер о роли предрассудков и традиций в гуманитарном познании.
3. Научный разум и коммуникация в философии Ю. Хабермаса.
4. Концепция «археологии знания» в философии М. Фуко.
5. Структурализм в психологии (Ж. Лакан).
6. Структуралистская методологическая программа в этнологии К. Леви-Стросса.
7. М. Вебер о призвании ученого и ценности науки.
8. Язык и познание в философии Л. Витгенштейна.
9. Концепция науки в «философии нестабильности» И. Пригожина.
10. Концепция роста знания в философии науки К. Поппера.
11. Образ развивающейся науки в работе Т. Куна «Структура научных революций».
12. Концепция научно-исследовательских программ в философии науки И. Лакатоса.

13. Идея неявного знания в эпистемологической концепции М. Полани.
14. Проблема динамики науки в концепции С. Тулмина.
15. Концепция эпистемологического анархизма П. Фейерабенда.
16. Проблема научной рациональности в философии науки Л. Лаудана.
17. Идея «невидимого колледжа» в концепции научной коммуникации Д. Прайса.
18. В.И. Вернадский о науке и научных революциях.
19. Проблема единства научного знания в творчестве П.В. Копнина.
20. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Э.Г. Юдина.
21. Проблема гуманизации науки в работах И.Т. Фролова.
22. Концепция современного рационализма в работах Н.Н. Моисеева.
23. Концепция метатеоретических оснований науки в творчестве В.С. Стёпина.
24. Концепция социального призвания науки А. Уайтхеда.
25. Ж. Деррида о природе гуманитарного познания.
26. Знание и власть в философии постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар).
27. Методология глобального прогнозирования в творчестве А.С. Панарина.
28. Перспектива научного разума в постмодернистском прагматизме Р. Рорти.
29. Метод системной динамики Дж. Форрестера и его роль в становлении методологии глобального моделирования.
30. Теория структуризации Э. Гидденса как форма «интегральной методологии» социального познания.
31. Проблемы методологии социального познания в творчестве Н. Лумана.
32. Философия нового научного духа Г. Башляра.
33. Методология тематического анализа науки Дж. Холтона.

Примерный перечень тем рефератов по философско-методологическим проблемам социально-гуманитарных наук

1. Концептуальный статус исторической реальности в философии истории.
2. Проблема единства и многообразия всемирно-исторического процесса.
3. Дилемма формационного и цивилизационного подходов к истории.
4. Проблема смысла истории.
5. Историческое познание: проблемное поле и специфика интерпретации социальной реальности.
6. Роль личности и масс в истории.
7. Становление и развитие исторической эпистемологии.
8. Феномен власти в политико-правовой науке.

9. Права человека и гражданское общество.
10. Правовое государство: проблемы становления в обществах переходного типа.
11. Политические технологии и социальный интерес.
12. Феномен демократии как предмет социально-философского анализа.
13. Становление и развитие идеологии современного белорусского государства: проблемы и решения.
14. Политика и государственное управление в ракурсе социально-философского исследования.
15. Феномен бюрократии: его исторические и социально-политические модификации.
16. Права человека как императив развития современной социально-политической теории.
17. Мораль и политика: грани взаимодействия.
18. Философия экономики: проблемное поле и специфика интерпретации общественного развития.
19. Проблема классификации экономических систем.
20. Рынок и рыночная экономика: от классического капитализма к постиндустриальным моделям.
21. Государственное регулирование экономического развития и возможности социально-ориентированной экономики.
22. Экономика и право: формы и уровни взаимодействия.
23. Экономическое развитие и экология: к вопросу о цене экономического процветания.
24. Философия и литература: общее и особенное в постижении мира.
25. Ситуация постмодерна в культуре и современный литературный процесс.
26. Герменевтическая парадигма в современном социально-гуманитарном познании.
27. Психоаналитическая парадигма в социально-гуманитарном познании.
28. Культура и творчество в феноменологической герменевтике П. Рикёра.
29. Диалектика содержания и формы в литературном процессе.
30. Язык, речь, действительность: от репрезентации к конструированию (Р. Барт).
31. Философия языка: от классической к современным парадигмам исследования.
32. Язык и национальная культура.
33. Современные методологии анализа текста в постструктурализме.
34. Философские проблемы современной семиотики.
35. Философские проблемы современной психолингвистики.
36. Философские проблемы современной социолингвистики.
37. Методология дискурсивного анализа в современном языкознании.

2.3. Методические указания и рекомендации по подготовке и написанию реферата для сдачи кандидатского экзамена по дисциплине «Философия и методология науки»

Написание реферата является необходимым компонентом профессиональной подготовки аспиранта или соискателя в рамках освоения курса «Философия и методология науки». Основная его задача состоит в том, чтобы на примере рассмотрения одной из актуальных проблем современной философии и методологии познания развить навыки самостоятельной работы с оригинальными научными и философскими текстами, информационно-аналитической литературой, монографическими исследованиями и разработками. В тексте реферата его автор должен продемонстрировать достаточный уровень логико-методологической культуры мышления, творческий подход к исследованию конкретной научной проблемы в контексте ее философского понимания и интерпретации.

Подготовка и написание реферата предшествует экзамену кандидатского минимума по философии и методологии науки.

На кафедре разработана обширная тематика рефератов с учетом особенностей философско-методологических проблем гуманитарных и естественнонаучных специальностей, а также отражающая наиболее актуальные вопросы базовых разделов программы курса «Философия и методология науки». Значительная часть предлагаемых тем посвящена анализу методологических идей и концепций крупнейших представителей современной философии науки.

Магистрант, аспирант или соискатель имеет право свободного выбора темы реферата из предлагаемого списка тем с учетом профиля своей научной специальности (гуманитарные или естественнонаучные факультеты). Он может получить соответствующие консультации и разъяснения у преподавателей кафедры, читающих лекционный курс или обеспечивающих проведение практикумов и семинарских занятий. В исключительных случаях допускается самостоятельная формулировка темы реферата, которая связана с научными интересами аспиранта или соискателя и посвящена философско-методологическим аспектам осуществляемого им диссертационного исследования. В таких случаях предложенная тема в обязательном порядке утверждается заведующим кафедрой философии и методологии науки. В заявлении на имя заведующего кафедрой должно содержаться развернутое обоснование причин выбора индивидуальной темы реферата.

Главное требование при выборе темы реферата – наличие репрезентативной философско-методологической компоненты в структуре исследования, позволяющей оценить уровень философской подготовки аспиранта или соискателя, качество знаний, владение категориальным аппаратом философии и методологии науки, умение использовать его для анализа и решения конкретных научных проблем.

Реферат должен соответствовать следующим теоретико-методическим требованиям:

1. Объем реферата должен составлять 25-30 страниц печатного текста (формат А4; поля зеркальные 2,5 см; шрифт – Times New Roman, кегль 14 пт; междустрочный интервал одинарный; выравнивание по ширине; отступ 1,25 см). Работа выполняется на русском, белорусском языке или английском языке (в случае обучения на английском языке).

2. Титульный лист оформляется в соответствии с приложением №1.

3. Реферат должен включать план, введение, основную часть и заключение.

Во введении необходимо отразить актуальность, степень разработанности проблемы, ее место в системе философско-методологического знания, цель и задачи работы.

В основной части выделяются несколько (не менее двух) разделов, формулировка названий которых должна соответствовать пунктам плана. Проблематика, рассматриваемая в разделах реферата, должна быть теоретически и логически взаимосвязанной, а ее рассмотрение должно способствовать содержательному освещению темы.

В заключении необходимо подвести итоги анализа и сделать основные выводы.

4. Реферат завершается списком использованной литературы, включая оригинальные тексты, монографические исследования, статьи, учебные пособия и др. В случае использования любого источника, в тексте должны присутствовать ссылки на него. Список использованной литературы оформляется в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.

5. Текст должен быть тщательно выверен и соответствовать нормам научного литературного языка.

В установленные сроки реферат представляется для проверки на кафедру философии и методологии науки. Решением заведующего кафедрой из профессорско-преподавательского состава назначается преподаватель (доктор или кандидат философских наук), который осуществляет рецензирование представленного реферата.

В ходе рецензирования реферата проводится анализ его содержательных и формальных параметров, результаты которого фиксируются в баллах по следующей схеме:

Таблица 2. Основные параметры оценки реферата

№ п/п	Основные параметры оценки реферата	Максимально возможная оценка параметра в баллах
1	Обоснование актуальности темы реферата, ее философско-методологического статуса и связи с научной специальностью аспиранта или соискателя. Четкая постановка цели и задач исследования.	16
2	Обоснованность плана и структуры реферата, их соответствие поставленным целям и задачам.	12
3	Теоретический уровень анализа заявленной проблемы.	24

№ п/п	Основные параметры оценки реферата	Максимально возможная оценка параметра в баллах
	Глубина ее философско-методологического осмысления и использования категориального аппарата современной философии.	
4	Наличие исследовательской компоненты в анализе рассматриваемой проблемы, самостоятельный и творческий характер работы.	20
5	Качественные и количественные параметры литературных источников, использованных при написании реферата, их соответствие заявленной теме и современному уровню философско-методологических исследований.	16
6	Оформление реферата в соответствии с нормами и требованиями, предъявляемыми к научным работам и аттестационным текстам (язык изложения, стилистические особенности, правильность оформления аппарата ссылок и в целом текста реферата).	12

Рецензия оформляется в виде заполненной таблицы, в приложении к которой в обязательном порядке даются краткие содержательные комментарии, с фиксацией как положительных моментов работы, так и ее недостатков, повлиявших на итоговую оценку. Рецензент дает общую оценку реферата по формуле «зачтено» или «не зачтено», а в случае общей позитивной оценки дифференцирует ее с учетом количества баллов в таблице:

Таблица 3. Дифференциация баллов при оценке реферата

Количество баллов	Оценка
Менее 35 баллов	не зачтено
35-44	4
45-54	5
55-64	6
65-74	7
75-84	8
85-94	9
95-100	10

Выставленная оценка за подписью рецензента с указанием его фамилии, ученой степени и звания фиксируется как в тексте рецензии, так и на титульном листе реферата с указанием даты его проверки. В случае выставления оценки «не зачтено» автор реферата не допускается к сдаче кандидатского экзамена по курсу «Философия и методология науки».

Аспирант или соискатель знакомится с рецензией на его реферат до срока сдачи им кандидатского экзамена. Собеседование по теме реферата (его защита аспирантом или соискателем) включается в структуру кандидатского экзамена в качестве одного из экзаменационных вопросов.

3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

3.1. Примерный перечень вопросов для контроля знаний на экзамене кандидатского минимума по общеобразовательной дисциплине «Философия и методология науки» для магистрантов, аспирантов и соискателей естественнонаучных специальностей

1. Философия как рационально-теоретический тип мировоззрения. Природа философских проблем и структура философского знания.
2. Классический и неклассический типы философии. Основные исследовательские стратегии в современной философии.
3. Социокультурный статус и функции философии в современном мире.
4. Природа как предмет философского и научного познания. Концепция биосферы и проблема коэволюции человека и природы.
5. Глобальные проблемы и экологические вызовы современности. Идея ноосферы и концепция «устойчивого развития».
6. Концепция глобального эволюционизма и современная научная картина мира.
7. Системно-структурная организация материального мира. Динамизм бытия: движение и развитие.
8. Диалектика как философская теория развития. Основные исторические формы диалектики. Принципы, законы и категории материалистической диалектики.
9. Синергетика как междисциплинарная методология научного познания. Основные понятия синергетики.
10. Основные стратегии осмысления проблемы человека в классической и современной философии. Сущность и существование человека.
11. Аксиологические параметры бытия человека в мире. Экзистенциальный опыт личности.
12. Антропологический кризис как явление современной цивилизации. Трансгуманизм и перспективы человека.
13. Проблема сознания в философии и науке: основные направления исследования.
14. Общество как предмет социально-философского анализа. Основные стратегии исследования общества в современной философии.
15. Понятие и виды социальной структуры общества. Современные концепции социальной стратификации.
16. Общество как развивающаяся система. Проблема источника и факторов социальной динамики.
17. Направленность исторического процесса: линейные и нелинейные интерпретации истории.
18. Развитие общества как цивилизационный процесс. Понятие и типы цивилизаций в истории общества.

19. Феномен информационного общества. Проблемы и перспективы развития информационного общества.
20. Понятие техногенной цивилизации, ее достижения и проблемы.
21. Понятие культуры. Основные направления философского анализа культуры.
22. Структура и основные функции культуры. Культура и ценностные формы сознания.
23. Специфика познавательного отношения человека к миру. Понятия познания и знания. Многообразие форм познания.
24. Проблема истины в философии и науке.
25. Наука как специфическая форма познания. Сущность, структура и функции науки в современном обществе.
26. Проблемное поле философии науки. Основные стратегии исследования науки.
27. Наука в ее историческом развитии. Классический, неклассический и постнеклассический этапы развития науки.
28. Понятие научной рациональности. Феномен паранауки, условия его возникновения и развития.
29. Структура научного исследования и уровни организации научного знания. Формы научного знания.
30. Эмпирический уровень научного исследования и эмпирический базис науки.
31. Специфика теоретического знания. Функции научной теории.
32. Метатеоретические основания науки.
33. Динамика науки. Кумулятивные и антикумулятивные теории научного прогресса.
34. Феномен научной революции. Типы научных революций.
35. Понятия метода и методологии. Многоуровневая концепция методологического знания.
36. Общелогические методы как универсальные приемы и процедуры научного исследования.
37. Методы эмпирического и теоретического исследования.
38. Математизация и компьютеризация современного естествознания.
39. Плюрализм современных методологических стратегий и методологические новации в научном познании.
40. Проблема классификации наук. Дисциплинарная, междисциплинарная и трансдисциплинарная организация науки.
41. Специфика научного текста. Диссертация как научный текст.
42. Наука как социальный институт и доминантная ценность в современной культуре.
43. Феномен научной коммуникации. Формы коммуникации в современной науке.
44. Этика науки. Понятие научного этоса и его структура.

45. Аксиологическое измерение современной науки. Сциентизм и антисциентизм в оценке настоящего и будущего науки.
46. Техника как объект философской рефлексии: основные исследовательские программы.
47. Информационно-компьютерная революция. Виртуальная реальность как социокультурный феномен информационного общества.
48. Проблема «конца философии» в прошлом и настоящем. Постмодернистский проект философствования.
49. Глобализация как цивилизационный феномен и объект социально-философского осмысления.
50. Вызовы и риски глобализации. Проблема развития белорусской национальной культуры и государственности в глобализирующемся мире.

**3.2. Примерный перечень вопросов для контроля знаний на экзамене
кандидатского минимума по общеобразовательной дисциплине
«Философия и методология науки» для магистрантов, аспирантов и
соискателей гуманитарных специальностей**

1. Философия как рационально-теоретический тип мировоззрения. Природа философских проблем и структура философского знания.
2. Классический и неклассический типы философии. Основные исследовательские стратегии в современной философии.
3. Социокультурный статус и функции философии в современном мире.
4. Природа как предмет философского и научного познания. Концепция биосферы и проблема коэволюции человека и природы.
5. Глобальные проблемы и экологические вызовы современности. Идея ноосферы и концепция «устойчивого развития».
6. Концепция глобального эволюционизма и современная научная картина мира.
7. Системно-структурная организация материального мира. Динамизм бытия: движение и развитие.
8. Диалектика как философская теория развития. Основные исторические формы диалектики. Принципы, законы и категории материалистической диалектики.
9. Синергетика как междисциплинарная методология научного познания. Основные понятия синергетики.
10. Основные стратегии осмысления проблемы человека в классической и современной философии. Сущность и существование человека.
11. Аксиологические параметры бытия человека в мире. Экзистенциальный опыт личности.
12. Антропологический кризис как явление современной техногенной цивилизации. Трансгуманизм и перспективы человека.

13. Проблема сознания в философии и науке: основные направления исследования.
14. Общество как предмет социально-философского анализа. Основные стратегии исследования общества в современной философии.
15. Понятие и виды социальной структуры общества. Современные концепции социальной стратификации.
16. Общество как развивающаяся система. Проблема источника и факторов социальной динамики.
17. Предмет и структура философии истории. Линейные и нелинейные интерпретации исторического процесса.
18. Формационный и цивилизационный подходы в философии истории.
19. Развитие общества как цивилизационный процесс. Понятие и типы цивилизаций в истории общества.
20. Доиндустриальный (традиционный), индустриальный и постиндустриальный типы цивилизационного развития.
21. Феномен информационного общества. Проблемы и перспективы его развития.
22. Понятие техногенной цивилизации, ее достижения и проблемы.
23. Понятие культуры. Основные направления философского анализа культуры.
24. Структура и основные функции культуры. Культура и ценностные формы сознания.
25. Специфика познавательного отношения человека к миру. Понятия познания и знания. Многообразие форм познания.
26. Наука как специфическая форма познания. Сущность, структура и функции науки в современном обществе.
27. Проблемное поле философии науки. Основные стратегии исследования науки.
28. Наука в ее историческом развитии. Классический, неклассический и постнеклассический этапы развития науки.
29. Понятие научной рациональности. Феномен паранауки, условия его возникновения и развития.
30. Структура научного исследования и уровни организации научного знания. Формы научного знания.
31. Эмпирический уровень научного исследования и эмпирический базис науки.
32. Специфика теоретического знания. Функции научной теории.
33. Метатеоретические основания науки.
34. Динамика науки. Кумулятивные и антикумулятивные теории научного прогресса.
35. Феномен научной революции. Типы научных революций.
36. Понятия метода и методологии. Многоуровневая концепция методологического знания.

37. Общелогические методы как универсальные приемы и процедуры научного исследования.
38. Методы эмпирического и теоретического исследования.
39. Плюрализм современных методологических стратегий и методологические новации в научном познании.
40. Проблема классификации наук. Дисциплинарная, междисциплинарная и трансдисциплинарная организация науки.
41. Специфика научного текста. Диссертация как научный текст.
42. Наука как социальный институт и доминантная ценность в современной культуре.
43. Феномен научной коммуникации. Формы коммуникации в современной науке.
44. Этика науки. Понятие научного этоса и его структура.
45. Возможности и границы науки. Творческая свобода и социальная ответственность ученого.
46. Аксиологическое измерение современной науки. Сциентизм и антисциентизм в оценке настоящего и будущего науки.
47. Специфика социально-гуманитарного познания. Истина и ценность.
48. Проблема «конца философии» в прошлом и настоящем. Постмодернистский проект философствования.
49. Глобализация как цивилизационный феномен и объект социально-философского осмысления.
50. Вызовы и риски глобализации. Проблема развития белорусской национальной культуры и государственности в глобализирующемся мире.

4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

4.1. Программные требования, предъявляемые к магистрантам, аспирантам и соискателям гуманитарных и естественнонаучных специальностей, сдающим кандидатский экзамен по философии и методологии науки

Сдающий кандидатский экзамен по философии и методологии науки должен показать высокий уровень философско-методологической культуры, глубокие знания по специализированному курсу «Философия и методология науки», навыки исследовательского мышления и умение философски осмысливать актуальные проблемы естественных и социально-гуманитарных наук.

В экзаменационные билеты включены три вопроса. Формулировки двух вопросов соответствуют проблематике, рассматриваемой на лекционных и семинарских занятиях по курсу «Философия и методология науки» (см. ниже «Проблематика учебной дисциплины»). Третий вопрос будет задан по теме представленного реферата (см. разделы «Примерный перечень тем рефератов» и «Требования к реферату») и предполагает проверку качества философско-методологической подготовки аспиранта и владения им навыками аналитического мышления.

4.2. Проблематика учебной дисциплины

Раздел 1. Философия и ценности современной цивилизации

Тема 1.1. Статус и предназначение философии в жизни современного общества

Многомерность феномена философии. Природа философских проблем. Социокультурный статус и функции философии в современном мире культурного многообразия. Роль философии в формировании ценностных ориентаций личности и принципов современного научного мышления. Основные исследовательские стратегии в современной философии. Специфика философской аргументации и ее роль в жизни современного общества.

Тема 1.2. Философия природы в эпоху экологических вызовов современности

Понятие природы и его полисемантический характер. Природа как среда обитания человека. Естественная и искусственная среда обитания. Природно-географическая среда как базовый фактор социальной эволюции. Проблема устойчивого развития системы «общество – природа». Концепция «устойчивого развития» и ее эволюция в условиях обострения глобальных проблем современности.

Концепция биосферы и современная теория эволюции. Понятие ноосферы. Идея коэволюции человека и природы. Козволюционный императив и экологические ценности современной цивилизации.

Тема 1.3. Философия глобального эволюционизма

Системно-эволюционная парадигма в современной философии и науке. Динамизм бытия: движение и развитие. Идея эволюции в неорганической природе и теория нестационарной Вселенной. Эвристический потенциал глобального эволюционизма и проблемы развития современной научной картины мира.

Диалектика как философская теория развития. Социальная диалектика, ее особенности и мировоззренческий статус.

Тема 1.4. Проблема человека и антропологический поворот в современной философии

Философская антропология и основные стратегии познания человека в философии и науке. Многомерность феномена человека. Образы человека в истории философии и культуры. Идея синтеза естественных, гуманитарных и технических наук в учении о человеке. Аксиологические параметры бытия человека в мире. Антропологический кризис как явление современной техногенной цивилизации. Трансгуманизм и перспективы человека.

Тема 1.5. Актуальные проблемы социальной философии

Основные сферы общества, их сущность и значение. Понятие и виды социальной структуры общества. Современные концепции социальной стратификации.

Основные стратегии исследования общества в современной философии.

Проблема источника социальной динамики и варианты ее философской интерпретации.

Основные понятия и этапы развития философии истории. Основные модели периодизации истории. Понятие и критерии социального прогресса.

Понятие цивилизации в социально-философской традиции. История как цивилизационный процесс. Локальные цивилизации и сохранение культурно-цивилизационной идентичности в современном мире. Доиндустриальный (традиционный), индустриальный и постиндустриальный типы цивилизационного развития. Феномен информационного общества.

Проблема исторического самоопределения Беларуси и цивилизационные приоритеты развития современного белорусского общества.

Тема 1.6. Философия культуры

Современные проблемы философии культуры. Понятие культуры. Основные парадигмы философского анализа культуры. Структура культуры и ее основные функции. Культура как процесс. Субкультура и ее варианты. Феномены элитарной и массовой культуры.

Культура и ценностные формы сознания. Мораль как форма нормативной регуляции человеческого поведения. Искусство и специфика эстетического отношения человека к миру. Религия как форма духовного освоения реальности. Метаморфозы культуры в современном обществе.

Раздел 2. Философско-методологический анализ науки

Тема 2.1. Наука как важнейшая форма познания в современном мире

Понятие науки. Наука как деятельность, социальный институт и система знания. Формы рефлексивного осмысления научного познания: теория познания, методология и логика науки. Проблемное поле философии науки. Научное и вненаучное познание. Специфика научного познания.

Наука в ее историческом развитии. Проблема начала науки. Протонаука в структуре традиционных цивилизаций. Античный идеал науки. Становление первых научных программ в античной культуре. Зарождение опытных наук. Понятие научной рациональности. Классический, неклассический и постнеклассический этапы развития науки. Основные социокультурные и методологические предпосылки становления современной науки. Феномен паранауки, условия его возникновения и развития. Эзотеризм и девиантная наука.

Тема 2.2. Структура и динамика научного познания

Эмпирический и теоретический уровни научного познания, их единство и различие. Структура эмпирического исследования. Понятие эмпирического базиса научной дисциплины. Факт как форма научного знания. Специфика эмпирических закономерностей.

Понятие научной теории. «Идеальные объекты» в структуре научной теории. Функции научной теории. Проблема и гипотеза как формы научного поиска и роста знания.

Метатеоретические основания науки. Научная картина мира как характеристика предметно-онтологических структур научного исследования. Идеалы и нормы науки. Понятие стиля научного мышления. Философские основания науки и проблема интеграции научного знания в культуру эпохи.

Динамика развивающейся науки. Кумулятивные и антикумулятивные теории научного прогресса. Проблема рациональной реконструкции динамики научного знания и системная природа научного прогресса. Развитие науки как единство процессов дифференциации и интеграции научного знания. Экстенсивные и интенсивные этапы в развитии научной дисциплины. Природа научной революции. Типы научных революций. Современные стратегии развития научного знания.

Дисциплинарные, междисциплинарные и трансдисциплинарные подходы в развитии современной науки.

Тема 2.3. Методологический инструментарий современной науки

Понятие метода и методологии. Многоуровневая концепция методологического знания. Специфика философско-методологического анализа науки. Статус и функции общенаучной методологии познания. Частнонаучная методология.

Сущность системного подхода как общенаучной методологической программы. Становление нелинейной методологии познания. Плюрализм современных методологических стратегий и методологические новации в научном познании. Возможности и перспективы междисциплинарной методологии.

Научное исследование в методологическом осмыслении. Объект и предмет исследования. Цель и задачи в структуре научного исследования. Средства и методы исследования. Структура, механизмы обоснования и критерии научного метода. Методы эмпирического исследования: наблюдение, описание, измерение, эксперимент. Методы теоретического исследования: идеализация, формализация, мысленный эксперимент, гипотетико-дедуктивный метод, метод математической гипотезы.

Тема 2.4. Логика, риторика и диалектика науки

Формальная и неформальная логика в науке. Правила классической формальной логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего). Принцип достаточного основания. Современная формальная логика.

Диалектическая логика. Принципы диалектической логики: объективность рассмотрения, всесторонность анализа, историзм, конкретность истины. Категории диалектической логики: единичное и общее, содержание и форма, возможность, вероятность, виртуальность, структура, элемент, система, явление и сущность, причина и следствие, закон и их использование в науке.

Риторика науки. Научный дискурс и текст. Диссертация, автореферат и резюме диссертации как научные тексты. Методика написания диссертации.

Аргументация, ее структура и функции. Специфика аргументации в естественных, социогуманитарных и технических науках. Проблема достоверности научного знания. Обоснование результатов исследования. Виды обоснования (доказательство, подтверждение, объяснение). Язык науки. Определение и его роль в формировании научной терминологии. Объектный язык и метаязык.

Тема 2.5. Наука как социальный институт и доминантная ценность в современной культуре

Эволюция организационных форм науки. Наука как система фундаментальных и прикладных исследований. Феномен социального заказа и стратегия научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Академическая, отраслевая и вузовская наука: цели, задачи и перспективы развития. Наука и образование. Научные школы. Проблема преемственности и смены поколений в научном сообществе.

Ученые в организациях. Понятие научного сообщества. Стратификационная структура научного сообщества и проблема «научной демократии». Научная иерархия и феномен элиты в науке. Социальная мобильность и изменение статуса ученого в современном обществе.

Коммуникация и ее специфика в современной науке. Формы научной коммуникации. Конкуренция в науке. Конфликты в науке и пути их разрешения. Проблема диалога в научном сообществе. Полемика и дискуссия как формы коммуникации в науке. Культура ведения научной дискуссии.

Наука и социальные технологии в современном обществе. Наука и власть. Наука и политика. Наука и идеология.

Аксиологическое измерение науки. Инструментальная и мировоззренческая ценность науки. Сциентизм и антисциентизм в оценке настоящего и будущего науки. Внутринаучные ценности и социокультурная детерминация науки. Социальные ценности и нормы научного этоса. Амбивалентность научного сознания. Проблемы мотивации и признания в науке.

Возможности и границы науки. Творческая свобода и социальная ответственность ученого. Этика науки и ее роль в становлении современного типа научной рациональности. Социальный контроль над наукой. Перспективы развития и новые ценностные ориентиры современной науки. Гуманитарная, этическая и экологическая экспертизы научных проектов как особенность постнеклассической науки.

Раздел 3. Философско-методологические проблемы дисциплинарно и междисциплинарно-организованной науки

Вариативный модуль для естественнонаучных специальностей:

Тема 3.1. Модуль А. Философия естествознания и техники

Специфика естественнонаучного познания. Типология системных объектов и их освоение в развивающемся естествознании. Особенности объекта, метода и познавательных средств в естествознании. Специфика языка естественных наук.

Классическое естествознание: становление первых научных программ. Физика и ее место в структуре естественнонаучного знания. Общенаучный статус механистической картины мира в культурном пространстве классической науки.

Возникновение дисциплинарного естествознания. Особенности взаимосвязи физики, химии, биологии. Проблема единства научного знания. Взаимодействие естественных и технических наук.

Неклассическое естествознание: революционные изменения в физике конца XIX – первой половины XX века. Философские аспекты специальной и общей теории относительности, квантовой механики и космологии. Генетическая революция в биологии и становление синтетической теории эволюции. Кибернетика и общая теория систем, их роль в изменении стиля научного

мышления. Деятельностный подход как методологическая основа неклассического естествознания.

Постнеклассическое естествознание и поиск нового типа рациональности. Исторически развивающиеся, человекообразные объекты, комплексные системы как объекты исследования в постнеклассическом естествознании. Возможности и перспективы междисциплинарной методологии. Междисциплинарный статус синергетики и ее место в культурном пространстве постнеклассической науки. Историческое развитие естественнонаучного познания: от ценностно-нейтрального к этически и аксиологически нагруженному знанию.

Техника как объект философской рефлексии. Предмет и структура философии техники. Философия техники и техническая рациональность. Функции техники, ее роль и статус в истории цивилизации. Генезис и социодинамика техносферы.

Человек в техносфере. Становление техноструктуры XXI века. Технополисы и технопопуляции.

Инженерное мышление и формирование технократических представлений о развитии общества. Изобретательская и рационализаторская деятельность. Проектирование. Дизайн.

Виртуальная реальность как социокультурный феномен информационного общества. Информационно-компьютерная революция в социальном контексте. Информатизация, медиатизация современного общества и проблема социального контроля над человеком. Философское осмысление проблемы искусственного интеллекта.

Вариативный модуль для гуманитарных специальностей:

Тема 3.1. Модуль Б. Философия социально-гуманитарного познания

Общество как предмет социально-гуманитарного познания. Специфика социально-гуманитарного познания.

Исследовательские программы в обществознании. Натуралистическая программа и ее основные версии: методологический редукционизм, этноцентризм, органицизм. Культурно-историческая исследовательская программа. Психологическая и социопсихологическая программы. Социологизм в обществознании. Проблема синтеза исследовательских программ социально-гуманитарного познания и возможные варианты ее решения.

Проблема истины в социально-гуманитарном познании: сущность и специфика. Проблема объективности социально-гуманитарного знания. Методологический статус процедур интерпретации в структуре социально-гуманитарного познания. Специфика интерпретационных процедур в гуманитаристике.

Понятие научной дисциплины в социально-гуманитарном познании. Проблема классификации социальных и гуманитарных наук. Исторические науки как предмет философско-методологической рефлексии. Политология и юридические науки в аспекте методологического осмысления. Философия

и экономика: методологические регулятивы современного экономического познания. Проблемы и перспективы освоения междисциплинарных методологий мышления в социально-гуманитарном познании.

Раздел 4. Философия, наука, человек в XXI столетии

Тема 4.1. Философия в начале XXI века: проблемы и перспективы

«Проект модерна» как предмет критической дискуссии. Проблема «конца философии» в прошлом и настоящем. Философия постмодернизма: духовно-теоретические истоки и основные этапы становления. Современность как эпоха смены парадигм мышления и деятельности. Перспективы ценностной революции в культуре и ценностные ориентации XXI столетия.

Философия и футурология. Социальное прогнозирование и его особенности. Методология глобального моделирования и пределы роста техногенной цивилизации. Глобалистика, ее возможности и перспективы развития. Доклады Римского клуба и экологический алармизм.

Вариативность методологических парадигм исследования человека в современной науке и философии. Человек в современном медиапространстве и мире виртуальных коммуникаций.

Искусственный интеллект и перспективы «постчеловеческой» цивилизации.

Тема 4.2. Глобализация как цивилизационный феномен и предмет социально-философского осмысления

Понятие и системная природа глобализации. Основные этапы в становлении глобального мира. Парадоксы социодинамики современных обществ и глобальные проблемы человечества. Глобализационные процессы в экономической, политической и духовной жизни мирового сообщества. Формирование глобального информационного пространства и социокультурная природа глобализма. Глобализация как процесс становления нового миропорядка и перспективы национальных государств. «Эпоха глобализма» и проблема развития белорусской национальной культуры и государственности.

Альтернативы глобализации. Современный антиглобализм как теоретическая доктрина и практика общественных движений. Современные глобализационные вызовы и риски. Феномен глокализации: сущность и тенденции. Национальная идентичность и культурная безопасность. Тенденции регионализации в современном социальном процессе. Глокализация и сетевое сообщество.

4.3. Рекомендуемая литература

Основная литература

1. Мишаткина, Т.В. Философия и методология науки : учебно-методическое пособие / Т. В. Мишаткина, С. С. Мишук. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – 451 с.
2. Сокольчик, В.Н. Философия и методология науки. Введение (лекции) : учебно-методическое пособие / В.Н. Сокольчик, И.Н. Сидоренко ; М-во здравоохранения Республики Беларусь, ГУО «Бел. медицинская академия последиplomного образования», Кафедра общественного здоровья и здравоохранения. - Минск : БелМАПО, 2022. – 229 с.
3. Философия и методология науки : учеб. пособие для студ. второй ступени (магистратура) учреждений высш. образования / [авт.: Ч.С Кирвель и др.] ; под ред. Ч.С. Кирвеля. - Минск : Вышэйшая школа, 2018. – 568 с.

Дополнительная литература

1. Аналитическая философия: становление и развитие : антология / под общ. ред. А. Ф. Грязнова – М. : Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 528 с.
2. Бабосов, Е. М. Философия науки и культуры : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – Минск, 2006. – 582 с.
3. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М. : Прогресс, 1987. – 367 с.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 944 с.
6. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М., 1990. – 288 с.
8. Берков, В. Ф. Методология науки. Общие вопросы : учеб. пособие / В. Ф. Берков. – Минск : РИВШ, 2009. – 396 с.
9. Бучило, Н. Ф. История и философия науки : учеб. пособие / Н. Ф. Бучило, И. А. Исаев. – М., 2010. – 432 с.
10. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. / И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2003. – 355 с.
11. Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Избр. произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 707–735.
12. Виндельбанд, В. Философия культуры : избранное : пер. с нем. / В. Виндельбанд. – М. : ИНИОН, 1994. – 350 с.
13. Витгенштейн, Л. Философские работы : в 2 ч. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.

14. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер ; под общ. ред. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
15. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – 400 с.
16. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 357 с.
17. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина ; под общ. ред. В. Лапицкого – СПб. : Академ. проект, 2000. – 432 с.
18. Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 108–142.
19. История и философия науки : учеб. пособие для аспирантов / под ред. А. С. Мамзина. – СПб., 2008. – 304 с.
20. Камю, А. Творчество и свобода. Сборник / А. Камю. – М. : Радуга, 1990. – 608 с.
21. Канке, В.А. Общая философия науки : учеб. пособие / В. А. Канке. – М., 2007. – 360 с.
22. Коллингвуд, Дж. Р. Идея истории. Автобиография историка / Дж. Р. Коллингвуд ; под ред. И. С. Кона – М., 1982. – 488 с.
23. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1975. – 288 с.
24. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М., 1995. – 236 с.
25. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Наука, 1985. – 536 с.
26. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1975. – Т. 18. – С. 7–384.
27. Лиотар, Ж.-Ф. Ситуация постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко – СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
28. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис, 1992. – 272 с.
29. Малыхина, Г. И. Философия и методология науки : учеб. пособие / Г. И. Малыхина, В. И. Чуешов, В. И. Миськевич. – Минск : БГУИР, 2017. – 274 с.
30. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени ; пер. с нем. и англ. – М. : Юрист, 1994. – С. 7–276.
31. Маритен, Ж. Философ в мире / Ж. Маритен ; пер. с фр. Б. Л. Губмана – М. : Высш. шк., 1994. – 192 с.
32. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – Т. 13. – С. 5–9.
33. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1974. – Т. 42. – С. 41–174.

34. Микешина, Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М., 2005. – 463 с.
35. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М., 1995. – 880 с.
36. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999. – 630 с.
37. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / научно-ред. совет : В. С. Стёпин (предс.). – М. : Мысль, 2001–2002. – 4 т.
38. Печёнкин, А. А. Современная философия науки : знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : хрестоматия. А. А. Печёнкин. – 2-е изд. – М., 1996. – 400 с.
39. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М., 1993. – 605 с.
40. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 2001. – 353 с.
41. Рассел, Б. Человеческое познание. Его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев : Ника-Центр, 1997. – 560 с.
42. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М., 1995. – 416 с.
43. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 413 с.
44. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов : сборник. – М., 1990. – С. 423-424, 427.
45. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин ; под общ. ред. А.Ю. Согомонова – М., 1992. – 393 с.
46. Стёпин, В. С. Философия науки. Общие проблемы : учеб. пособие для аспирантов и соискателей ученой степ. канд. наук / В. С. Стёпин. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.
47. Стёпин, В. С. Философская антропология и философия культуры / В. С. Стёпин. – М. : Академ. проект; Альма Матер, 2015. – 542 с. – (Филос. технологии: Избр. филос. тр.).
48. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М. : Прогресс, 1987. – 239 с.
49. Тойнби, А. Дж. Цивилизации перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М., 2011. – 320 с.
50. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.
51. Феномен человека: Антология : сост., ред. и вступит. ст. П. С. Гуревича. – М. : Высш. шк., 1993. – 349 с.
52. Философия и методология науки : учеб. пособие для аспирантов и магистрантов / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск, 2011. – 479 с.

53. Философия истории : Антология : учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / сост., ред. и вступит. ст. Ю. А. Кимелева – М. : Аспект Пресс, 1995. – 351 с.
54. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.] – М. : ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
55. Франк, С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М., 1992. – 370 с.
56. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд / сост. М. Г. Ярошевский – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.
57. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб., 1994. – 408 с.
58. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
59. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 382 с.
60. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибикина. – Харьков : «Фолио», 2003. – 503 с.
61. Хайдеггер, М. Наука и осмысление / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – С. 238–253.
62. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – СПб., 1997. – 312 с.
63. Хрестоматия по истории науки и техники / под ред. С. Л. Тимофеевой, – М., 2005. – 701 с.
64. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. К. А. Свасьяна. – М. : Изд-во «Мысль», 1993. – 2 т.
65. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 28 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1995. – Т. 21.
66. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 300 с.
67. Яскевич, Я. С. Философия и методология науки : учеб. пособие / Я. С. Яскевич, В. К. Лукашевич. – Минск, 2009. – 475 с.
68. Яскевич, Я.С. Философия и методология науки : учебник для вузов : [в 2 ч.] / Я.С. Яскевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – Ч. 2 : . – 2017. – 315 с.
69. Яскевич, Я.С. Философия и методология науки : учебник для вузов : [в 2 ч.] / Я.С. Яскевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – Ч. 1 : . – 2017. – 352 с.
70. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Республика, 1994. – 527 с.

Раздел 1. Философия и ценности современной цивилизации

1. Арон, Р. Избранное : Введение в философию истории / Р. Арон. – М.; СПб., 2000. – 543 с.
2. Барковская, А.В. Антропосоциальная парадигма в философии природы / А. В Барковская. – Мн.: БГУ, 2000. – 266 с.
3. Барулин, В. С. Социально-философская антропология / В. С. Барулин. – М., 1994. – 256 с.
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002. – 390 с.
5. Беседин, В. П. Карма истории. Теория социальных катастроф / В. П. Беседин. – М., 2005. – 352 с.
6. Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – М., 1990. – 389 с.
7. Библер, В. С. На гранях логики культуры / В. С. Библер. – М., 1997. – 440 с.
8. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. – М., 2003. – 444 с.
9. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М., 2008. – 176 с.
10. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М., 1998. – 522 с.
11. Гуревич, П. С. Философская антропология / П. С. Гуревич. – М., 1997. – 443 с.
12. Дрейер, О. К. Экология и устойчивое развитие / О. К. Дрейер, В. А. Лось. – М., 1997. – 224 с.
13. Екадумов, А.И. Диалог культур и парадоксы мультикультурализма в многополярном мире / А.И. Екадумов. – Минск: БГУ, 2015. – 159 с.
14. Зеленков, А.И. Наука как ценность в обществе риска / А.И. Зеленков // Философские науки. – 2021. Т. 64. – № 5. – С. 93-111.
15. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М., 1991. – 464 с.
16. Карпинская, Р. С. Философия природы: коэволюционная стратегия / Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев, А. П. Огурцов. – М., 1995. – 352 с.
17. Кваша, Г. Рождение и гибель цивилизаций / Г. Кваша, В. М. Курляндский. – М., 2004. – 512 с.
18. Кин, Дж. Демократия и гражданское общество: о трудностях европейского социализма, перспективах демократии и проблемах контроля над социально-политической властью / Дж. Кин. – М., 2001. – 400 с.
19. Комаровская, А.С. Гармонизация взаимодействия права и морали в современном обществе как предмет философского анализа / А.С. Комаровская // Философия и социальные науки. – 2016. – № 4. – С. 77-82.
20. Лаптенко, А. С. Личность, культура, мораль в социальных системах / А. С. Лаптенко // Современный социум в мире глобальных перемен : к 85-летию акад. Е. М. Бабосова / С. В. Абламейко [и др.] ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 172–182.
21. Лосев, А. Ф. Философия, мифология, культура / А. Ф. Лосев. – М., 1991. – 525 с.

22. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М., 1992. – 415 с.
23. Марков, Б. В. Философская антропология / Б. В. Марков. – СПб., 1997. – 412 с.
24. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 1994. – 368 с.
25. Моисеев, Н. Н. Человек и ноосфера / Н. Н. Моисеев. – М., 1990. – 351 с.
26. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М., 1997. – 448 с.
45. Новикова О.В. Техногенная цивилизация: концептуальные основания и тенденции динамики / В.Т.Новиков, О.В.Новикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология – 2018. № 3. – С. 58 – 63.
27. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1991. – 408 с.
28. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М., 2002. – 496 с.
29. Платон. Пир / Платон // Платон. Сочинения: в 4 т. ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – Т. 2. – С. 97–160.
30. Подорога, В. А. Феноменология тела / В. А. Подорога. – М., Ad Marginem, 1995. – 341 с.
31. Радевич, Е. В. Концепт «культурно-информационное пространство» и опыт глобального моделирования в социогуманитарном познании / Е. В. Радевич // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, Философия. – 2021. – № 2. – С. 94–98.
32. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М., 2002. – 640 с.
33. Фрейд, З. Психология бессознательного: сб. произведений / З. Фрейд/ сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.
34. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М., 1995. – 252 с.
35. Хейзинга, Й. Человек играющий / Й. Хейзинга. – М., 1991. – 416 с.
36. Человек: философско-энциклопедический словарь / Рос. акад. наук, Ин-т человека ; под общ. ред. И. Т. Фролова. – М. : Наука, 2000. – 516 с.
37. Ясперс, К. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийар. – М., 2007. – 272 с.

Раздел 2. Философско-методологический анализ науки

1. Агацци, Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци. – М., 1998. – 344 с.
2. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М., 1956. – 735 с.
3. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М., 1988. – 507 с.

4. Гайдено, П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой / П. П. Гайдено. – М., 2000. – 456 с.
5. Грязнов, Б. Логика, рациональность, творчество / Б. Грязнов. – М., 2002. – 256 с.
6. Добронравова, И. С. Синергетика: становление нелинейного мышления / И. С. Добронравова. – Киев, 1990. – 147 с.
7. Дьяков, А. В. Проблема субъекта в постструктуралистской перспективе. Онтологический аспект / А. В. Дьяков. – М., 2005. – 600 с.
8. Зеленков, А. И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А. И. Зеленков, П. А. Водопьянов. – Минск, 1987. – 238 с.
9. Капица, С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – М., 1997. – 285 с.
10. Келле, В. Х. Наука как компонент социальной системы / В. Х. Келле. – М., 1988. – 198 с.
11. Кисель, Н.К. Постакадемический тренд в эволюции современного методологического сознания / Н.К. Кисель // Философские науки. – 2021. – Т. 64, № 5. – С. 128-139.
12. Косарева, Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л. М. Косарева. – М., 1997. – 360 с.
13. Кочергин, А. Н. Методы и формы научного познания / А. Н. Кочергин. – М., 1990. – 80 с.
14. Лаптёнок, А.С. Моральное наследие в социодинамике культуры / А.С. Лаптёнок. – Мн.: БГУ, 2002. – 124 с.
15. Лукашевич, В. К. Анатомия научного метода / В. К. Лукашевич. – Минск, 1999. – 96 с.
16. Мамчур, Е. А. Образы науки в современной культуре / Е. А. Мамчур. – М., 2008. – 400 с.
17. Микешина, Л. А. Философия науки : учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М., 2005. – 464 с.
18. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М., 2007. – 439 с.
19. Мирская, Е. З. Социология науки в 80-е гг. / Е. З. Мирская // Социальная динамика науки. – М., 1995. – 319 с.
20. Моисеев, Н. Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев. – М., 1995. – 380 с.
21. Научная деятельность : структура и институты : сб. переводов. – М., 1980. – 431 с.
22. Новикова, О. В., Сайганова В.С. Феномен рациональности в современной культуре : антропологическое и когнитивное измерения / О. В. Новикова, В. С. Сайганова // Философия и соц. науки. – 2014. – № 2. – С. 56–60.
23. Пельц, Д. Ученые в организациях / Д. Пельц, Ф. Эндрюс. – М., 1973. – 471 с.

24. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. – М., 2002. – 384 с.
25. Поппер, К. Предположения и опровержения / К. Поппер. – М., 2004. – 638 с.
26. Порус, В. Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности) / В. Н. Порус. – М., 1999. – 120 с.
27. Прайс, Д. Малая наука, большая наука / Д. Прайс // Наука о науке. – М., 1966. – С. 281–384.
28. Сайганова, В. С. Историческая эпистемология: истоки и современное состояние / В. С. Сайганова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2020. – № 3. – С. 26–30.
29. Сайганова, В. С. Экспериментальная методология социально-гуманитарного познания: эпистемологический аспект / В. С. Сайганова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2023. – № 2. – С. 46–51.
30. Синергетическая парадигма : Многообразие поисков и подходов / под ред. В. С. Стёпина, В. И. Аршинова, В. Э. Войцеховича. – М., 2000. – 535 с.
31. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция: монография / В. С. Стёпин; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 539 с.
32. Филатов, В. П. Научное познание и мир человека / В. П. Филатов. – М., 1990. – 270 с.
33. Фролов, И. Т. Этика науки : Проблемы и дискуссии / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. – М., 1986. – 399 с.
34. Швырёв, В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании / В. С. Швырёв. – М., 1978. – 382 с.
35. Шюц, А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М., 2004. – 1054 с.
36. Щедровицкий, Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – М., 1997. – 641 с.
37. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. – М., 1997. – 444 с.
38. Яковлев, В. А. Инновации в науке / В. А. Яковлев. – М., 1997. – 161 с.
39. Яскевич, Я. С. Аргументация в науке / Я. С. Яскевич. – Минск, 1992. – 142 с.

Раздел 3. Философско-методологические проблемы дисциплинарно и междисциплинарно-организованной науки

1. Арон, Р. Этапы социологической мысли / Р. Арон. – М., 1993. – 606 с.
2. Аршинов, В. И. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Вопр. философии. – 2016. – № 1. – С. 59–70.

3. Барсук, И.А., Теоретико-методологические проблемы экономического знания: история и современность / И.А. Барсук, В.С. Сайганова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2016. – № 4. – С. 103-107.
4. Бор, Н. Избранные научные труды : в 2 т. / Н. Бор. – М., 1970–1971. – Т. 2. – 675 с.
5. Борн, М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн. – М., 1963. – 535 с.
6. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – М. : Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
7. Бройль, Л. Революция в физике / Л. Бройль ; под ред. М. К. Поливанова. – М., 1963. – 231 с.
8. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. – СПб., 1999. – 478 с.
9. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М., 1989. – 261 с.
10. Виндельбанд, В. Избранное: Дух и история / В. Виндельбанд. – М., 1995. – 687 с.
11. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М., 1987. – 366 с.
12. Горохов, В. Г. Введение в философию техники : учеб. пособие / В. Г. Горохов, В. М. Розин. – М., 1998. – 221 с.
13. Доброродний, Д.Г. Взаимодействие естественных и социально-гуманитарных наук как предмет философско-методологической рефлексии / Д.Г. Доброродний, О.Г. Шаврова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст.; редкол.: В.Ф. Берков [и др.]. – Минск, 2012. – С. 251-258.
14. Дубнищева, Т. Я. Современное естествознание: учеб. пособие / Т. Я. Дубнищева, А. Ю. Пигарев. – Новосибирск, 1998. – 158 с.
15. Зеленков, А.И. Стёпинская Минская методологическая школа / А.И. Зеленков // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 1. – С. 158-159.
16. Карпенков, С. Х. Концепции современного естествознания / С. Х. Карпенков. – 11-е изд., – М., 2001. – 669 с.
17. Качанов, Ю. Эпистемология социальной науки / Ю. Качанов. – СПб. : Алтейя, 2007. – 228 с.
18. Комаровская, А.С. Основы современного естествознания: учеб. пособие / А.С. Комаровская – Минск : РИВШ, 2016. – 122 с.
19. Концепции современного естествознания: становление естествознания и концептуальные основания физической картины мира : пособие / Л. Е. Лойко, С. В. Масленченко, Е. Н. Мисун ; под. общ. ред. Л. Е. Лойко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Акад. МВД, 2021. – 91 с.
20. Концепции современного естествознания: концептуальные основания химической и биологической картины мира и перспективы развития естествознания : пособие / Л. Е. Лойко, С. В. Масленченко, Е. Н. Мисун ; под.

общ. ред. Л. Е. Лойко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Акад. МВД, 2021. – 113 с.

21. Кравченко, С. А. Социология : парадигмы через призму социологического воображения : учеб. пособие / С. А. Кравченко. – 3-е изд. – М., 2007. – 622 с.

22. Кузнецов, В. И. Естествознание / В. И. Кузнецов, Г. М. Идлис, В. Н. Гутина. – М., 1996. – 383 с.

23. Микешина, Л. А. Новые образы познания и реальности / Л. А. Микешина, М. Ю. Опенков. – М., 1997. – 238 с.

24. Митчем, К. Что такое философия техники? / К. Митчем. – М., 1995. – 148 с.

25. Мэмфорд, Л. Миф машины / Л. Мэмфорд // Утопия и утопическое мышление. – М., 1991. – 404 с.

26. Найдыш, В. М. Концепции современного естествознания : учеб. пособие / В. М. Найдыш. – М., 1999. – 475 с.

27. Новикова О.В. Феномен истины и ее корреляты в социальном познании: к проблеме полиморфизма знания / В.Т. Новиков, О.В. Новикова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2020. – № 2. – С. 51-58.

36. Новикова О.В. К проблеме методологических оснований философско-исторического познания / О.В.Новикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. Журнал.2017. № 2.– С. 37 – 43.

28. Огурцов, А. П. Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / А. П. Огурцов; АН СССР. – М., 1990. – 49 с.

29. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 32–68.

30. Патнэм, Х. Разум, истина и история / Х. Патнэм. – М., 2002. – 296 с.

31. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М., 1993. – 287 с.

32. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М., 1998. – 410 с.

33. Ровинский, Р. Е. Развивающаяся Вселенная / Р. Е. Ровинский. – М., 2007. – 192 с.

34. Сайганова, В.С. Поле науки и критерии научности социального знания П. Бурдье / В.С. Сайганова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019 – №1. – С. 34-39.

35. Сергейчик, Е. М. Философия истории / Е. М. Сергейчик. – СПб., 2002. – 606 с.

36. Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии : пособие / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2015. – 327 с.

37. Лекторский, В. А. Теория познания : в 4 т. / В. А. Лекторский, Т. И. Озейрман (отв. ред.). – М., 1991-1995. – Т. 4–1995. – 433 с.

38. Трельч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М., 1994. – 720 с.
39. Уинч, П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / П. Уинч. – М., 1996. – 107 с.
40. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд. – Минск, 1991. – 604 с.
41. Черников, И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки / И. В. Черникова // *Вопр. философии*. – 2015. – № 1. – С. 71–79.
42. Шаврова, О.Г. Философская герменевтика как методология гуманитарного познания / О.Г. Шаврова // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / редкол.: В.А. Гайсенок [и др.]*. – Минск, 2021. – Ч. 2. – С. 108–114.
43. Шаповалов, Е. А. Курс лекций по философии техники / Е. А. Шаповалов. – СПб., 1998. – 123 с.
44. Шпанн, О. Философия истории / О. Шпанн. – СПб., 2005. – 484 с.
45. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер // *Культурология. XX век. Антология*. – М., 1999. – С. 454–492.
46. Шредингер, Э. Что такое жизнь? С точки зрения физики / Э. Шредингер. – М., 1972. – 88 с.
47. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / под общ. ред. В.Н. Садовского. – М., 2000. – 461 с.
48. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн // *Собр. науч. тр.* – М., 1967. – Т. 4–600 с.
49. Тавризян, Г. М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации» / Г. М. Тавризян. – М., 2009. – 208 с.
50. Юнгер, Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность / Ф. Г. Юнгер. – СПб., 2002. – 558 с.
51. Янчук, Е.И. На каком языке говорит химия (опыт философско-методологического анализа) / Е.И. Янчук // *Философия и социальные науки*. – 2013. – № 2. – С. 32–37.

Раздел 4. Философия, наука, человек в XXI столетии

1. Анохина, В. В. Культурная традиция в парадигмах современной философии / В. В. Анохина. – Минск: БГУ, 2014.
2. Асабина, Т.Ю. «Глобальная деревня» М. Маклюэна как концептуальная модель современной социодинамики / Т.Ю. Асабина // *Философия и социальные науки*. – 2014. – № 2. – С. 39–42
3. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М., 2004. – 185 с.
4. Бек, У. Что такое глобализация? : Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М. : Прогресс-традиция, 2001. – 303 с.
5. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб., 2001. – 414 с.

6. Водопьянов, П. А. Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку / П. А. Водопьянов, В. С. Крисаченко. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 306 с.
7. Дедолко, Ю. В. Аксиологический статус социального капитала в структуре нематериальных ресурсов современного общества / Ю. В. Дедолко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2022. – № 1. – С. 49-58.
8. Делягин, М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций / М. Г. Делягин. – 3-е изд. – М., 2003. – 766 с.
9. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М., 2000. – 511 с.
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000. – 606 с.
11. Козловский, П. Культура постмодерна / П. Козловский. – М., 1997. – 238 с.
12. Колядко, И. Н. Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и пути преодоления / И. Н. Колядко // Вопр. философии. – 2022. – № 3. – С. 76–80.
13. Лазаревич, А. А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 536 с.
14. Лаптёнок, А.С. Человек в системе социальных связей в условиях виртуальной реальности / А.С. Лаптёнок // Проблемы управления. – 2021. – № 1. – С. 109-114.
15. Лекторский, В. А. Рациональность как ценность культуры / В. А. Лекторский // Вопр. философии. – 2012. – № 5. – С. 26–34.
16. Лекторский, В.А. Социальные технологии и человек / В.А. Лекторский // Философия, познание, культура. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.
17. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна: доклад о знании / Ж. – Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск, 1998. – 160 с.
18. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. – СПб., 2000. – 346 с.
19. Миронов, В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации / В.В. Миронов // Метафизика не умирает : избранные статьи, выступления и интервью. – Москва : РГ-Пресс, 2020. – С. 152–168.
20. Миронов, В.В. Платон и современная пещера big-date / В.В. Миронов // Метафизика не умирает : избранные статьи, выступления и интервью. – Москва : РГ-Пресс, 2020. – С. 62–83.
21. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М., 2000. – 415 с.
22. Пантин, В. И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – М., 2006. – 446 с.

23. Радевич, Е. В. Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации / Е. В. Радевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2019. – № 3. – С. 41–46.
24. Сайганова, В.С. Феномен рациональности в современной культуре: антропологическое и когнитивное измерение / В.С. Сайганова, О.В. Новикова // Философия и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 56-60.
25. Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Стёпин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11.
26. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2011. – 408 с. – (Классика гуманит. мысли; Вып. 3).
27. Уткин, А. И. Новый мировой порядок / А. И. Уткин. – М., 2006. – 637 с.
28. Философия. Глобализация. Интеграция : монография / В. И. Чуешов [и др.] ; под общ. ред. проф. В. И. Чуешова. – Минск, 2006. – 205 с.
29. Философия устойчивого развития и социальная экология / А. И. Зеленков [и др.]; под науч. ред. А. И. Зеленкова. – Минск, 2015. – 199 с.
30. Фукуяма, Ф. Сильное государство управление и мировой порядок / Ф. Фукуяма. – М., 2010. – 222 с.
31. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М., 2003. – 416 с.
32. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., 2003. – 365 с.
33. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М., 2004. – 635 с.
34. Хомич, Е.В. Постантропологический кризис как ирония истории / Е.В. Хомич // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 312–321.
35. Человек. Наука. Цивилизация. К 75-летию академика В. С. Стёпина. – М. : Канон+, 2004. – 816 с.
36. Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации / А. Н. Чумаков. – М., 2006. – 514 с.
37. Яковец, Ю. В. Эпохальные инновации XXI века / Ю. В. Яковец. – М., 2004. – 439 с.
38. Яскевич, А.В. Процесс глобализации и проблема рисков информационного общества / А.В. Яскевич // Философия и ценности современной культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 октября 2013 г. / А.И. Зеленков [и др.]; редкол.: А.И. Зеленков, А.А. Легчилин, В.Т. Новиков; М-во образования, БГУ, ГНУ «Ин-т философии НАН Беларуси». – Минск: БГУ, 2014. – С. 675–678.

4.2. Электронные ресурсы

1. Образовательный портал БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dl.bsu.by>. – Дата доступа: 20.01.2025.
2. Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by>. – Дата доступа: 20.01.2025.